

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал основан в июне 2018 года

2024, том 7, № 2

Международный научный журнал

«Казанский лингвистический журнал» – международное научное рецензируемое издание открытого доступа, придерживающееся следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Публикуемые в журнале материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименования и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора по следующим группам научных специальностей:

5.8. Педагогика*

- 1) 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 2) 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
- 3) 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

5.9. Филология*

- 1) 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации
- 2) 5.9.2. Литературы народов мира
- 3) 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский, китайский языки)
- 4) 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Информация об издании

Казанский лингвистический журнал выходит с 2018 года с периодичностью 4 номера в год на *русском, татарском, английском, немецком, французском, турецком, китайском, испанском, итальянском* языках. Журнал приглашает к публикации авторов исследовательских и обзорных статей по проблемам русской и зарубежной лингвистики, литературоведения и педагогики. Формат журнала и принцип открытого доступа позволяют обеспечить широкий охват читательской и авторской аудитории.

Цель журнала заключается в ознакомлении российского и международного научного сообщества с результатами деятельности научных школ и самостоятельных исследователей в области языкознания, литературоведения, теории и методики обучения, воспитания, профессионального образования.

Задачи журнала:

- публикация научных, обзорных и информационных статей, отражающих актуальные вопросы в заявленных областях;
- информирование об основных результатах научных работ, выполняемых в рамках приоритетных направлений исследований;
- публикация статей, посвященных разработке и реализации новых перспективных проектов;
- информирование об исследованиях молодых ученых и результатах их научной работы.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. **Свидетельство о регистрации:** ПИ № ФС 77 – 72979, дата регистрации: 06.06.2018.

Форма распространения: печатное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации, номер ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Учредители: Сакаева Лилия Радиковна, Тахтарова Светлана Салаватовна, Хабибуллина Эльмира Камилевна.

Издатель: Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия»

ИНН 1655080432: ОГРН 1041621009660

Адрес: 420111, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 10/15

Редакция: 420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117

Сайт: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Индекс 64986

Телефон: +7 (843) 221-34-79

ГК «Урал-Пресс»

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Редакционная коллегия

Адельгейм Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Беленцов Сергей Иванович – доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по учебно-методической работе, Курский государственный университет, г. Курск, Россия

Бокова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Гревцева Гульсина Якуповна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия

Громова Нелли Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой африканистики ИСАА при МГУ, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Загидуллина Дания Фатиховна – доктор филологических наук, профессор, вице-президент, ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Закирьянов Алфат Масумзянович – доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом литературоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Ионова Светлана Валентиновна – доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, профессор кафедры общего и русского языкознания, г. Москва, Россия

Калимуллина Ольга Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, Казанская государственная консерватория им. Н.Г. Жиганова, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Корнеева Лариса Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Миннуллин Ким Мугаллимович – доктор филологических наук, профессор, директор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Митягина Вера Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Морозкина Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Мурашов Рахим Закиевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой и французской филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Несмелова Ольга Олеговна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Пенская Елена Наумовна – доктор филологических наук, профессор, руководитель Школы филологических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Ратнер Фаина Лазаревна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Рябцева Надежда Константиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором прикладного языкознания, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Россия

Сабирова Диана Рустамовна – доктор педагогических наук, доцент, декан Высшей школы иностранных языков и перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сакаева Лилия Радиковна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сдобников Вадим Витальевич – доктор филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Сторожук Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Шамина Вера Борисовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Яроцкая Людмила Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии института гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Яхин Фарит Закизянович – доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом текстологии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

The journal was founded in June 2018

2024, volume 7, No. 2

International scientific journal

“Kazan linguistic journal” is an international peer-reviewed open access journal that adheres to the following principle: free open access to research results increases the global exchange of knowledge.

The papers published in this journal have passed expert selection and peer review procedures. The scientific content of publications, the titles and content of sections correspond to the requirements for peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission under Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The most significant scientific works corresponding to the subject and containing materials of the author's own scientific research in the following groups of scientific specialties are accepted for publication in the journal:

5.8. Pedagogy*

- 1) 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 2) 5.8.2. Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)
- 3) 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

5.9. Philology*

- 1) 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation
- 2) 5.9.2. Literature of the peoples of the world
- 3) 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (English, Chinese)
- 4) 5.9.8 Theoretical, applied and comparative linguistics

Information about the journal

Kazan linguistic journal has been published since 2018 with a frequency of 4 issues per year. The works can be submitted in 9 languages: Russian, Tatar, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Turkish. The journal invites doctors and candidates of sciences, university professors, doctoral students, graduate students, undergraduates, as well as everyone who is interested in the issues under consideration to take part in the discussion on the proposed heading and publish for free. The format of the journal and the principle of open access allows providing the widest coverage of the readers and authors' audience.

The editorial board of “Kazan linguistic journal” sees **the main goal** of its activity as promotion and dissemination of information about the most significant research achievements and innovative solutions in the field of philology and linguistics, as well as facilitating the exchange of professional experience in the Russian and international community.

Achieving this goal is carried out by solving the following **tasks**:

- creation of an open discussion platform to support the exchange of views and dissemination of information in the scientific community;
- constant expansion of the range of authors in geographical (overcoming the localization of the publication process) and research plan (increasing the range of issues under consideration);
- promotion of interdisciplinary relationships and an integrated approach to the phenomena under study;
- ensuring compliance of the journal with international requirements for scientific periodicals, as well as careful and objective selection of manuscripts for publication.

The number of the certificate media: ПИИ № FS 77 – 72979, registration date: 06.06. 2018

The shape of the distribution: print media (magazine)

Territory of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Registered in the Russian Federation ISSN National Agency, ISSN registration number: ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Founders: Sakaeva Liliya Radikovna, Takhtarova Svetlana Salavatovna, Khabibullina Elmira Kamilevna.

Publisher: Autonomous non-profit organization "Institute of cultural heritage": INN 1655080432: OGRN 1041621009660

Address: 10/15, Kremlin str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420111

Editorial office: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008

Website: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Index 64986

Phone: +7 (843) 221-34-79

“Ural-Press”

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Published 4 times a year

Head editor

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of theory and practice of translation, Kazan (Volga region) Federal University, (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Editorial Board

Adelgeym Irina Evgenevna – Doctor of Philology, Professor, Lead Reasecher, Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Avrutina Apollinaria Sergeevna – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Belentsov Sergey Ivanovich – Doctor of Pedagogics, Professor, Deputy director for education, Kursk State University (Kursk, Russia)

Bokova Tatyana Nikolaevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of English studies and crosscultural communication, Moscow City University (Moscow, Russia)

Bushkanets Liya Efimovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of foreign languages in international relations, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Grevtseva Gulsina Yakupovna – Doctor of Pedagogics, Professor of the department of pedagogy and psychology, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russia)

Gromova Nelli Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of African studies of Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Zagidullina Daniya Fatikhovna – Doctor of Philology, Professor, Vice President, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Zakirzyanov Alfat Magsumzyanovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Ionova Svetlana Valentinovna – Doctor of Philology, Professor, State Institute of the Russian Language. A.S. Pushkina, Professor of the Department of General and Russian Linguistics (Moscow, Russia)

Kalimullina Olga Anatolevna – Doctor of Pedagogics, Professor, N.G. Zhiganov Kazan State Conservatory (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Korneeva Larisa Ivanovna – Doctor of Pedagogics, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Krylov Viacheslav Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Minnullin Kim Mugallimovich – Doctor of Philology, Professor, Director, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Mityagina Vera Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University (Volgograd, Russia)

Morozkina Evgenia Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of linguodidactics and translation studies, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Muryasov Rakhim Zakievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of German and French philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Nesmelova Olga Olegovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Penskaya Elena Naumovna – Doctor of Philology, Professor, Academic Supervisor of Faculty of Humanities, Higher School of Economics National Research University (Moscow, Russia)

Ratner Faina Lazarevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of Theory and Practice of Translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Riabtseva Nadezhda Konstantinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the sector of Applied linguistics, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sabirova Diana Rustamovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Dean of the Higher school of foreign languages and translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sakaeva Liliya Radikovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of foreign languages, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sdobnikov Vadim Vitalievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of the English language and translation theory and practice, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov (Nizhny Novgorod, Russia)

Storozhuk Aleksandr Georgievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Head of the department of theory and practice of translation (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Fatullina Fluza Gabdullinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and comparative philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Shamina Vera Borisovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yakhin Farit Zakirzyanovich – Doctor of Philology, Professor, G. Ibragimov Institute of language, literature and art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yarotskaya Ludmila Vladimirovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

• Педагогика. Общая педагогика, история педагогики и образования Сабирова Д.Р., Поморцева Н.П., Шишкина Ю.А. Условия повышения качества научно-исследовательских работ школьников по иностранному языку	145
• Филология. Литературы народов мира Мартинес Селис Диас С., Алташина В.Д. «Разбитый колокол» Ш. Бодлера: меланхолический образ колокола в переводе Эллиса	158
• Филология. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика Абузярова Д.Л., Кочетова Л.А. Смягчение в британском парламентском дискурсе Айбазова А.М. Дерогативная сфера концептуализации как доминанта тематического кинодискурса (на материале карачаево-балкарского фильма о депортации)	169 180
Захарова Н.В. Особенности передачи лингвостилистических средств французского политического дискурса	191
Ильющенко Н.С., Шифрина С.А. Спортивные англицизмы в современном русском языке	203
Маннапова С.А., Лопаткина Т.С. Глагольный дополнительный элемент в современном китайском языке: проблема терминологического плюрализма и единства классификации	213
Назирли М.Г., Хайруллина Р.Х. Фразеологические модели с компонентами язык / <i>dil</i> (на материале русского и турецкого языков)	243
Панченко Н.Н., Уваров А.А. Категория авторитетности как идентификатор эгоцентризма	252
Семушина Е.Ю., Праченко О.В. Особенности актуализации прямого значения компонентов фразеологической единицы при окказиональной трансформации в контексте (на материале английского и русского языков)	262

CONTENT

• Pedagogy. General pedagogy, history of pedagogy and education	
Sabirova D.R., Pomortseva N.P., Shishkina Yu.A. Conditions for Improving the Quality School Students' Research Work in a Foreign Language	145
• Philological studies. Literature of the peoples of the world	
Martínez Celis Díaz C., Altashina V.D. "The Broken Bell" by Charles Baudelaire: The Melancholic Image of the Bell in Ellis' Translation	158
• Philological studies. Theoretical, applied and comparative linguistics	
Abuzyarova D.L., Kochetova L.A. Mitigation in British Parliamentary Discourse	169
Aibazova A.M. The Derogative Sphere of Conceptualization as a Dominant of Thematic Film Discourse (Based on a Karachay-Balkarian Documentary Film about Deportation)	180
Zakharova N.V. Peculiarities of Translation of Linguistic and Stylistic Means in French Political Discourse	191
Ilyushchenko N.S., Shifrina S.A. English Sports Borrowings in the Modern Russian Language	203
Mannapova S.A., Lopatkina T.S. A Grammar Complement in Modern Chinese: The Problem of Terminological Pluralism and Classification Unity	213
Nazirli M.G., Khairullina R.H. Phraseological Models with <i>Language/Dil</i> Components (based on the Material of the Russian and Turkish Languages)	243
Panchenko N.N., Uvarov A.A. The Category of Authority as an Identifier of Egocentrism	252
Semushina E.Y., Pratchenko O.V. Peculiarities of Actualization of the Direct Meaning of the Phraseological Unit During Instantial Transformation in the Discourse (based on English and Russian)	262

**ПЕДАГОГИКА. ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ
ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
PEDAGOGY. GENERAL PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY
AND EDUCATION**

Научная статья
УДК 372.881.111.1

Педагогические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.145-157>

**УСЛОВИЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ ШКОЛЬНИКОВ ПО
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ**

Д.Р. Сабирова¹, Н.П. Поморцева², Ю.А. Шишкина³

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия*

¹dianasab@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-7657-5260>

²nadpom@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7496-8204>

³yulyashishkina@mail.ru

Аннотация. Актуальность данного научного исследования обусловлена недостаточной изученностью особенностей организации научно-исследовательской работы (НИР) школьников по иностранному языку (ИЯ). Анализ литературы по проблеме исследования показал, что достаточного внимания поиску путей повышения уровня организации и содержания НИР по ИЯ не уделяется. Многолетний опыт научно-методической деятельности по проблеме, широкий охват разновозрастной аудитории обучающихся, разнообразие направлений и тем научных работ школьников по ИЯ предоставляет авторам значительный материал для анализа и формулировки рекомендаций в рамках проблемы исследования. На основе анализа теоретической литературы авторами было обобщено и уточнено понятие «научно-исследовательской деятельности» школьников по ИЯ, этапы и формы ее реализации. На базе обширного эмпирического материала, накопленного авторами в ходе многолетней работы в качестве членов жюри научно-исследовательских конференций школьников, были выявлены наиболее типичные ошибки НИР школьников по ИЯ, касающиеся формулировки темы, научного аппарата исследования, содержания и оформления работы. На их основе сформулированы условия повышения качества научно-исследовательских работ обучающихся. Материалы статьи, а также методические рекомендации по повышению качества имплементации научных исследований школьников по ИЯ могут представлять интерес как в рамках организации НИР в средней школе, так и для развития у них научно-исследовательских компетенций обучающихся, в целом.

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность; научно-практическая конференция; научный аппарат исследования; иностранный язык; школьник

Для цитирования: Сабирова Д.Р., Поморцева Н.П., Шишкина Ю.А. Условия повышения качества научно-исследовательских работ школьников по иностранному языку. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(2): 145–157. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.145-157>

CONDITIONS FOR IMPROVING THE QUALITY OF SCHOOL STUDENTS' RESEARCH WORK IN A FOREIGN LANGUAGE

D.R. Sabirova¹, N.P. Pomortseva², Yu.A. Shishkina³

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

¹dianasab@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-7657-5260>

²nadpom@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7496-8204>

³yulyashishkina@mail.ru

Abstract. The relevance of the chosen research topic is determined by the insufficient study of the features of the organization of school students' research work in a foreign language (FL). An analysis of literature on the issue has shown that researchers do not pay enough attention to finding ways of improving the quality of implementation of research activity in a FL. Careful involvement in research and consultation on the issue, a wide coverage of school students of different age groups, a variety of areas and topics of research of schoolchildren in foreign languages provide the authors of the article with significant material for analysis and formulation of recommendations within the framework of the research. Based on the analysis of theoretical literature, the authors generalized and clarified the concept of "research activity" of schoolchildren in foreign languages, the stages and forms of its implementation. The extensive empirical material accumulated by the authors in the course of many years of work as members of the jury of research conferences for schoolchildren allowed the authors to reveal the most typical mistakes in the research work of schoolchildren in FL that is the research topic relevance, research methodology, contents and presentation. The authors also determined the conditions for increasing the effectiveness of research work of students. The materials of the article, as well as methodological recommendations for improving the quality of school students' research works in a foreign language may be of interest both within the framework of organizing a research at school, and for building the students' skills of conducting a research in a foreign language, in general.

Key words: research activity; scientific and practical conference; research methodology; school student

For citation: Sabirova D.R., Pomortseva N.P., Shishkina Yu.A.. Conditions for Improving the Quality School Students' Research Work in a Foreign Language. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(2): 145–157. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.145-157>

Сегодня в условиях быстрого развития информационных технологий овладение иностранным языком является необходимым условием качественного образования, успешной карьеры и полноценной социализации личности [1]. При этом задачей современной школы является не только овладение ИЯ, но и приобретение обучающимися научно-исследовательских компетенций, которые позволят эффективно работать с информацией на ИЯ и проявлять себя в научно-практических исследованиях в будущем. Однако, анализ литературы по проблеме показал, что наряду с несомненным интересом к развитию научно-

исследовательской деятельности школьников, поиску путей повышения эффективности НИР по ИЯ достаточного внимания не уделяется [1-2; 4-8].

Изучив понятие «исследовательской деятельности» в разных источниках, обобщим, то традиционно исследовательскую деятельность определяют, как особую деятельность, целью которой является получение новых знаний. А.И. Савенков подчеркивает, что исследовательская деятельность является не только интеллектуальной, но еще и творческой [8]. А.В. Леонтович в свою очередь делает акцент на том, что данный вид деятельности обучающихся способствует формированию функционального навыка исследования, который в свою очередь является способом освоения действительности [7]. Авторы приходят к выводу, что *исследовательская деятельность* – это интеллектуально-творческая деятельность, которая направлена на удовлетворение познавательных потребностей, получение обучающимися субъективно новых знаний и формирование у них навыка исследования как универсального метода освоения действительности. Из определения вытекают *задачи* исследовательской деятельности школьников:

1) развитие учебной автономии обучающихся. Это основа корректной социальной и профессиональной адаптации будущего абитуриента [9];

2) фасилитация процесса самореализации личности школьника. Реализация данной задачи поднимает вопрос о роли научного руководителя, которому необходимо правильно определить потенциал каждого и направить исследовательский процесс соответственно [1;11];

3) совершенствование коммуникативной компетенции обучающегося. Выполнение НИР способствует развитию образного мышления, памяти, логики, заставляет учиться четко выражать свою точку зрения, непосредственно влияет на творческие способности обучающегося [4];

4) совершенствование навыков сотрудничества. В процессе ежегодного осуществления исследовательской деятельности, публичной защиты своих ра-

бот школьник становится более социально активным, учится более эффективно общаться [12].

Организация научно-исследовательской работы по иностранному языку предусматривает следующие *стадии*: 1) определение актуальности исследования или проекта; 2) установление целей, выявление задач, необходимых для решения; 3) подбор способов и подходов, соответствующих целям и задачам; 4) разработка плана работы; 5) осуществление научного исследования; 6) представление конечных результатов исследования в соответствии с целью и задачами научной работы; 7) изложение полученных результатов [5].

Актуальность исследования связана с выявлением и решением противоречий, которые обучающиеся должны уметь самостоятельно выявлять и формулировать. Цель исследования должна соответствовать его актуальности и практической значимости, и выдвижение гипотезы помогает определить ожидаемый результат. Для более систематического подхода к исследованию необходим план, который соответствует структуре текстового оформления НИР. Результаты исследования могут быть представлены в различных форматах, в зависимости от типа научно-исследовательской деятельности или проекта.

В образовательной среде современной школы существует ряд эффективных *форм* организации научно-исследовательской работы, среди которых можно выделить уроки, кружки, элективные курсы, факультативы, школьные научные объединения учащихся, научно-практические и научно-исследовательские конференции, конкурсы исследовательских работ и олимпиады [5; 8]. Наиболее качественные НИР школьников могут быть представлены как на научно-исследовательских и практических конференциях обучающихся разного уровня, так и в виде статьи в тематических сборниках.

В целом, научные конференции школьников представляют собой важную составляющую научного сообщества. Здесь обучающиеся имеют возможность апробировать свои работы в среде сверстников и при поддержке членов жюри-

педагогов школы и профилирующего вуза. Выделяют несколько типов конференций школьников:

1) научно-исследовательские, ориентированные на представление школьниками результатов научных исследований. Они демонстрируют свои научные работы, проводят презентации и отвечают на вопросы. Эти конференции способствуют развитию исследовательских навыков и научного мышления у учеников;

2) научно-практические конференции ориентированы на применение научных знаний в решении практических задач. Участники делятся своим опытом, демонстрируют прототипы, проводят демонстрации экспериментов или практических исследований. Эти конференции помогают школьникам увидеть, как научные знания могут быть использованы для решения реальных проблем;

3) проектные конференции представляют собой площадку, где участники представляют свои инновационные проекты или технологические разработки, обсуждают идеи, рассказывают о результатах и возможных применениях своих проектов. Эти конференции способствуют развитию творческого мышления и предпринимательских навыков у школьников [6].

В данной статье представлены результаты анализа более 150 научно-исследовательских работ участников городских, региональных и всероссийской (с международным участием) конференций, ежегодно организуемых на базе средних и высших образовательных учреждений города г.Казани и Республики Татарстан.

На основе анализа обширного эмпирического материала, накопленного авторами в ходе многолетней работы в качестве членов жюри научно-исследовательских конференций школьников, были выявлены наиболее типичные ошибки в осуществлении НИР школьников по лингвистике.

Первое, на что следует обратить внимание научным руководителям школьников, это формулировка темы. Тема работы предполагается быть науч-

ной и проблемной. Она также должна соответствовать названию секции конференции, в которой будет представлена работа.

Статический анализ материалов исследования показал, что участники городских конференций отдают предпочтение темам по филологии (71 %), тогда как на региональных конференциях практически равное количество участников выбирают тема по филологии и межкультурной коммуникации (49% и 40% соответственно) (См. рис. 1). Тема перевода на городских и региональных конференциях представлена наименьшим количеством работ участников (5% и 11% соответственно). В то время как на всероссийских конференциях данная тема является приоритетной (52%) по сравнению с другими темами (См. рис.1).

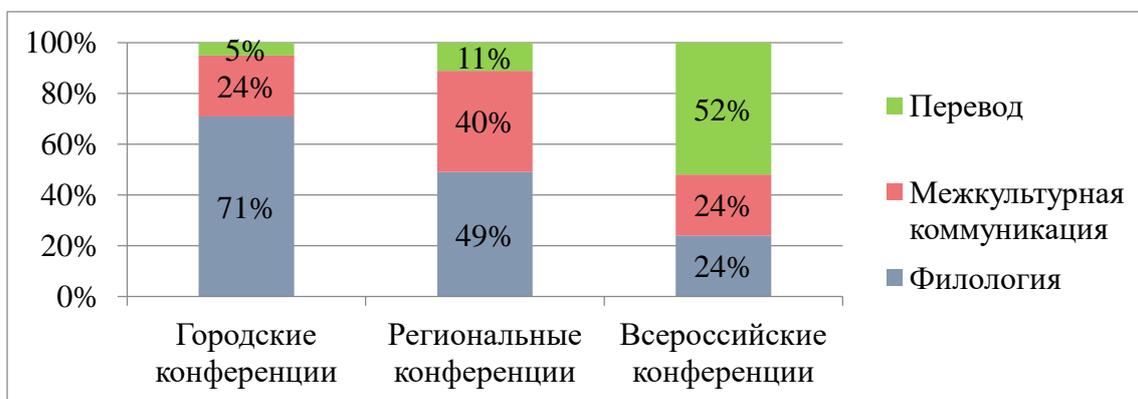

Рис. 1. Тематика НИР по ИЯ на конференциях различного уровня

На примере конкретных тем разберем наиболее часто допускаемые ошибки в формулировке темы НИР школьников. Тема «*Английский как международный язык общения*», представленная на городской конференции достаточно обширна и автору следовало бы конкретизировать стиль общения, который будет рассмотрен в работе (деловой, неформальный, официальный). Исходя из содержания работы представляется корректным изменить формулировку на «*Английский как международный язык неформального общения*» или «*Возможности англоязычных приложений для знакомств как способ неформального общения*».

На уровне всероссийской конференции мы можем наблюдать отличную от других конференций тенденцию выбора тем (См. рис. 1). Более половины работ были представлены по переводу («*Трудности перевода якутских сказок*

на английский язык», «Перевод этнографических реалий на русский и французский языки на материале олонхо Петра Оготоева «Элэс Боотур» и до). Примерно равное количество работ были посвящены филологии, («Значимость неологизмов в современном англоязычном политическом дискурсе») и межкультурной коммуникации («Социальный этикет в Англии и Китае», «Воплощение концепта “дружба/friendship/дуслык/dostluq” в русской, английской, татарской и азербайджанской лингвокультурах» и др.).

Исследование показало, что участники конференцией делают ошибки в формулировке темы независимо от уровня проводимых мероприятий. Проанализировав ошибки, допускаемые обучающимися в названиях своих научно-исследовательских работ, можно разделить их на четыре категории: орфографические; стилистические; слишком обширная формулировка темы; несоответствие заявленным тематикам секции конференции.

Приходится констатировать, что две трети, рассмотренных тем научно-исследовательских работ (68% от общего количества) формулируются школьниками и их научными руководителями некорректно, что становится первым серьезным барьером на пути эффективной организации НИР по ИЯ.

Проанализировав научный аппарат научно-исследовательских работ участников конференций, нами были сделаны следующие выводы. Практически во всех работах присутствуют цели и задачи исследования (96,5% и 95% соответственно).

Однако, цели и задачи не всегда сформулированы корректно; в некоторых работах присутствует большое количество задач, которые не решаются в рамках исследований школьников. В большинстве работ авторами были выделены актуальность (86%), объект (75%) и предмет (68%) исследования. В половине исследуемых НИР описаны методы исследования (58%) и теоретическая и практическая значимость (54%). Теоретическая база, материалы исследования и научная новизна освещены в незначительном количестве научно-исследовательских работ (3,5%, 10,5% и 14% соответственно), что становится

очередным барьером на пути качественной имплементации НИР школьника (См. рис. 2).

Авторы уверены, что непременным условием успешного выполнения и защиты НИР является корректная формулировка проблемы исследования, что предъявляет высокие требования к уровню подготовки научного руководителя (учителя школы), в задачи которого входит выяснить, каков объект исследования и критерии его выделения, в какой отрасли науки этот вопрос уже рассматривался, какие с ним связаны проблемы, какие уже имеются результаты, кем они получены и что остается выяснить [13].

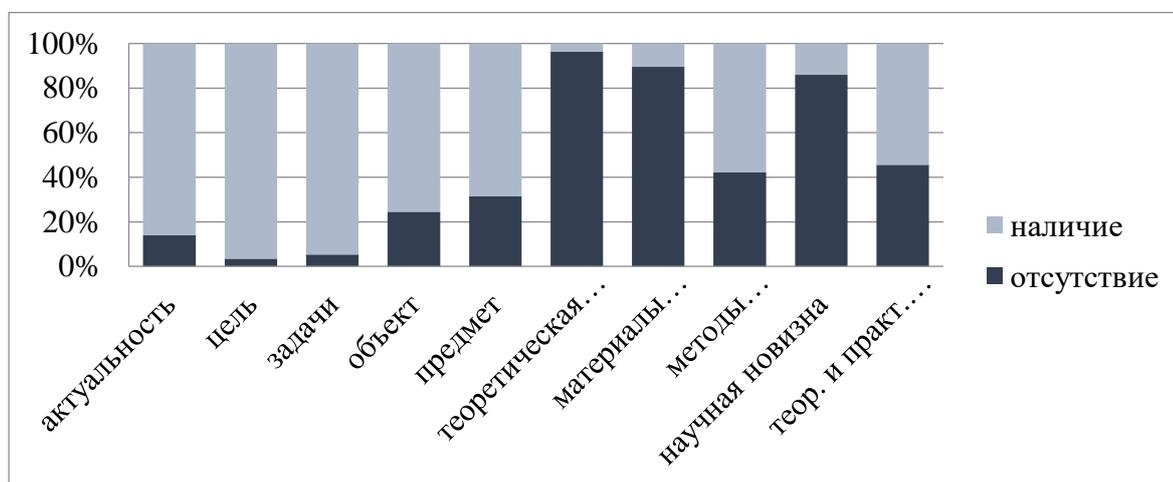

Рис. 2. Научный аппарат НИР школьников по ИЯ

Изложение хода и результатов исследования школьника осуществляется в основной части НИР и должно иллюстрироваться примерами, подтверждающими обоснованность суждений. Результаты исследования, изложенные в заключении, должны иметь теоретическую и практическую значимость, сопровождаться рекомендациями по их использованию в практике изучения ИЯ, перевода или процессе межкультурной коммуникации. Рассмотрим следующие работы с точки зрения барьеров обеспечения валидности результатов в рамках конференции школьников.

Рассмотрим данную проблему на примере исследования, посвященного «*Особенностям переводов романа Уинстона Грума “Форрест Гамп” (гендерный аспект)*» в предмете исследования заявлен перевод части романа Уинстона

Грума (третьей главы), а в названии - перевод всего текста произведения. В содержании допущены следующие ошибки: Глава 1 имеет название «Теория перевода», некорректно копируя дисциплину, изучаемую в профилирующем вузе, а название второй главы идентично названию НИР. В тексте Главы 2 представлено значительное количество таблиц (объемом более половины страницы), стоило бы вынести в приложения, анализ содержания таблиц носит фрагментарный характер. Автором было проведено анкетирование среди одноклассников по определению гендеров переводчиков. Результаты опроса ограничено представлены в заключении, их следовало бы описать в одной из глав работы.

Таким образом, в процессе организации НИР по лингвистике школьнику и учителю-научному руководителю необходимо уделять особое внимание выбору и формулировке темы исследования. Во введении к научно-исследовательской работе должны быть должным образом отражены методология НИР, а именно: объект, предмет, актуальность, цель, задачи, научная новизна, теоретическая база, теоретическая и практическая значимость, материалы и методы исследования. Следует обращать внимание на актуальность и значимость анализируемых теоретических научных трудов и источников материала исследования, в целом.

На основании проведенного анализа ошибок, авторы выявили условия обеспечения качества организации научно-исследовательской деятельности обучающихся средней школы и валидность результатов НИР по ИЯ, представленные здесь в качестве рекомендаций.

1. Организационно-педагогические условия, обеспечивающие организацию мер педагогического воздействия для целенаправленного планируемого управления педагогическим процессом:

- четко сформулировать тему исследования, связанную с областью науки, которая представляет наибольший интерес для обучающегося;
- сформулировать четкий исследовательский вопрос, который будет определять цель исследования и его рамки;

- провести обзор научной литературы, связанной с темой исследования;
- изучить работы российских и зарубежных исследователей, чтобы понять текущее состояние знаний в данной области;

2. Психолого-педагогические условия - взаимодействие между участниками образовательного процесса с целью развития личности обучающихся, что свою очередь, должно послужить инструментом для повышения эффективности процесса обучения:

- определить методы исследования, которые будут использованы в работе (например, эксперимент, опрос, анализ данных и т.д.);
- объяснить выбор методологии и обосновать, почему она является подходящей для решения поставленного исследовательского вопроса;
- описать процедуры, методы и методики, которые будут использоваться для сбора и анализа данных;
- обработать собранные данные с использованием соответствующих статистических или аналитических методов;
- проанализировать полученные результаты и сделать выводы на основе результатов анализа данных;
- обсудить с научным руководителем результаты исследования и их значимость с учетом текущих знаний в данной сфере науки;

3. Дидактические условия, предполагающие отбор и преобразование образовательных возможностей под цели обучения и их реализацию:

- выделить ключевые выводы исследования и объяснить их значение;
- оформить исследовательский текст в соответствии с научными стандартами и требованиями, изложенными в Положении о конференции, на которую заявляется данная работа;
- придерживаться научного стиля речи и использовать ясные и точные формулировки.

В целом очевидно, что, если научно-исследовательская школьника заявляется на конференцию любого уровня, подготовку к ней следует начинать с

внимательного прочтения «Информационного письма конференции», где указываются требования к содержанию и оформлению работ. Также отметим, что важнейшим условием успешной организации НИР обучающихся является организация соответствующей подготовки учителей, так как именно они являются научными руководителями школьников и в их задачи входит правильно организовать научно-исследовательскую деятельность обучающихся в рамках средней школы.

Для дальнейших исследований в этой области можно рассмотреть несколько перспективных направлений. Во-первых, необходимо исследовать влияние организации научно-исследовательской работы на развитие коммуникативных навыков и межкультурной компетенции у одаренных обучающихся. Другим перспективным направлением исследования является анализ роли мотивации и саморегуляции в процессе реализации НИР обучающихся по ИЯ [10;12] для достижения максимальных результатов. Также важно углубиться в критерии оценивания НИР школьников по ИЯ. Исследования, направленные на разработку объективных и справедливых методов оценки и рефлексии по результатам исследовательской работы, могут способствовать улучшению качества ее организации.

Полученные результаты анализа научно-исследовательских работ школьников и рекомендации по совершенствованию организации НИР могут быть использованы педагогическими работниками и специалистами в сфере образования. Представленные рекомендации могут служить для разработки и внедрения более эффективных методик и подходов к обучению, а также для улучшения образовательных программ и практик с целью развития потенциала обучающихся и достижения высоких результатов в научно-исследовательской деятельности школьников по ИЯ.

Список литературы

1. Дереклеева Н. И. Научно-исследовательская деятельность учащихся и учителей: необходимые условия и алгоритмы организации. *Иностранные языки в школе*. 2019; 10: 27–40.

2. Гужев В. В. Исследовательская работа школьников: суть, типы и методы. *Школьные технологии*. 2020; 5:49–52.
3. Данилова Ю.Ю., Солунова Я.А. Современные направления языкознания как перспективный ресурс проектно-исследовательской деятельности на уроках русского языка. *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 1(4): 126–137.
4. Бондаренко С.М. Организация учебно-исследовательской деятельности обучающихся в условиях современной общеобразовательной школ. *Вестник Шадринского государственного педагогического университета*. 2016; 3(31): 92–100.
5. Котельникова Я. А. Некоторые особенности организации и оформления исследовательской работы учащихся: методическое пособие для педагогов, организующих исследовательскую деятельность школьников. *Исследовательская работа школьников*. 2018; 1: 49–61.
6. Лебедева О. В., Гребенев И. В. Проектирование и организация исследовательской деятельности учащихся в учебном процессе. *Педагогика*. 2018; 12: 52–58.
7. Леонтович А. В. Концептуальные основания модели организации исследовательской деятельности учащихся. *Школьные технологии*. 2006; 5: 63–71.
8. Карпейко В.Е. *Исследовательская деятельность учащихся в пространстве урока английского языка*. URL: <https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/angliiskiy-yazyk/library/2014/05/15/issledovatelskaya-deyatelnost> [дата обращения: 25.02.2024].
9. Савенков А.И. *Психология детской одаренности: учебник для бакалавриата и магистратуры*. 2-е изд. М.: Юрайт; 2019; 334 с.
10. Сагитова Р.Р., Плахова Е.А. Самоуправляемое обучение иностранным языкам. *Казанский лингвистический журнал*. 2020; 4(3): 445–454. (In Eng)
11. *Рабочая концепция одаренности*. Под ред. Д.Б. Богоявленской, В.Д. Шадрикова, Ю.Д. Бабаевой и др. 2-е изд., расш. и перераб. М.; 2003: 95 с.
12. Пахомова Н. Ю. Учет психологических особенностей старшего школьного возраста как способ повышения мотивации к изучению английского языка. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*; 2018; 9:141–145.
13. Sabirova D.R. Skills and Abilities of Students. Critical Attitude to Building a Career by Means of Language Learning Disciplines. *Res Militaris*. 2022;12: 2097–2105.

References

1. Derekleeva N. I. Research activity of students and teachers: necessary conditions and algorithms of organization. *Foreign languages at school*. 2019; 10: 27–40. (In Russ)
2. Guzeev V.V. Research work of schoolchildren: essence, types and methods. *School technologies*. 2022; 15: 49–52. (In Russ)
3. Danilova Yu.Yu., Solunova Ya.A. Modern directions of linguistics as a promising resource of project-research activity as part of the Russian language learning. *Kazan Linguistic journal*. 2021; 1 (4): 126–137. (In Russ.)
4. Bondarenko S.M. Organization of educational and research activities of students in the conditions of modern general education schools. *Bulletin of the Shadrinsk State Pedagogical University*. 2016, 3 (31): 92–100. (In Russ)
5. Kotelnikova Ya. A. Some features of the organization and design of research work of students: a methodological guide for teachers organizing research activities of schoolchildren. *Research work of schoolchildren*. 2018; 1: 49–61. (In Russ)
6. Lebedeva O. V., Grebenev I. V. Design and organization of research activities of students in the educational process. *Pedagogy*. 2018; 12: 52–58. (In Russ)
7. Leontovich A. V. Conceptual foundations of the model of organization of research activities of students. *School technologies*. 2006; 5: 63–71. (In Russ)

8. Karpeiko V.E. *Research activities of students in the space of an English lesson*. Available from: <https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/angliiskiy-yazyk/library/> 2014/05/15/issledovatelskaya-deyatelnost [accessed: 25.12.2023]. (In Russ)
9. Savenkov A.I. *Psychology of children's giftedness: a textbook for undergraduate and graduate students*. 2nd ed. Moscow: Yurayt; 2019; 334 p. (In Russ)
10. Sagitova R.R., Plakhova E.A. Self-guided teaching of foreign languages. *Kazan Linguistic Journal*. 2020; 4(3): 445–454
11. *Working concept of giftedness*. Ed. D.B. Bogoyavlenskaya, V.D. Shadrikova, Yu.D. Babaeva and others. 2nd ed., expanded. M.; 2003; 95 p. (In Russ)
12. Pakhomova N.Yu. Taking into account the psychological characteristics of senior school age as a way to increase motivation for learning English. *Concept: Scientific and methodological electronic journal*. 2018; 9:141–145. (In Russ)
13. Sabirova D.R. Skills and Abilities of Students. Critical Attitude to Building a Career by Means of Language Learning Disciplines. *Res Militaris*. 2022; 12: 2097–2105.

Авторы публикации

Сабирова Диана Рустамовна –
доктор педагогических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: dianasab@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7657-5260>

Поморцева Надежда Павловна –
кандидат педагогических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: nadpom@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7496-8204>

Шишкина Юлия Алексеевна –
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: yulyashishkina@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17.02.2024
Одобрена после рецензирования: 10.03.2024
Принята к публикации: 2.04.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Sabirova Diana Rustamovna –
Doctor of Education, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: dianasab@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7657-5260>

Pomortseva Nadezhda Pavlovna –
PhD, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: nadpom@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7496-8204>

Shishkina Yulia Alekseevna –
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: yulyashishkina@mail.ru

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 17.02.2024
Approved after peer reviewing: 10.03.2024
Accepted for publication: 2.04.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА
PHILOLOGY. LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

Научная статья
УДК 82-1

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.158-168>

**«РАЗБИТЫЙ КОЛОКОЛ» Ш. БОДЛЕРА: МЕЛАНХОЛИЧЕСКИЙ
ОБРАЗ КОЛОКОЛА В ПЕРЕВОДЕ ЭЛЛИСА**

С. Мартинес Селис Диас¹, В.Д. Алташина²

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹st106553@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7071-7899>

²v.altashina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8134-3929>

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации образа колокола в переводе Эллиса стихотворения Шарля Бодлера «Разбитый колокол». Рассмотрев контекст творчества обоих поэтов и сравнив использование образа колокола в других поэтических произведениях, можно увидеть, как Эллис, сохраняя верность оригиналу, видоизменяет этот меланхоличный образ, концентрируясь главным образом на визуальных аспектах. В результате исследования показано, как символистский контекст и эстетика Эллиса в конечном итоге видоизменяют образы и метафоры в стихотворении Бодлера. Особое внимание уделено образу колокола, традиционно используемого в создании меланхолического дискурса, проанализировано то, как Эллис, с одной стороны, сохраняет определенные характеристики этого образа, а с другой - меняет способ его интерпретации. Прослеживается эволюция этого образа и рассматриваются переводческие решения, принятые Эллисом, в том числе и в области звукописи, призванной передать звучание колокола. Анализ процесса перевода показывает, какие именно изменения он вносит, чтобы реконструировать меланхолические образы стихотворения Бодлера и в то же время создать новую меланхолическую атмосферу, более близкую к тому, что будет отличать его собственное поэтическое творчество.

Ключевые слова: Эллис; Л.Л. Кобылинский; Ш.Бодлер; перевод; меланхолия; колокол; поэма; сплин

Для цитирования: Мартинес Селис Диас С., Алташина В.Д. «Разбитый колокол» Ш. Бодлера: меланхолический образ колокола в переводе Эллиса. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(2): 158–168. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.158-168>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.158-168>

**“THE BROKEN BELL” BY CHARLES BAUDELAIRE:
THE MELANCHOLIC IMAGE OF THE BELL IN ELLIS’ TRANSLATION**

C. Martínez Celis Díaz¹, V.D. Altashina²

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

¹st106553@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7071-7899>

²v.altashina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8134-3929>

Abstract. The present article focuses on the analysis of the “bell” image’s transformation within the Ellis’ translation of “The Broken Bell” by Charles Baudelaire. While considering the context of both poets and comparing the different ways in which the image of the “bell” was used in other poetical works, it is possible to understand how Ellis changes this melancholic image by focusing more on the description of visual aspects. Also, throughout this research, several representations of the bell in melancholic contexts are presented, to show how certain characteristics, that are usually attached to this image, like its material or colour, are often repeated and change how the im-

age is interpreted in Ellis' time. Through the analysis of his translation process, it is possible to see what were exactly the changes that he made in order to reconstruct the melancholic images in Baudelaire's poem and at the same time create a new melancholic atmosphere, that was closer to what would later be his own poetical works.

Keywords: Ellis; L.L. Kobilinsky; Ch. Baudelaire; translation; melancholy; bell; poem; spleen

For citation: Martínez Celis Díaz C., Altashina V.D. "The Broken Bell" by Charles Baudelaire: The Melancholic Image of the Bell in Ellis' Translation. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(2): 158–168. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.158-168>

Лев Львович Кобылинский, известный под псевдонимом Эллис (1879-1947) был критиком, переводчиком и поэтом-символистом конца XIX – начала XX веков. Ещё до публикации его первых поэтических сборников «Stigmata» (1911) и «Арго» (1914) он уже стал поэтом-символистом и переводчиком, обратившимся к творчеству Шарля Бодлера. Хотя поэтическое творчество французского поэта ранее уже было переведено на русский язык, Эллису удается наполнить свой перевод новым русским символистским контекстом, переняв некоторые бодлеровские образы и наполнив их смыслами, более близкими ему. Цель данной статьи – показать на примере перевода стихотворения Бодлера «Разбитый колокол» как Эллис видоизменяет меланхолический образ колокола и адаптирует его для изображения меланхолии, более близкой и соответствующей его мировоззрению. Хотя Эллис остается довольно верным оригинальной версии, именно благодаря тонким изменениям станет очевиден новый взгляд, с которым он подходит к процессу перевода.

Первые переводы Эллиса некоторых стихотворений Бодлера были опубликованы в 1904 году под названием «Иммортели». В этом издании было опубликовано стихотворение самого Эллиса «К читателю», а также в качестве предисловий: «Шарль Бодлер» Теодора де Банвиля, часть статьи Поля Бурже под тем же названием, письма Сент-Бева и Виктора Гюго Шарлю Бодлеру и стихотворение самого Эллиса «К Шарлю Бодлеру». Только в 1908 г. был опубликован наиболее полный перевод Эллиса «Цветов зла» в сопровождении эссе Теофиля Готье о Шарле Бодлере. Переводы многочисленных дополнительных документов – паратекста – показывают интерес Эллиса и его попытку глубоко

понять творчество поэта. «Каждый переводчик начала XX века приводит в качестве предисловия различные суждения французов о Бодлере, как бы соглашаясь с их интерпретациями его творчества» [1, с. 149]. И именно через свою интерпретацию Эллис переведет стихи «Цветов зла».

Стихотворение «Разбитый колокол» актуально как для демонстрации процесса трансформации меланхолического тона, так и для присутствия символа колокола в меланхолической традиции. Стихотворение помещено в раздел «Сплин и идеал», что изначально заявляет специфический меланхолический контекст. И понятие меланхолии – сплина, и понятие идеала будут развиты в этом стихотворении в образе колокола. Символ колокола встречается и в других стихотворениях и произведениях, как Дж. Донна «Медитация 17» (1624) и У. Блейка «Зеленое Эхо» (1789) [2, с. 19]. Можно вспомнить и стихотворение Эдгара Аллана По «The Bells», которое переводили Бальмонт в 1901 г. и Брюсов в 1914 г. Прочитав первый перевод, С.В. Рахманинов создал в 1913 г. свое музыкальное произведение «Колокола, симфоническая поэма». Образ колокола также имеет важное значение и в истории русской литературы, и позже будет использоваться русскими символистами, такими как Бальмонт и сам Эллис, в их собственных произведениях. «В русской поэзии, которую не могли не знать эти поэты-переводчики, есть „колокол на башне вечевой, звучащий в дни побед и битв народных“» [1, с. 151]. Это цитата из стихотворения Михаила Лермонтова «Поэт»: «Твой стих, как божий дух, носился над толпой [...] Звучал, как колокол на башне вечевой» [3, с. 33,35]. В этом стихотворении голос поэта и его стихи также сравниваются с колоколом, как и в нескольких ранее упомянутых стихотворениях. Вполне возможно, что отголоски из этих поэтов присутствовали в сознании Эллиса во время перевода стихотворения Бодлера. Непременно следует отметить и звукопись, имитацию звона колокола, которая присутствует в большинстве этих произведений, особенно у По и Бодлера. Для Эллиса это будет одной из трудностей при попытке воссоздать тот же эффект, чтобы не ослабить меланхолический тон.

Первое, что следует отметить в переводе Эллиса, это то, что он выполнен в стихах, а не в прозе. Это характерно не только для русских поэтов-символистов, но и для ранних русских переводчиков Бодлера, которым ближе идея перевода через интерпретацию. На эту мысль указывает и В.Е. Багно, ссылаясь на Е.Г. Эткинда при анализе переводов Бодлера на русский язык: «Первый – стихотворный перевод возможен. Второй (который разделяют далеко не все, кто разделяет первый) – стихотворный перевод возможен именно и только в качестве интерпретации» [4, с. 48]. Результаты такого подхода будут разнообразными. Некоторые, кажется, приближаются к исходному тексту, в то время как другие просто сохраняют идею. Это неизбежно изменит как меланхолический тон вообще, так и смысловые связи в контексте меланхолии. Перевод Эллиса стихотворения «Разбитый колокол», похоже, не отличается радикально от оригинала. Однако уже с первой строфы можно увидеть изменения, модифицирующие меланхолический тон.

«Как в ночи зимние и горько и отрадно
В огонь мигающий впереть усталый взгляд,
Колоколов трезвон сквозь мглу внимая жадно,
Забытых призраков будя далекий ряд» [5, с. 1-4].

Если у Бодлера глагол «слушать», выделенный при помощи анжамбеману, появляется еще до образа колоколов, то в переводе и глагол, и существительное стоят в одной строке, однако «колокола» также выделены благодаря тому же приёму. В оригинале, таким образом, главным является звуковое восприятие, в то время как в переводе акцент делается на зрительном: «впереть усталый взгляд». Можно отметить добавленное Эллисом прилагательное, усиливающее меланхолической тон стиха. У Бодлера сначала представлены воспоминания, а затем звуки «carrillons», а у Эллиса сначала звук колоколов, а затем «призраки»: меняются тема и рема.

Обратимся к сопоставлению образов «carillons» и «колокола». В этой первой строфе намечается основной контраст стихотворения. Гармоничный об-

раз красиво звучащих колоколов - «carrillons» противопоставлен заявленному в названии треснувшему колоколу, который в первой строке первого tercета становится метафорическим выражением старой души («mon âme est fêlée») неспособной издавать прекрасные звуки. Эта гармония также дополняется некоторыми аллитерациями в строфе, имитирующими звук колокола, например, звуки «р», «t», «k»: «pendant», «près», «palpite», «qui», «carrillons» в соединении с длинными носовыми гласными и растяжением гласного перед [r] «est amer», «lointains», «lentement», «chantent», «écouter» имитируют колокольный с звон. Эллис в своем переводе также пытается сохранить этот слуховой образ посредством аллитерации. По счастливой случайности слово «колокола» уже имеет в себе этот фонетический аспект, который как бы имитирует обозначаемый им объект. Собственно, именно с этого звука и начинается его версия. И именно со звуком «к», как и «г», в его переводе создаются аллитерации: «как», «горько», «огонь», «мигающий», «взгляд», «колоколов», «сквозь», «мглу», «призраков», «далекий». Через эти аллитерации, Эллис строит отношения между колоколами и призраками. И именно звукопись выстраивает гармоничный образ и устанавливает разницу между этими колоколами и «развитым» колоколом.

Это различие необходимо отметить, поскольку в некоторых из упомянутых выше стихотворений, где колокол используется как символ, можно видеть, что не все колокола означают одно и то же. В частности, в стихотворении По «Колокола» колоколу присваиваются разные характеристики (его материал (предмет), прилагательные, которыми они описываются и т. д.) в зависимости от того, какую часть жизни человека они обозначают. «Предметные характеристики колокола наглядно обыгрываются в стихотворении Э. По „The Bells“, композиционно отражающем смену периодов человеческой жизни (детство, юность, старость и смерть), и символически обозначенных» [2, с. 21]: серебряные, золотые, бронзовые, железные колокола. Вот почему в оригинале Бодлера сладко слышать эти «carillons», потому что они не связаны напрямую со смертью.

Второе важное изменение в этой первой строфе – это перевод слова «souvenirs» как «призраки». Это не только два разных образа, но это изменение видоизменяет общий контекст меланхолической темы, предложенной в оригинале. Воспоминания, упомянутые в оригинале, существуют внутри героя и повторяющийся звон колокола и «carrillons» не позволяют их забыть. В переводе эти воспоминания, превратившиеся в призраков, фактически описываются как «забытые» и существуют вне меланхолического героя стихотворения. Только звон колоколов возвращает их обратно. Это может спровоцировать новую интерпретацию, когда воспоминания преследуют героя, а не сохраняются им. Во-первых, трагедия, кажется, заключается в невозможности продолжения и в изнашивании лирического героя, которое вызывают эти воспоминания/призраки. Отсюда возникает образ усталого взгляда, пришедшего на смену глаголу «слушать». Вновь фокус «меланхолического тона» видоизменяется. Мы знаем о значимости роли звука в этом стихотворении Бодлера, отражающего звук колокола в аллитерациях и ассонансах, в то время как Эллис, кажется, сосредоточивается больше на визуальном аспекте. Идея созерцания также является частью меланхолической традиции. «С одной стороны, тема романтической „созерцательной меланхолии“ связана с элегической традицией истолкования меланхолии второй половины XVIII столетия, воспринятой в русле нового переживания текущего времени – обостренного чувства уходящей эпохи и конечного для каждого „личного“ времени.» [6, с. 304]. Лирический герой становится свидетелем течения времени и противопоставляет его собственной смертности. Этот контраст продолжится и в следующей строфе.

«Блажен ты, колокол, когда гортанью грозной
И неслабеющей сквозь сумрак и туман
Далеко разнесен твой крик религиозный,
Когда ты бодрствуешь, как добрый ветеран!» [5, с. 5-8]

Здесь можно увидеть, как Эллис выстраивает контраст, начатый в предыдущей строфе, а также как он создает новый меланхоличный тон, добавляя новые об-

разы. Если в оригинале лирический герой описывает колокол, а затем сравнивает его с ветераном, то в переводе лирический герой напрямую обращается к колоколу. Такая персонификация колокола существует и в оригинале, но Бодлер достигает ее посредством прилагательных «*gosier vigoureux*», «*alerte*» и «*bien portant*», а Эллис усиливает это, используя личное местоимение «ты». Эта строфа кажется весьма близкой к оригиналу, однако в шестой строчке Эллис добавляет два образа, которые создают новый меланхолический контекст: «сумрак» и «туман». Эти образы акцентируют уже упомянутую в первой строфе «мглу» и расширяют контраст между тьмой снаружи и светом огня внутри. Они также помогают отличить колокол от усталой меланхолической фигуры: колокол выполняет свою религиозную работу даже во тьме, в то время как герой на это не способен.

В некоторых из упомянутых выше стихотворений часто можно встретить символ колокола, связанный с идеей славного и вечного, иногда сравнивая с ним поэта, выполняющего подобную задачу, как в стихотворении М.Ю. Лермонтова. Однако в этом стихотворении основное внимание уделяется образу человека/поэта, также похожего на колокол, но по своей брэнности неспособного выполнить ту же задачу. «В стихотворении колокол ассоциируется с понятием духовности. Это понятие передано лексемами с соответствующей семантикой *bienheureuse* (досл. блаженный) и *religieux* (досл. религиозный). Колокол олицетворяет божественное начало и символизирует возвышение и творческую силу, противопоставленную хандре» [2, с. 21]. Эллису удается подчеркнуть этот контраст через усталый взгляд меланхолического героя, упомянутого в первой строфе, а может быть, и апострофом во второй строфе, указывающим на то, что лирический герой взывает к чему-то высшему. В первых строчках терцета снова проводится аналогичное разделение между вечным и смертным.

«И ты, мой дух, разбит; когда ж, изныв от скуки,

Ты в холод сумрака пошлешь ночные звуки,» [5, с. 9-10]

Если в оригинале лирический герой обращается к своей душе как к части самого себя, то в переводе Эллиса через апостроф делается разделение. Несмотря на отход от оригинала, это изменение работает в пользу контраста, который конструирует Эллис. Если разделение существует во второй строфе как способ выделения различия между колоколом и человеком через вечное и смертное, то это новое разделение души и лирического героя может быть истолковано аналогичным образом. Душа сохраняет свое вечное качество, а меланхолический лирический герой, является бранным телом, мешающим душе быть именно тем колоколом. И снова Эллис, больше ориентированный на визуальные аспекты, модифицирует образ «l'air froid» и превращает его в «холод сумрака». Это двойное отсутствие тепла и света усиливает меланхолический тон его перевода. Необходимо выделить изменение, которое, кажется, теряет свой нюанс. В оригинале душа пытается заполнить пространство «chants». Это актуально, поскольку возвращает нас к идее гармонии. Душа стремится к той самой гармонии, которую производят колокола, хотя и не может ее достичь. В переводе этот образ теряется и заменяется на «ночные звуки», которые издает душа. В оригинале показано стремление души, то, что душа «хочет» делать. В переводе представлена реальность, глагол «хотеть» исчезает, и тогда мы видим не то, к чему стремится душа, а то, что, она может сделать. Мы видим результат того, что душа находится в меланхолическом состоянии, упомянутом здесь: скука. «Сплин – это активная скука. Ее спутники – усталость и пресыщение. А также качество, которое для этой разновидности скуки является обязательным – невозможность участвовать в происходящем» [7, с. 137]. Именно эта неспособность изображена в стихотворении. Следует отметить, что, несмотря на неспособность, для меланхолического чувства важно само намерение достичь того, что невозможно. В этом случае должно быть намерение продолжать наполнять воздух этими звуками. Образ этой бессловесной души продолжается и в последних строчках стихотворения.

«Вдруг зычный голос твой слабеет, изменив;

Так в груди мертвых тел повергнутый в сраженьи,

Хрипя, бросает нам отчаянный призыв,

Не в силах двинуться в безмерном напряженьи» [5, с. 11-14].

В оригинале сказано, что такое случается часто – «souvent». А Эллис в своем переводе заставляет читателя стать свидетелем момента, когда этот голос «вдруг» ослабевает и ему удастся лишь издать «отчаянный» зов. Это отчаяние показывает ещё одно изменение меланхолического тона, так как в оригинале ослабленный голос души напоминает «le râle», то есть хрип или изменение дыхания кого-то в агонии. Отчаянный призыв Эллиса также контрастирует с религиозным криком колокола. Отчаяние раскрывает земное и смертное лирического героя.

Хотя изменения, внесенные Эллисом, модифицируют и создают новый меланхолический тон, его перевод остается достаточно близким. Эллису удастся не только адекватно перевести стихотворение Бодлера, но и адаптировать его к русскому символистическому контексту: такие образы, как ночь, колокол, песня, смерть приобретают другое измерение. Понятие идеала, к которому стремится лирический герой, характерное для творчества Бодлера и воплощенное в колоколе в этом стихотворении, станет темой, которая в дальнейшем повлияет на собственное творчество Эллиса.

Присутствие этого бодлеровского влияния будет ясно уже в первом сборнике Эллиса «Stigmata» (1911). Мы можем упомянуть стихотворение «Экзотический закат (При переводе „Цветов зла“ Ш. Бодлера)», где он прямо обращается к процессу перевода Бодлера.

«И на меня, как живая химера,

в сердце вонзая магический глаз,

глянул вдруг лик исполинский Бодлера

и, опрокинут, как солнце, погас» [8, с. 29-32].

Бодлер будет постоянно влиять на Эллиса, став тем «солнцем», которое окрасит некоторые части его поэтического творчества. Также можно заметить, что в

этом стихотворении Эллиса визуальный аспект продолжает составлять существенную часть его поэтического сочинения: свет солнца, «магический глаз», «глянул». Процесс перевода Бодлера мог лишь помочь установить и развить темы, которые Эллис позже будет развивать в своих поэтических сборниках. Образы, такие как колокол, которые Эллис позже использовал в своих стихах, теперь превратятся в символы его собственного творчества, имеющие еще более сложное значение. Глядя на процесс перевода стихов Бодлера, мы видим и важный момент в развитии Эллиса как поэта-символиста.

Список литературы

1. Тимашева О.В. Реплики и комментарии к модели «русского Бодлера». *Соловьёвские исследования*. 2016; 49(1):137–155.
2. Верхотурова Н.А. Текстоброобразующая функция символа «колокол» в европейской и американской поэзии конца XVIII – XIX в. и русских переводах. *Вестник Томского государственного университета*. 2013; 372: 19–24.
3. Лермонтов. М.Ю. *Сочинения в двух томах*. Т. 1. Москва: Правда; 1988.
4. Багно В.Е. «Поэты «искры»: Шарль Бодлер, Николай Курочкин и другие». Русская поэзия Серебряного века и романский мир. Санкт-Петербург: Гиперион. 2005: 48–58.
5. Бодлер Ш. *Цветы зла. Парижский сплин*. Санкт-Петербург: АЗБУКА; 2018.
6. Вязова Е. Память жеста: иконография меланхолии в европейской и русской культуре Нового времени. *Первый Международный Конгресс историков искусства им. Д. В. Сарабьянова «Память как объект и инструмент искусствознания»*, ГИИ. 2014: 281–310.
7. Юханнисон, К. *История меланхолии*. Москва: Новое литературное обозрение; 2012.
8. Эллис. *Stigmata*. Москва: РИПОЛ классик; 2022.
9. Вербова М.В., Салтыкова Е.А. Перевод поэтического текста: реинтерпретация смысла или творчество? *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 3(2):5–13.
10. Кобзева О.В. О причинах переводческих ошибок. *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 4(4): 565–581.

References

1. Timasheva O.V. "Replicas and commentaries to the "Russian Baudelaire" models". *Solov'evskie issledovaniia*. 2016; 49(1):137–155. (In Russ.)
2. Verkhoturova N.A. "Text-forming function of the "bell" symbol in European and American poetry from the late XVIII and XIX in russian translation". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013; 372: 19–24. (In Russ.)
3. Lermontov. M.Iu. *Essays in two volumes*. Т. 1. Moskva: Pravda; 1988.
4. Bagno V.E. "The "bright" poets: Charles Baudelaire, Nicolai Kurochkin and others". *Russkaia poeziia Serebrianogo veka i romanskii mir*. Sankt-Peterburg: Giperion. 2005: 48–58. (In Russ.)
5. Bodler Sh. *Flowers of Evil. The Spleen of Paris*. Sankt-Peterburg: AZBUKA; 2018.
6. Viazova E. Gesture memory: melancholy iconography in European and Russian culture of the Modern era. *Pervyi Mezhdunarodnyi Kongress istorikov iskusstva im. D. V. Sarab'ianova «Pamiat' kak ob'ekt i instrument iskusstvoznaniia»*, GII. 2014: 281–310. (In Russ.)
7. Iukhannison K. Melancholy's history. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie; 2012. 311 pp. (In Russ.)
8. Ellis. *Stigmata*. Moskva: RIPOL klassik; 2022.

9. Verbova M.V., Saltykova E.A. Translation of poetic text: reinterpretation or creativity? *Kazan Linguistics Journal*. 2019; 3(2): 5–13. (In Russ.)
10. Kobzeva O.V. On Causes of Translation Errors. *Kazan linguistic journal*. 2021;4(4): 565–581. (In Russ.)

Авторы публикации

Authors of the publication

Сезар Мартинес Селис Диас –

Аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

Email: st106553@student.spbu.ru

https://orcid.org/0009-0004-7071-7899

César Martínez Celis Díaz –

PhD student

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

Email: st106553@student.spbu.ru

https://orcid.org/0009-0004-7071-7899

Алташина Вероника Дмитриевна –

доктор филологических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

Email: v.altashina@spbu.ru

https://orcid.org/0000-0002-8134-3929

Altashina Veronika D. –

PhD in philology, Professor

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

Email: v.altashina@spbu.ru

https://orcid.org/0000-0002-8134-3929

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 1.05.2024

Одобрена после рецензирования: 8.05.2024

Принята к публикации: 25.05.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 1.05.2024

Approved after peer reviewing: 8.05.2024

Accepted for publication: 25.05.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81`42

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.169-179>

СМЯГЧЕНИЕ В БРИТАНСКОМ ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ

Д.Л. Абузярова¹, Л.А. Кочетова²

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия

²Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

¹cooly.93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7601-5378>

²kochetova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5278-7373>

Аннотация. Политическая коммуникация представляет собой сложный процесс, который включает в себя различные стратегии и методы воздействия на целевую аудиторию. Данная статья освещает исследование коммуникативных подходов в политическом дискурсе, подчеркивая важность митигации и формирования позитивного имиджа в достижении политических целей. В рамках статьи рассматриваются средства смягчения, применяемые политическими деятелями для поддержания дружественной атмосферы. Особое внимание уделяется лексическим и грамматическим приемам, направленным на смягчение высказываний, содержащих угрозы или критику.

Исследование демонстрирует, что использование пассивного залога, способов обезличивания, модальных наречий и других стратегий способствует политикам достижению взаимопонимания и согласия. Далее рассматривается применение косвенных просьб, вопросительных предложений, разрешительных вопросов и смягченных актов речи в парламентском дискурсе. Проведенное исследование имеет важное значение для понимания механизмов вежливого общения и взаимодействия в политической сфере, особенно в формальных контекстах парламентских дебатов. Анализ различных стратегий смягчения позволяет выявить способы поддержания уважительных отношений между политическими деятелями и соблюдения протокола в парламенте. Обобщенные выводы сделаны на основе изучения разнообразных коммуникативных приемов и их влияния на эффективность политических дискуссий и процессов принятия решений. Исследование феномена смягчения в политическом дискурсе может способствовать более гармоничному и продуктивному общению между политическими деятелями и улучшению качества политических процессов.

Ключевые слова: дискурс; политический дискурс; парламентский дискурс; коммуникация; вежливость; митигация

Для цитирования: Абузярова Д.Л., Кочетова Л.А. Смягчение в британском парламентском дискурсе. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(2):169–179. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.169-179>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.169-179>

MITIGATION IN BRITISH PARLIAMENTARY DISCOURSE

D.L. Abuzyarova¹, L.A. Kochetova²

¹Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

²Volgograd State University, Volgograd, Russia

¹cooly.93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7601-5378>

²kochetova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5278-7373>

Abstract. Political communication is a complex process that involves various strategies and methods of influencing the target audience. This article highlights the study of communicative approaches in political discourse, emphasising the importance of mitigation and positive image building in achieving political goals. The article examines the means of mitigation employed by political actors to maintain an amicable atmosphere. Particular attention is paid to lexical and grammatical techniques aimed at softening statements containing threats or criticism.

The study demonstrates that the use of passive voice, depersonalisation, modal adverbs and other strategies help politicians to achieve mutual understanding and agreement. It also examines the use of indirect requests, interrogative sentences, permissive questions and softened speech acts in parliamentary discourse. The study is important for understanding the mechanisms of polite communication and interaction in the political sphere, especially in the formal contexts of parliamentary debates. Analysing different mitigation strategies reveals ways of maintaining respectful relations between political actors and adhering to protocol in parliament. Generalised conclusions are drawn from the study of a variety of communicative techniques and their impact on the effectiveness of political debate and decision-making processes. The study of the phenomenon of mitigation in political discourse can contribute to more harmonious and productive communication between political actors and improve the quality of political processes.

Keywords: discourse; political discourse; parliamentary discourse; communication; politeness; mitigation

For citation: Abuzyarova D.L., Kochetova L.A. Mitigation in British Parliamentary Discourse. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(2): 169–179. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.169-179>

Под политической коммуникацией понимается широкий и сложный процесс, включающий в себя различные стратегии и тактики воздействия на аудиторию. Понимание целей коммуникации и выбор правильных языковых средств играют ключевую роль в достижении поставленных задач.

Митигация, как один из инструментов коммуникации, позволяет политикам смягчать негативные моменты, уменьшать конфликтные ситуации и сохранять позитивное восприятие со стороны аудитории. Этот прием становится особенно важным в политическом дискурсе, где обсуждаются часто спорные и конфликтные вопросы.

Создание и поддержание позитивного имиджа также является важным аспектом политической коммуникации. Политики стремятся формировать образ лидера, способного решать проблемы и обеспечивать благосостояние общества. Использование языковых средств для подчеркивания своих качеств и достижений помогает им достичь этой цели.

Эффективное общение в политике требует не только ясности и точности высказываний, но и умения управлять своим имиджем, манипулировать вниманием аудитории и достигать взаимопонимания на различных уровнях.

Политический дискурс представляет собой сегментированный класс жанров, ограниченный политической сферой и включающий в себя парламентские дебаты, правительственные обсуждения, программы партий и политические выступления. В тоже время политический дискурс рассматривается как форма институционального дискурса, то есть как дискурс, функционирующий в контексте институциональной среды (политическое собрание партии, заседание парламента, заседание правительства и т.д.). Таким образом, дискурс считается политическим, когда он сопровождает политическое событие в политической обстановке [1].

С.С. Тахтарова определяет митигацию как концепцию коммуникации, центральными элементами которой являются прескрипции, установки и правила, направленные на смягчение коммуникативных процессов в соответствии с принципами вежливости. Эти аспекты осуществляются при помощи митигативных стратегий и тактик, направленных на сохранение равновесия коммуникации в межличностном взаимодействии [2].

В свою очередь А.А. Абдрахманова и Е.М. Колпакова выделяют, что в английском языке «вежливость» раскрывается двумя лексическими выражениями: *polite* – «вежливый» и *polite* – «учтивый и нежный», где первое значение подразумевает внешние манеры, а второе – сочетание внешних манер в сочетании с добросердечным отношением. Авторы считают, что для британцев «вежливость» – это демонстрация воспитанности и внимания к окружающим [3].

Британский парламент является местом бурных политических дебатов, где мнения сталкиваются и аргументы подвергаются суровой критике. Однако помимо прямолинейной аргументации, в парламентском дискурсе широко применяются стратегии смягчения, направленные на создание более благоприятной и дружелюбной атмосферы общения. Данные стратегии являются важным элементом успешного взаимодействия между политиками и способом достижения консенсуса в сложных дебатах.

В процессе коммуникации между политиками отражаются различные прагмалингвистические ресурсы, включающие лексические выражения и грамматические конструкции. Следует отметить, что данные ресурсы могут быть отнесены к категории «разговорных рутин», определенных как фразы, которые в результате повторяемости стали специализированными или «укоренившимися» для выполнения дискурсивной функции, которая преобладает над буквальным референциальным значением или заменяет его [4].

Таким образом, данные ресурсы, по всей вероятности, регулярно используются политиками в качестве установленной практики для соблюдения парламентской риторики. Данные ресурсы предположительно применяются не только для следования парламентским нормам вежливости, но и для достижения своих коммуникативных целей в рамках текущего взаимодействия.

Ученые К. Аймер [4] и Дж. Лич [5] обозначили ряд лексических и грамматических приемов, направленных на смягчение актов речи, содержащих угрозу или эмоционально насыщенные содержания, такие как просьбы, директивы, критика, разногласия, советы, обязательства и предложения. Среди таких приемов можно выделить следующие:

1. Использование пассивного залога для избежания прямого обращения к адресату и передачи информации через говорящего, например:

“It has been decided by the Government of India and the Secretary of State in Council that for the proper administration of justice in Oude a higher and more effectual authority than the Judicial Commissioner is required, and it is proposed to

secure this by extending to Oude the jurisdiction of the North-Western Provinces”[6].

“We have to show by giving the actual facts from year to year that, rightly or wrongly, whether a mistake was made in the conclusions at all events there was no negligence in regard to these matters”[6].

В указанных выше примерах, использование пассива позволяет не называть конкретного исполнителя действия, что делает высказывание более нейтральным, или же пассивный залог используется для смягчения ответственности и убирания акцента с конкретного лица.

Данный прием позволяет управлять имиджем и тоном высказывания, делая его менее конфронтационным и более официальным. Использование пассивного залога в парламентском дискурсе помогает сохранить формальность и официальность высказываний, в дополнение обеспечить дипломатичность и умеренность в общении с оппонентами и коллегами.

2. Применение обезличивающих средств (дефокализации), чтобы уйти от прямых обращений к другому лицу или группе лиц, примером может служить фраза *“it isn’t very nice”*, например:

“It is not very nice to find that the Official Opposition seem to be more concerned about what the Germans think than what the country or the British Government think”[6].

“It is not very nice for many people in the private sector to have their pay reduced, but in the present economic circumstances I think that the action taken by my right honourable friend is very justifiable”[6].

В данных примерах, обезличивающее средство – это использование местоимения *“it”* вместо конкретного субъекта, что делает высказывание более неопределенным и менее напрямую адресованным. Такой подход помогает смягчить негативное высказывание и избежать прямого обвинения или критики конкретного лица или группы лиц.

Данный прием позволяет сохранить формальность и тактичность в общении, делая высказывания менее агрессивными и более универсальными. В парламентской риторике такие техники обезличивания часто применяются для уменьшения конфликтов и поддержания дипломатических отношений между участниками дискуссии.

3. Использование модальных наречий, таких как “*perhaps*”, “*maybe*”, “*possibly*”, для смягчения директивного характера высказывания. Эти наречия подчеркивают неопределенность или нерешительность в просьбах, содержащих модальные глаголы *ability/possibility (can/could)*. Также употребление слов и фраз, таких как “*a bit*”, “*a little*”, помогает ослабить критический характер и указать на небольшое влияние на другого человека.

“Perhaps we could follow the example of the United States Government in the Philippine Islands, where unknown woods have been brought into the market, which are being used to-day in the construction of railway wagons and such like, and have been passed by the railway clearing house in this country”[6].

Использование “*perhaps*” в данном контексте указывает на предложение или возможность, не делая просьбу слишком категоричной.

“Maybe it would be better to increase the number of directors and reduce the average age a bit”[6].

В данном примере “*maybe*” предлагает идею увеличить число директоров и немного снизить средний возраст, не навязывая определенного решения.

4. Использование вопросов с “*Why*”, особенно тех, что направлены на адресата и могут использоваться для выражения приглушенной критики. Такие вопросы позволяют выражать негативные мысли неявно, делая акцент на presuppositions, а не на прямом обвинении.

“That is universally admitted, but why do we always compare a bad present with a worse past?”[6]

“Why have not we had this question of political influence raised long ago, when members of other parties have been directly and indirectly dealing with pensions affecting soldiers?”[6]

“Why do we continue to compel our citizens to take the long and expensive road to Strasbourg, while denying them speedy and effective recourse to our own courts?”[6]

В данных примерах использование вопросов с “Why” помогает поднять проблемы, вызвать обсуждение и побудить критическое мышление, не являясь прямой атакой или обвинением, а скорее предложением задуматься и искать альтернативные пути решения текущих проблем.

5. Формулирование косвенных просьб в виде декларативных предложений, таких как “*you can*”, “*you could*”, “*perhaps you could*”.

“I hoped, Mr. Speaker, that perhaps you could rule that this was something which should not have been said in order that it may never happen again”[6].

“I would suggest that it might be helpful if, at a more leisurely moment, you could consider making a ruling setting out the principles that should govern the making of statements”[6].

Использование подобных конструкций в данных примерах помогает сохранить уважительный и дипломатичный тон коммуникации, предлагая свои идеи или инициативы без прямых требований или указаний.

6. Использование косвенных просьб в виде вопросительных предложений с модальными вспомогательными глаголами *can/could*, *will/would*, например:

“Could we possibly be informed whether there is any likelihood of the underground being made safe for the likes of us?”[6]

“Would it be feasible for the Treasury, either through the Department for Education and Science or the University Grants Committee, to set out formally what has been said this afternoon?”[6]

“Can we look into our hearts and say that Fascists have been arrested as freely for disturbances as Communists?”[6]

Приведенные примеры демонстрируют использование косвенных просьб в виде вопросительных предложений с модальными вспомогательными глаголами в британском парламентском дискурсе. Подобные конструкции позволяют выразить просьбу или предложение в более вежливой и формальной форме, что соответствует уровню коммуникации в парламенте.

Использование таких стратегий в подчеркивает важность вежливости, формальности и дипломатии в общении, что способствует созданию уважительной и продуктивной атмосферы в рамках дебатов и принятия решений.

7. Формулирование просьб в виде разрешительных вопросов, которые могут иметь смягчающий или понижающий эффект, например, “*let me*”, “*may I*”, “*can I*”, “*could I*”, например:

“Let me suppose that the press is hired into the service, and that the public are told, in publication after publication, by the friends and creatures of ministers, that lord Melville has been run down by a desperate faction in this house ...”[6]

В данном примере используется фраза “*Let me*” для введения предположения или мнения автора. Это создает уверенность и позволяет дать комментарий или оценку события в более убедительной форме.

“My Lords, arising out of that answer, may I suggest that the clock has been out of action for a very long time and, therefore, that it is more a matter of year-to-year or month-to-month administration?”[6]

Здесь фраза “*May I suggest*” используется для введения предложения или идеи. Это помогает акцентировать внимание на высказываемом предложении и делает обсуждение более учтивым и дружелюбным.

Использование разрешительных вопросов в британском парламентском дискурсе является распространенной практикой, позволяющей выразить свои мысли или идеи с уважением и тактом. Такие формы обращения способствуют более гармоничному и продуктивному общению на заседаниях и дебатах.

8. Включение смягченных перформативов для уменьшения силы высказывания, включая введение модальности и иногда вопросительности, например, “*may I ask*”, “*may I beg*”, “*could I ask*”. Такие формулировки отображают мягкое обращение с просьбой о разрешении, предшествующей основному действию, выраженному перформативным глаголом. Фраза “*I have to*” может создать впечатление вынужденности говорящего (предположительно против его воли) в выполнении определенного действия.

“May I beg the House to take the decision now on the question of the total repeal of the duty, so that we may have a little time before 8:15 to deal with the further Amendment and dispose of any other questions?” [6]

“Could I ask the Secretary of State why preferential treatment, or even-handed treatment, was not given to the Scots two weeks ago when a statutory instrument went through the House on the opening of betting shops in Scotland?” [6]

“May I ask the honourable Member whether the forage for the horses will not be obtained locally?” [6]

Приведенные примеры иллюстрируют использование смягченных перформативов в британском парламентском дискурсе с целью уменьшения силы высказывания и создания более вежливой формы выражения просьб и вопросов. Введение модальности и иногда вопросительности помогает придать диалогу более уважительный и вежливый оттенок.

Данные примеры отражают приемы вежливого обращения, характерные для формального дискурса, особенно в парламентских обсуждениях. Они помогают установить вежливое и уважительное взаимодействие между участниками диалога.

Исследование феномена смягчения в парламентском дискурсе является важным исследовательским направлением, поскольку позволяет лучше понять механизмы вежливого и уважительного общения в этом контексте. Анализ методов смягчения в рамках дискурсивного взаимодействия, особенно в контексте вопросов, адресованных высокопоставленным должностным лицам, таким как

Премьер-министр, может пролить свет на тонкости коммуникации в формальной и ответственной обстановке.

Изучение техник смягчения в парламентском дискурсе может не только помочь понять, какие выражения и приемы используются для создания уважительной атмосферы во время обсуждения важных вопросов, но и раскрыть аспекты межличностного взаимодействия и взаимодействия между политическими представителями. Анализ различных стратегий смягчения, может также помочь понять, каким образом депутаты и члены парламента стремятся соблюдать протокол и проявлять уважение к должностным лицам в рамках парламентской практики.

Таким образом, исследование феномена смягчения в парламентском дискурсе представляет собой важный вклад в понимание этикета и вежливости в политическом контексте, а также помогает расширить знания о тонкостях дискурсивного взаимодействия в высокоструктурированных общественно-политических сферах.

Список литературы

1. Дейк Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып.23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс; 1988.
2. Тахтарова С.С. Коммуникативное смягчение в различных дискурсивных практиках. Москва: ИНФРА-М. 2023:138–148.
3. Абдрахманова А.А., Колпакова Е.М. Концепт вежливость в политическом дискурсе и коммуникативные стратегии вежливости. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(1):46–54.
4. Aijmer K. *Conversational Routines in English: Convention and Creativity*. London; New York: Longman; 1996.
5. Leech, G. *The Pragmatics of Politeness*. New York: Oxford University Press; 2014.
6. Hansard Corpus (British Parliament). URL: <https://www.english-corpora.org/hansard/> [дата обращения: 29.04.2024].

References

1. Dijk T.A., Kintsch W. Strategies for understanding coherent text. *New in foreign linguistics*. Issue 23. Cognitive Aspects of Language. M.: Progress; 1988. (In Russ.)
2. Takhtarova S.S. Communicative mitigation in different discursive practices. M.: INFRA-M. 2023: 138–148. (In Russ.)
3. Abdrahmanova A.A., Kolpakova E.M. The concept of politeness in political discourse and communicative strategies of politeness. *Kazan Linguistic Journal*; 2022;5(1):46–54. (In Russ.)
4. Aijmer K. *Conversational Routines in English: Convention and Creativity*. London; New York: Longman; 1996.
5. Leech, G. *The Pragmatics of Politeness*. New York: Oxford University Press; 2014.

6. Hansard Corpus (British Parliament). Available from: <https://www.english-corpora.org/hansard/> [accessed: 29.04.2024].

Авторы публикации

Абузярова Дарья Леонидовна –
Старший преподаватель
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: cooly.93@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7601-5378>

Кочетова Лариса Анатольевна –
Доктор филологических наук, Профессор
Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия
Email: kochetova@volsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5278-7373>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 7.05.2024
Одобрена после рецензирования: 15.05.2024
Принята к публикации: 28.05.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Abuzyarova Darya Leonidovna –
Senior Lecturer
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: cooly.93@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7601-5378>

Kochetova Larisa Anatolyevna –
Doctor of Philology, Professor
Volgograd State University
Volgograd, Russia
Email: kochetova@volsu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5278-7373>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 7.05.2024
Approved after peer reviewing: 15.05.2024
Accepted for publication: 28.05.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81`33

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.180-190>

**ДЕРОГАТИВНАЯ СФЕРА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КАК ДОМИНАНТА
ТЕМАТИЧЕСКОГО КИНОДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА О
ДЕПОРТАЦИИ)**

А.М. Айбазова

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия
aybazova.2013@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0163-8984>

Аннотация. Настоящая статья посвящена лингвокультурологическому и лингвоаксиологическому анализу карачаево-балкарского документального и художественного кинодискурса на тему депортации. Целью анализа является определить инструменты репрезентации категории дерогативности в лексических единицах аутентичного кинотекста. Материалом исследования послужил кинотекст документального фильма «Хорлатмаз адам эси». Актуальность работы обоснована ростом объема кинопродукции как в России, так и по всему миру, и, следовательно, ростом интереса языковедов к соответствующему виду дискурса. В основе исследования лежит понимание того, что вне зависимости от исследуемого языка кинодискурс является ценным ресурсом знаний, имеющих высокую лингвокультурологическую значимость. В теоретической части статьи рассматриваются понятия категории дерогативности, наиболее распространенные средства репрезентации категории дерогативности, перечисляются основные виды и жанры кинодискурса, даётся историческая справка событий, легших в основу сюжета анализируемого кинотекста. В практической части описывается лингвоаксиологический и лингвокультурологический анализ лексических единиц, выделенных методом сплошной выборки. В ходе исследования были также задействованы и морфологический, семантический, концептуальный виды анализа. В результате анализа были выделены эмоционально-окрашенные лексические единицы, дерогативность которых реализована различными способами. Выделенные единицы притягивают внимание не только своей дерогативностью, но и важной ролью в реализации базовых концептов в составе прецедентного мира ДЕПОРТАЦИЯ.

Ключевые слова: лингвокультурологический анализ; лингвоаксиологический анализ; кинодискурс; кинотекст; концептуальный анализ; дерогативность

Для цитирования: Айбазова А.М. Дерогативная сфера концептуализации как доминанта тематического кинодискурса (на материале карачаево-балкарского фильма о депортации). *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(2):180–190. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.180-190>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.180-190>

**THE DEROGATIVE SPHERE OF CONCEPTUALIZATION AS A
DOMINANT OF THEMATIC FILM DISCOURSE (BASED ON A
KARACHAY-BALKARIAN DOCUMENTARY FILM ABOUT
DEPORTATION)**

A.M. Aibazova*North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia**aybazova.2013@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0163-8984>*

Abstract. This article is devoted to the linguoculturological and linguoaxiological analysis of the Karachay-Balkarian documentary film discourse on the topic of deportation. The purpose of the analysis is to determine the tools for representing the category of derogativeness in the lexical units of an authentic film text. The material of the study was the film text of the documentary film "Khorlatmaz adam esi". The relevance of the work is justified by the growth in the volume of film production both in Russia and around the world, and, consequently, the growing interest of linguists in the corresponding type of discourse. The study is based on the understanding that, regardless of the language being studied, film discourse is a valuable resource of knowledge that has a high linguocultural significance. The theoretical part of the article discusses the concepts of the category of derogativity, the most common means of representing the category of derogativity, lists the main types and genres of film discourse, and provides a historical background of the events that formed the basis of the plot of the analyzed film text. The practical part describes the linguo-axiological and linguo-culturological analysis of lexical units identified by the continuous sampling method. The study also involved morphological, semantic, conceptual types of analysis. As a result of the analysis, emotionally colored lexical units were identified, the derogativeness of which is realized in various ways. The selected units attract attention not only for their derogativeness, but also for their important role in the implementation of basic concepts as part of the precedent world of DEPORTATION.

Key words: linguocultural analysis; linguoaxiological analysis; film discourse; film text; conceptual analysis; derogativity

For citation: Aibazova A.M. The Derogative Sphere of Conceptualization as a Dominant of Thematic Film Discourse (Based on a Karachay-Balkarian Documentary Film about Deportation). *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(2): 180–190. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.180-190>

В связи с тем, что в настоящий период кинематограф стал один из самых востребованных видов аудио-визуального искусства, кинофильмы занимают особое место в нашей ежедневной рутине. В силу его масштабного распространения, кинематограф несомненно следует рассматривать как неповторимый культурный феномен [1, с. 53]. Что важно для нас, как для языковедов, кинодискурс стал объектом широкого круга исследований в сфере общей лингвистики, а также её более узких ответвлений, таких как лингвокультурология и лингвоаксиология.

В фильмах проявляются национально-культурные черты народа в центре повествования, в кинематографе получает широкое отражение невероятное количество представителей разнообразных культур [2, с. 207]. Помимо этого, стоит также добавить, что кинодискурс неоднороден, так как в кино традиционно принято выделять два основных вида кинотекста: художественный и документальный. Эти два вида кинотекста также могут различаться по тематическим жанрам [3].

В данном исследовании будет рассмотрен кинотекст документального фильма-интервью, посвященного одному из важнейших периодов в истории карачаево-балкарского народа, населяющего Карачаево-Черкесскую и Кабардино-Балкарскую республики Российской Федерации, – депортации. Депортация карачаевцев и балкарцев с мест их расселения на Северном Кавказе на территорию Средней Азии имела место в период с 1943 по 1957 год. Ещё в момент развития событий Великой Отечественной войны, когда отцы и сыны карачаево-балкарского народа были на фронте, оставшихся дома женщин, стариков и детей в жесточайших условиях насильственно переселили на незнакомую территорию Казахстана и Киргизии, бросив практически с пустыми руками в чужой земле.

Настоящее исследование представляет собой лингвокультурологический и лингвоаксиологический анализ средств дерогативной репрезентации концептов, послуживших основой формирования документального карачаево-балкарского кинодискурса депортационной тематики. Исследование проведено на материале документального фильма «Хорлатмаз адам эси». Исходя из плачевного характера событий, вдохновивших подвергаемые анализу фильмы, настоящая работа считает соответствующие кинотексты подверженными высокому уровню дерогативности и ставит своей целью также рассмотреть способы выражения дерогативной категории в рамках данного кинотекста.

Наиболее значимой составляющей кинотекста, в рамках лингвокультурологических исследований, считается «концепт». Согласно одной из трактовок,

концепты – это «многомерные, культурно-значимые социо-психические образования в коллективном сознании, опредмеченные в той или иной языковой форме» [4, с. 117].

Дерогативы представляют собой лексемы с семантикой пренебрежительности, презрительности, уничижительности, служат эмотивизации текста [5, с. 150]. Дерогативностью пронизаны все сферы человеческой деятельности. Генератором дерогативности выступает сам человек, так как вербализация когнитивного пространства в тексте основано на интенциональной модификации языковой единицы с приращением коннотативной иносказательности [6, с. 640]. Формирование языковой и социальной личности базируется на индивидуальных потенциях к смыслодеривации в процессе действий в объективной и текстовой реальности по «растягиванию смысла, категоризации и концептуализации...» [7].

Язык располагает большим количеством способов трансляции категории дерогативности. К лексическим способам передачи дерогативного смысла относится использование прямого значения моносемантического (слова *подхалим, пустозвон, брюзга, крохоборство, разгильдяй* изначально в своей семантике несут экспрессивно-эмоциональный заряд) и переносного значения полисемантического слова (*тюфяк, тряпка, шляпа, дуб, змея*). Более того, эмоциональность слова часто достигается его аффиксацией (*человечишка, нахалюга, грязнуля*). Следует заметить, что это явление не столько собственно лексическое, сколько словообразовательное [8, с. 151-152].

Наибольшее количество лексем, концептуализированных посредством наложения дерогативности, выявлено в кинотексте документального фильма-интервью «Хорлатмаз адам эси», в центре сюжета которого история переселения балкарцев, рассказанная самими депортированными или членами их семьи. Проанализируем каждую из соответствующих лексем.

Халкъны тар ырбынга тыйдыла. – Народ загнали в тесный угол.

В начале фильма диктор даёт историческую справку касательно отображаемых в фильме событий и сравнивает подобную участь народа с тем, как если бы весь народ загнали в тесный угол. Вне контекста слова *тесный* и *угол* нейтральны, в них нет эмотивной нагрузки и оценочности. Однако в данном случае в словах можно заметить высокую степень дерогативности, призванную подчеркнуть презрение народа к своей несчастной участи и ненависть к бесчеловечному решению властей. Таким образом, конситуативные и контекстуальные компоненты интерпретационного поля весьма значимы в расширении оценочной и утилитарной зоны, они как бы «схематизируют понимание дальнейшего текста» [9], задают фон оценивания.

Далее диктор повествует о подвиге балкарских солдат, сражавшихся на фронтах Великой отечественной войны, в то время как советская власть несправедливо депортировала их семьи. Для того чтобы подчеркнуть их самоотверженность и ненависть к немецким агрессорам диктор озвучивает следующую фразу: «*Душманны ууатыр ючюн...*» – «*Для того, чтобы уничтожить врага...*». Буквально слово *ууатыргъа* переводится как *измельчить/раскрошить/раздробить*. Таким образом, диктор передает всю ненависть, ощущаемую солдатами по отношению к противнику, и подчеркивает, что их целью являлось не просто избавление от врага, но его полное уничтожение. Следовательно, и в данном примере категория дерогативности репрезентирована посредством переосмысления значения слова в рамках соответствующего контекста. Рассмотрим ещё один практически идентичный данному пример.

В рассказе одной из героинь фильма, делящейся своими воспоминаниями о том роковом дне, когда ранним утром в ее доме появились советские солдаты, исполнявшие операцию по спецпереселению балкарцев, и разбили стеклянную часть двери, она передает слова своей матери, не подозревавшей о прибытии чужаков: «*Эшикни ким ууатды?*» (букв. пер. *Кто раздробил/раскрошил дверь?*). В отказе матери использовать идеально подходящее в данный контекст

нейтральное слово *сындырыргъа* (пер. *сломать*) можно заметить испытываемую её злость, вызванную данным действием.

Логично будет предположить, что отношение солдат к депортируемым в большинстве случаев было далеко не доброжелательным. Большая их часть к перевозу спецпереселенцев относилась пренебрежительно, что не удивительно, учитывая, что для их транспортировки были выделены даже не обычные поезда, а товарные, предназначенные для перевоза скота. Следовательно, и обращались с переселенцами не лучше, чем со скотиной. Подобное презрение к депортируемым можно заметить в использовании дерогативно окрашенных слов в следующих высказываниях:

... военный мешиналагъа (1) къуядыла. – ... грузят в военные автомобили.

Ийнекле джюрюген эшелонга (1) къуйдула. – Погрузили в эшелон, перевозящий коров.

Бизни да мешиналагъа (2) джюклегендиле. – И нас грузят в автомобили.

Буквальный перевод слов *къуяргъа* и *джюклерге* даст нам соответственно *сыпать/лить* и *грузить*. Вторая лексема, как правило, используется в отношении неодушевленных предметов, таким образом данное переосмысление в значении «погрузка людей» показывает пренебрежительное и презрительное отношение солдат к депортируемым, как и первая, также не использующаяся в своем первоначальном значении. Рассмотрим ещё один аналогичный пример.

Описывая действия солдат после прибытия в место депортации, героиня говорит: «*Келтириб степлеге текгендиле*» (пер. *Привезли и рассыпали нас по степи*). В данном отрывке также в отношении людей используется слово принятое использовать в контексте с неодушевленными предметами.

Жестокость солдат также выражается и посредством употребления слов в их прямом значении. Рассмотрим примеры.

Ма аллай бир къаты эдиле ала бизге. – Вот настолько жестокими они с нами были.

Ючюбюзню да мешинагъа атдыла. – Нас троих закинули в машину.

Из приведенных примеров видно, что выделенные слова употреблены в своём прямом значении, однако использование их придаёт отрицательный оттенок всему высказыванию в связи с изначально вложенной дерогативной окраской слов. Категория дерогативности в данных высказываниях также призвана для описания концептов, связанных с характеристикой бесчеловечного отношения солдат к переселенцам.

В агглютинативных языках, к числу которых относится карачаево-балкарский, категория дерогативности может быть репрезентирована посредством добавления различных аффиксов. Приведем примеры из проанализированного кинотекста.

(1) *Бу огъурсуз ишге аллай бир адам къатышадыла. – Так много людей было задействовано в этой **неблагодарной** работе.*

(2) *Миллетибизге Аллах разы болсун, бир джерде кеслерини **сыфатсыз** этмегендиле. - Да будет Аллах доволен нашим народом, нигде они не показали себя **недостойно**.*

В первом отрывке дерогативность слова выражается путем добавления аффикса *-суз*, означающего отсутствие/недостаток чего-то, к корню *огъур*, который самостоятельно означает *доброта/благо*. Прямой перевод *огъурсуз* даст нас такие соответствия как *недобрый/злой/свирепый*.

Во втором отрывке также использован аналогичный суффикс *-сыз* с целью подчеркнуть презрение говорящего к людям с *недостойным* поведением. Проанализируем примеры использования аффиксов другого типа.

*Бир этчикни бердиле. – Дали нам **кусочек** мяса.*

*Была бердили бизге бир **джууурганчыкъ** бла бир **джастыкъчыкъ**. – Они дали нам одно **одеяльце** и одну **подушечку**.*

В данных высказываниях можно заметить намерение автора подчеркнуть свое недовольство скудностью имевшегося у них после депортации продоволь-

ствия и бытовых предметов. Для этого автор использует уменьшительно-ласкательные суффиксы *-чик/-чыкъ*.

В каждом народе есть список животных, к которым относятся с презрением или ненавистью, их перечень неодинаков в разных лингвокультурах. К примеру, в русской лингвокультуре принято с пренебрежением относиться к козлам, собакам, свиньям, баранам, следовательно сами по себе эти зоонимы уже имеют высокий уровень дерогативности. Карачаево-балкарский список дерогативных зоонимов схож с русским. Примеры подобного употребления зоонимов можно найти в анализируемом кинотексте.

*Биз керген къыйынлыкъны **ит** да кермесин. – Не дай даже собаке увидеть горе подобное тому, с которым столкнулись мы.*

Таким образом, автор изречения выбрал одно из самых презираемых в карачаево-балкарской лингвокультуре животных, чтобы, подчеркнув это негативное отношение к нему, показать степень мучений, который его народу пришлось пережить. Рассмотрим схожий пример.

*Тек да къой, **тонгуз** джау бла этилгенди. – Просто выкинь это, оно приготовлено со **свиным** жиром.*

Данное высказывание очень ярко демонстрирует брезгливость карачаево-балкарцев к продуктам свиного происхождения, ведь даже рискуя умереть от голода они не стали притрагиваться к блюду, в составе которого был свиной жир. Данная ненависть к свиным продуктам обоснована религиозными убеждениями карачаево-балкарцев, исповедующих Ислам, который запрещает употреблять в пищу что-либо из продуктов свиного происхождения. Пренебрежение едой также нередко вызывает ненависть и к самому животному, поэтому *тонгуз* (свинья) входит в список оскорбительных слов карачаево-балкарского языка. Таким образом, дерогативность данной лексемы связана с местом самого ее референта в карачаево-балкарской лингвокультуре. Следующее высказывание этой героини также служит подтверждением резко негативного восприятия свиньи в карачаево-балкарской языковой картине мира.

*Чириген гардошну къырыб да ашай эдим. – Я даже **гнилую** картошку ела, немного почистив.*

Героиня интервью подчеркивает максимальную непригодность картофеля, употреблявшегося ею в пищу. Однако для нее лучше гнилая картошка, нежели запретная свинина. Дерогативность выделенного прилагательного реализована его прямым значением, уже включающего в себя элемент негативной оценки.

Из рассказов героев интервью можно также узнать, что жестоко с несправедливо депортированными обращались не только солдаты, но и жители территорий, в которые их переселили. Вспоминая одного из киргизских чиновников, уполномоченного руководить их исправительными работами, одна из героинь говорит: «*Башкоев деб эшитген болурсуз, бир уллу-къулакъ къыргъызлы*» (пер. «*Вы, наверняка, слышали про Башкоева, этого **большеухого** киргиза*»). Неприязнь героини к чиновнику можно заметить по её нелестной характеристике его внешности. Дерогативность заключена в самом значении выделенного прилагательного.

Естественно, что в повествовании о таком трагичном периоде в истории народа будут частые упоминания смерти земляков. Ненависть героев интервью к факту о гибели родных и друзей и презрение к необходимости молча смириться с этим выдает выбранный ими негативно окрашенный глагол, заменивший нейтральное «умирать». Приведем пример.

*Биз ол вагонланы ичинде **къырылыб**. – Мы в этих вагонах все **попередох-**
ли.*

Также тяжело карачаевцы и балкарцы переживали смерть скота, так как это было одно из главных их занятий в то время и главное средство к существованию. Поэтому упоминая смерть скота герой интервью также использует этот глагол с высокой эмотивной нагрузкой дерогативного характера: «*Анда уа бютеу къойла **къырылыб***» (пер. «*А там все овцы **передохли***»).

Можно заметить, что категория дерогативности является одним из основных инструментов концептуализации лексических единиц, репрезентирующих такие концепты как НЕНАВИСТЬ, ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ, ПРЕЗРЕНИЕ, ГОЛОД, СМЕРТЬ, ЖЕСТОКОСТЬ, ПОТЕРЯ, БРЕЗГЛИВОСТЬ, НЕПРИЯЗНЬ, формирующих прецедентный мир ДЕПОРТАЦИЯ в проанализированных кино-текстах. В результате лингвоаксиологического, семантического и морфологического анализа мы выяснили, что категория дерогативности в тематическом кинодискурсе может быть репрезентирована различными способами: при помощи прямого значения слова, посредством изменения значения слова в зависимости от контекста, путем добавления различных аффиксов. Лингвокультурологический анализ также показал, что для полного осмысления дерогативной природы слова в некоторых случаях необходимы знания культурологического характера.

Список литературы

1. Акчурина Н.И. Номинация художественных фильмов в аспекте лингвокультурологии. *Казанский лингвистический журнал*. 2018;1(4):52–60.
2. Сакаева Л.Р. К вопросу выражения национально-культурных ценностей американского кинематографа посредством кинозаглавий. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(2):200–209.
3. Олянич А.В. Кинодискурс. Дискурс-Пи. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinodiskurs> [дата обращения: 15.07.2023].
4. Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. М.: Гнозис; 2004.
5. Курбанов И. А. Способы выражения категории дерогативности в разносистемных языках (на материале русского, английского и татарского языков). *Гуманитарные науки*. 2020; №6. URL: <http://www.nauteh-journal.ru/files/f95287fb-d8c2-4b16-aba6-6c80f07bebbb> [дата обращения: 15.07.2023].
6. Бредихин С.Н. Текстологические функции иносказательных переосмысленных конструкций в смыслообразовательном аспекте. *Фундаментальные исследования*. 2015;(2):639–643.
7. Бредихин С. Н. Константы интенциональности, субъективности и модальности в герменевтическом понимании смысла. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2015;3(44):54–58.
8. Рамазанова А.Х. Лексико-семантические средства выражения значения презрения в разносистемных языках. *Вестник ВГУ*. 2011;(2):151–153.
9. Бредихин С.Н. Схемопостроение в рамках метаединиц герменевтического процесса понимания и интерпретации. *Современные проблемы науки и образования*. 2014; 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13920> [дата обращения: 01.08.2023].

References

1. Akchurina N.I. Nomination of art films in the aspect of linguoculturology. *Kazan Linguistic Journal*. 2018;1(4):52–60. (In Russ.)
2. Sakaeva L.R. To the question of national and cultural values' expression of American cinematography through cinema titles. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(2):200–209. (In Russ.)
3. Olyanich A.V. Film discourse. *Discourse-Pi*. 2015; 2. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinodiskurs> [accessed: 07/15/2023]. (In Russ.)

4. Karasik V.I. *Language circle: person, concepts, discourse*. М.: Gnosis; 2004. (In Russ.)

5. Kurbanov I.A. The ways of expressing the category of derogativeness in different languages (based on the Russian, English and Tatar languages). *Humanitarian sciences*. 2020; 6. Available from: <http://www.nauteh-journal.ru/files/f95287fb-d8c2-4b16-aba6-6c80f07bebbb> [accessed 07.15.2023]. (In Russ.)

6. Bredikhin S.N. Textological functions of allegorical rethought constructions in the sense-forming aspect. *Fundamental research*. 2015; 2: 639–643. (In Russ.)

7. Bredikhin S.N. Constants of intentionality, subjectivity and modality in the hermeneutic understanding of meaning. *Issues of cognitive linguistics*. 2015;3(44): 54–58. (In Russ.)

8. Ramazanova A.Kh. Lexico-semantic means of expressing the meaning of contempt in languages of different systems. *Proceedings of VSU*. 2011;(2):151–153. (In Russ.)

9. Bredikhin S.N. Scheme Derivation within Metaunits of Hermeneutic Processes of Understanding and Interpretation. *Modern problems of science and education*. 2014; 4. Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13920> [accessed: 01.08.2023].

Автор публикации

Айбазова Айшат Магомедовна –
ассистент
Северо-Кавказский федеральный университет
Ставрополь, Россия
Email: aybazova.2013@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0163-8984>

Author of the publication

Aibazova Aishat Magometovna –
assistant
North-Caucasus Federal University
Stavropol, Russia
Email: aybazova.2013@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0163-8984>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 7.05.2024
Одобрена после рецензирования: 15.05.2024
Принята к публикации: 28.05.2024

Article info

Submitted: 7.05.2024
Approved after peer reviewing: 15.05.2024
Accepted for publication: 28.05.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81' 42: 321.02

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.191-202>

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ ФРАНЦУЗСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Н.В. Захарова

Мордовский государственный университет им Н.П. Огарёва, Саранск, Россия
zakharovanv80@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-0144-3503>

Аннотация. Целью данной статьи является изучение специфики перевода политических речей действующего президента Франции Эммануэля Макрона, а именно выявление спектра переводческих приемов при передаче характерных лексико-стилистических средств выразительности. Материалом для исследования послужили политические речи Э. Макрона (и их перевод на русский язык), произнесенные им в ходе своего официального визита в Россию (г. Санкт-Петербург, 24–25 мая 2018 г., Константиновский дворец). Э. Макрон возглавил французскую делегацию на Петербургском Международном Экономическом Форуме, куда французская сторона была приглашена в качестве почетного гостя. Данное исследование находится на стыке политической лингвистики, дискурсивного анализа и переводоведения, соответственно применялись методы контекстуально-интерпретационного, прагматического, квантитативного и переводческого анализа. Было выявлено, что политический дискурс Э. Макрона на лексическом уровне отличается обилием синонимичных рядов, антонимичных конструкций и оценочной лексики. Наиболее частотными при переводе оказались лексико-грамматические трансформации: модуляция, смысловое развитие, замены, добавления, антонимический перевод, при этом четко прослеживается основная стратегия, направленная на сохранение структурно-семантических и прагматических особенностей оригинала.

Ключевые слова: политический дискурс; переводческая стратегия; прием; трансформации

Для цитирования: Захарова Н.В. Особенности передачи лингвостилистических средств французского политического дискурса. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(2):191–202. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.191-202>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.191-202>

**PECULIARITIES OF TRANSLATION OF LINGUISTIC AND STYLISTIC
MEANS IN FRENCH POLITICAL DISCOURSE**

N. V. Zakharova

N. P. Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia
zakharovanv80@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-0144-3503>

Abstract. The aim of this article is to study the specifics of translating the political speeches of the current French President Emmanuel Macron, namely, to identify the range of translation techniques in conveying typical lexical and stylistic means of expression. The material for the study was E. Macron's political speeches (and their translation into Russian) delivered by him during his official visit to Russia (St. Petersburg, 24–25 May 2018, Konstantinovsky Palace). E. Macron led the French delegation at the St. Petersburg International Economic Forum, where the French side

was invited as a guest of honour. This study is at the intersection of political linguistics, discourse analysis and translation studies; the methods of contextual-interpretation, pragmatic, quantitative and translation analysis were applied. In the result it was revealed that at the lexical level, Macron's political discourse is characterised by an abundance of synonymous series, antonymous constructions and evaluative words. The most frequent lexico-grammatical transformations in translation were: modulation, semantic development, substitutions, additions, antonymic translation, with the main strategy aimed at preserving the structural and semantic, pragmatic peculiarities of the original.

Key words: political discourse; translation strategy; technique; transformations

For citation: Zakharova N.V. Peculiarities of Translation of Linguistic and Stylistic Means in French Political Discourse. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(2): 191–202. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.191-202>

Обзор многочисленных отечественных лингвистических публикаций, вышедших в свет за последние два десятилетия, позволяет сделать вывод о большом интересе филологов к проблемам изучения такого феномена, как коммуникативное поведение [1, с. 25-30; 2, с. 31-39; 3; 4]. Обсуждение вопросов, связанных с изучением этого явления, имеет своим результатом установление этнокультурных, социокультурных и гендерных особенностей участников коммуникации. Заметим, что в настоящее время все более актуальным в поле зрения лингвистов становится исследование виртуальной коммуникации как глобального средства человеческого общения, объединяющего социум посредством различных форм и каналов интернет-пространства. При этом, согласно наблюдениям А.В. Кульминской, наибольший интерес вызывает блог как особый жанр интернет-общения, который представляет собой веб-сайт, содержащий датированные записи текстового и мультимедийного характера с возможностью комментирования [5, с. 11].

Личные блоги дневникового типа более распространены на просторах Интернета, чем какие-либо другие. Они составляют сегодня 70,4% интернет-пространства [6]. Данный факт объясняет наше решение обратиться к лингвистическому анализу личных блогов дневникового типа как к эмпирической базе, состоящей из 528 контекстов из 245 постов и 283 комментариев блогов авторов из Германии, Австрии и Швейцарии на блог-портале «LiveJournal».

Поскольку блогер – это пользователь Интернета, ведущий блог и повествующий о каких-либо значимых для него или для общества событиях [7, р. 3], он может быть рассмотрен как языковая личность. Под понятием языковой личности вслед за Ю.Н. Карауловым мы понимаем «многокомпонентный и многослойный набор языковых способностей, умений, готовности к осуществлению речевых поступков разной степени сложности» [8, с. 32]. Интерес для нас представляет изучение речевых поступков немецкоязычных блогеров, нечасто оказывающихся, насколько мы можем судить, в поле зрения отечественных лингвистов.

Независимо от того, какой характер носит та или иная коммуникация, любая коммуникативная личность руководствуется выбором определенных коммуникативных стратегий и использует конкретные речевые тактики для того, чтобы процесс коммуникации был успешно реализован, и коммуникативная цель была достигнута. Исходя из этого утверждения, мы ставим в статье следующие задачи – выявить специфику коммуникативных тактик немецкоязычного блогера и установить лексические средства их выражения.

Рассмотрим далее понятия коммуникативной стратегии и тактики.

О.С. Иссерс под коммуникативной стратегией понимает «планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и реализацию этого плана» [9, с. 54]. При этом реализация плана общения может осуществляться разными способами, т.е. стратегический замысел определяет выбор средств и приемов общения. Коммуникативная тактика – это совокупность речевых действий, выполняемых в определенной последовательности и реализующих коммуникативную стратегию по заданным правилам [10, с. 69]. Отсюда следует, что коммуникативные тактики представляют собой конкретные шаги, направленные на реализацию коммуникативной интенции, замысла отправителя письменного или устного текста.

Политический дискурс на протяжении вот уже длительного времени остается особым предметом интереса лингвистов и переводчиков. Это объясня-

ется подвижностью мировой политической обстановки и соответственно эволюцией речевого поведения политиков. Личность политика выступает, с одной стороны, как носитель индивидуальных речевых характеристик, с другой – как идеальный тип личности, выражающий перспективы реализации надежд и чаяний электората. Политик и избиратель являются равноправными и равнозначными участниками политического дискурса, однако именно политику отведена роль «агента» этого социально-значимого диалога [1]. При этом успех политика, особенно лидера государства, во многом зависит от его ораторского мастерства, экспрессивности, эмоциональности, а, следовательно, убедительности его речей [2]. Наличие же в тексте многообразия средств речевой выразительности ставит перед переводчиком весьма непростую задачу.

Давая общую характеристику политическому дискурсу действующего президента Франции Э. Макрона, отметим, что ему присущи видимая парадоксальность: важными составляющими выступлений политика является наличие слов и выражений, относящихся как к литературному, так и к разговорному стилю речи, эмоционально окрашенной лексики, специальной терминологии, синонимов, антонимов, фразеологизмов и др. [3]. Сохранение индивидуального своеобразия подлинника, уникальности авторского стиля и национальной самобытности на русском языке достигается за счет отобранных и задействованных в процессе работы над текстом различных переводческих стратегий, тактик, методов и приемов. Рассмотрим наиболее яркие способы передачи лексико-стилистических средств политической речи Э. Макрона, с которыми сталкивается переводчик.

Синонимы

Ряды лексических синонимов встречаются у Э. Макрона с большой частотой. Не стали исключением и взятые для анализа тексты. Отличительными чертами синонимических рядов у Э. Макрона оказались а) объемность (могут включать вплоть до 10–12 членов); б) частотность (в одной фразе нередко присутствуют сразу несколько независимых друг от друга рядов лексических си-

нонимов); в) разнообразие типов (отмечены случаи употребления языковых (полных и частичных) и индивидуально-авторских, однокорневых и разнокорневых, синонимов, дублетов); г) наличие градации (помимо простых синонимических рядов, Э. Макроном также используется прием особого расположения синонимов как в сторону усиления их значений от начала к концу фразы, так и в сторону их ослабления.

Общность семантики многих лексем русского и французского языков обуславливает возможность адекватного перевода синонимов. Что касается синонимов в текстах Э. Макрона, то представляется очевидной необходимость их сохранности при переводе, учета смысловых оттенков, а также соблюдение исходного порядка следования членов синонимического ряда при градации.

Практически во всех рассмотренных примерах переводчик отдает предпочтение дословному переводу и подбору эквивалента, то есть пытается максимально точно воспроизвести исходную структуру и порядок слов, без опущений или добавлений, отыскав в переводящем языке полные соответствия слов и словосочетаний. Например, как в следующих предложениях, где смысловый центр на русском и французском языках совпадает, а предложения имеют одинаковое грамматическое строение:

- *Ils sont connus, ils sont visibles et lisibles* [4]. – Они всем **известны, очевидны и прозрачны** [5];
- *...pour engager dès maintenant un dialogue franc, sincère, mais indispensable pour* [6]. – ...уже сейчас начать **открытый, искренний и необходимый** для региональной безопасности диалог [7] и т. п.

Переводчик обращается к названным вспомогательным приемам, так как заранее видно, что это не приведет к нарушению норм современного русского литературного языка. Сделаем оговорку: как правило, парные синонимы не слишком востребованы в политической лексике, потому что их сохранение ведет к плеоназму. Однако в случае с Э. Макроном введение в текст подобных конструкций оправдано и помогает оратору достичь конкретных целей:

- а) привлечь внимание публики к определенному отрывку речи;
- б) придать большую точность выражаемой мысли;
- в) усилить экспрессивные оттенки в повествовании.

Возможно, именно по этой причине несмотря на то, что продемонстрированное явление несвойственно русскому языку, и при переводе часто один из синонимов опускается, переводчик не отказывается от передачи семантически избыточных слов, значения которых, на первый взгляд, кажутся нерелевантными.

И все же в ряде случаев переводчик отступает от своих принципов. В основном, это касается отдельных примеров, где применение дословного перевода ведет к образованию режущего слух плеоназма – тавтологии. Для наглядности проанализируем следующее оригинальное высказывание, в котором Э. Макрон сознательно обращается к повтору лексемы:

Parce que c'est la condition du respect, mais c'est la condition aussi d'un bon fonctionnement avec les milieux d'affaires [4]. – Потому что это не только **основа** для уважения, но и условие для хорошего взаимодействия с деловыми [5]. Обратившись к приему модуляции переводчик заменяет дубликат лексической единицы подходящим синонимом: вместо существительного *condition* – *условие* специалист употребляет лексему *основа*, которая логически выводится из значения исходной единицы и соответствует требованиям, предъявляемым к лексике официально-делового стиля. Тем самым удается избежать речевого излишества и придать фразе благозвучие. Здесь авторское намерение и переводческое решение разнятся. Однако, несмотря на это, можно сказать, что переводчик справился с поставленной задачей, сохранив информативную и стилистическую функции предложения.

АНТОНИМЫ

Кроме вышеперечисленных синонимических цепочек, способствующих усилению убедительности содержания высказывания в речи Э. Макрона употребляются словосочетания с противоположным значением, являющиеся обще-

языковыми либо окказиональными антонимами. Последние по численности и частотности употребления превышают первые. Были встречены однокорневые и разнокорневые, полные и частичные, векторные, градуальные антонимы, а также антонимы-конверсивы и антонимы-комплементативы. Рассмотрим их более подробно.

Перевод антонимов обычно не отличается особыми трудностями в силу того, что отсутствует необходимость в учете разных семантических оттенков слов. Однако в ситуациях, подобных тем, что приведена ниже, все не так просто: ...*pour protéger nos classes moyennes contre les **destructions** d'emplois et l'augmentation des prix* [4]. – ...*защитить наш средний класс от **потери** рабочих мест и **повышения** цен* [5]. Ни одно из значений лексемы *destructions* не вписывается в канву предложения [8, с. 116], а потому итоговый вариант при буквальном переводе будет выглядеть нелепо с точки зрения общепринятых норм переводящего языка. Переводчику следовало подобрать соответствующий эквивалент, принимая во внимание семантику исходного слова, но по большей части опираясь на контекст, что он и сделал, создав при этом удачную антонимическую пару. Это яркий пример смыслового развития.

В остальном при переводе антонимических рядов переводчик, как и в случае с синонимами, обращается к грамматическим трансформациям. В частности, используется дословный перевод, при котором единицы ИЯ передаются на ПЯ без каких-либо изменений.

*Elle repose sur la maîtrise de ses propres forces, **la tactique** plutôt que la **force brute**, les **qualités de la volonté** et le **respect** de l'adversaire* [4]. – *Эта гибкость опирается не на грубую силу, а на контроль собственной силы, на тактику, на силу воли и уважение к сопернику* [5].

По поводу последнего примера целесообразно внести уточнение. Как видим, переводчик вносит ряд поправок в текст подлинника: во-первых, производит эквивалентную замену (*качества воли* → *сила воли*) с целью прагматической адаптации; во-вторых, использует прием добавления – вводит новый ком-

понент, отсутствующий в изначальной фразе (*на контроль собственной силы*). Изобилие антонимов не всегда является удачным переводческим решением, но конкретно в данном случае считаем расширение антонимического ряда правильным ходом, потому что речь на переводящем языке стала более выразительной, эмоциональной и в какой-то степени более корректной.

Итак, подавляющее большинство терминологических единиц, входящих в антонимические пары, переводится дословно. В отдельных случаях, когда подбор прямого эквивалента затрудняет восприятие или характеризуется иной, по сравнению с исходным текстом, экспрессией, переводчик обращается к приему смыслового развития (модуляции).

Оценочная лексика

Оценочность – неотъемлемый компонент и одна из ключевых особенностей речей на политические темы. Часто именно посредством экспрессивной функции политик добивается наиболее сильного эффекта речевого воздействия.

В лингвистической литературе можно встретить различные классификации видов оценочности, которые вполне можно свести к двум базовым видам: эмоциональная и социально-оценочная, оценочный компонент которой отражает идеологические, морально-нравственные, социальные, культурные и т.п. отношения между людьми [9, с. 80]. Использование обоих указанных видов оценочной лексики было отмечено нами в рамках анализа политических выступлений Э. Макрона.

Всю выделенную оценочную лексику мы условно разделили на два больших полярных разряда, где ключевыми приемами перевода оказались калькирование, замены, смысловое развитие и др.:

а) слова с положительной эмоционально- и социально-экспрессивной оценкой (*la très bonne; mieux vivre; j'aime* – около 90 примеров);

б) слова с отрицательной (негативной) эмоционально- и социально-экспрессивной оценкой (*en quelque; defiance; les peurs* и т.п. – около 50 примеров).

Были определены ведущие стратегии перевода слов данной лексической группы:

1. Сохранение исходной оценочности в переводе:

La période que nous vivons a besoin de courage, pas du courage qui divise, pas du courage bravache qui consiste à définir des formes de souveraineté qui seraient un souverainisme de repli, une non coopération, une fragmentation [4]. – В нашу эпоху нам нужна именно смелость. Я не говорю о той браваурной смелости, которая разобщает, и которая ведет к созданию суверенитета на основе изоляции, **фрагментации** и отказа от сотрудничества [5].

В данном фрагменте, во-первых, обращает на себя внимание лексема *fragmentation*, имеющая явную отрицательную эксплицитную оценку, которая была в полном объеме воспроизведена в переводе за счет подбора равноценного структурного и семантического эквивалента. Кроме этого в данном примере мы наблюдаем другие стилистические средства (частично воспроизведенные в переводе), не относящиеся, однако, к оценочной лексике, но тем не менее влияющие на прагматику всего высказывания, а именно параллельные конструкции, содержащие повторы лексем *courage* и тавтологию *souveraineté - souverainisme*. Что касается последнего примера, то здесь явно присутствует опущение такого важного риторического приема.

2. Замена эксплицитной оценки на имплицитную:

Sur la situation en Ukraine enfin, le règlement pacifique de la crise au Donbass est l'élément clé d'un retour à des relations apaisées entre l'Europe et la Russie, nous y avons tous intérêt [4]. – По ситуации на Украине: мирное урегулирование на Донбассе является важнейшим элементом возвращения к **ослаблению напряженности отношений** между Европой и Россией, мы все заинтересованы в этом [5].

Изначально эксплицитно выраженная оценка политических событий *вернуться к мирным отношениям* воспроизводится в переводе за счет уже имплицитной оценки *ослабление напряженности отношений*. Решение использовать

антонимический перевод продиктовано по всей видимости прагматическим соображениями, связанными с заменой следствия в оригинале на причину в переводе, что несколько смягчает исходную категоричность.

3. Усиление оценочности в переводе:

Nous devons le faire dans un contexte dont nous connaissons toutes les difficultés, mais précisément pour pouvoir les dépasser [4]. – Как мы знаем, работать придется в *крайне сложной обстановке* – именно для того, чтобы ее преодолеть [5].

В данном примере ситуация, в которой государствам предстоит совместно работать, охарактеризована как *трудная*, то есть требующая «усилий, напряжения» [10, с. 654], но *посильная*; тогда как в переводе посредством смыслового развития появляется вариант *крайне сложная*, где наречие в значении *чрезвычайно, очень* [10, с. 381] указывает на недостижимость результата. Яркий пример подмены причины в тексте оригинала на следствие в тексте переводящего языка.

Таким образом, в контексте перевода политических речей Э. Макрона, были выявлены различные переводческие трансформации и приемы перевода. Специфика перевода на предмет сохранности обозначенных особенностей позволяет говорить о некоторых закономерностях: наиболее частотными оказались лексические и грамматические трансформации, а именно модуляция, смысловое развитие, антонимический перевод, смысловое развитие, добавления и замены, которые предполагали изменения подлинника с точки зрения семантики, морфологии и синтаксиса. При этом все же отметим, что важной стратегической особенностью перевода по большей части стало сохранение структурных особенностей исходного текста. Считаем такие переводческие решения необходимостью для передачи коммуникативного намерения, сохранения точности, так как, наряду с содержанием, форма в политическом дискурсе отличается не меньшей значимостью.

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. *Сб. науч. трудов*. Волгоград: Перемена; 2000. С. 5–20.
2. Быданцева А.Н. Лексические трансформации при переводе общественно-политических терминов (на материале интернет-издания The Guardian). *Казанский лингвистический журнал*. 2023; 6(3):355–365. [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.355-365> [дата обращения: 25.01.2023]
3. Захарова Н.В. Лингвостилистические средства формирования вербального имиджа Э. Макрона. *Казанский лингвистический журнал*. 2023. 6(4):501–511. [Электронный ресурс] URL: <https://orcid.org/0000-0002-0144-3503> [дата обращения: 25.01.2023]
4. *Discours du Président de la République, Emmanuel Macron lors du forum économique à Saint-Petersbourg (Vendredi 25 mai 2018)* [Электронный ресурс] URL <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/05/25/discours-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-lors-du-forum-economique-a-saint-petersbourg> [дата обращения: 25.01.2023]
5. *Выступление Президента Французской Республики Эмманюэля Макрона на Петербургском Международном Экономическом Форуме (25 мая, 2018 г.)* URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/05/25/vystuplenie-prezidenta-frantsuzskoi-respubliki-emmaniuelia-makrona-na-peterburgskom-mezhdunarodnom-ekonomicheskom-forume.ru> [дата обращения: 25.01.2023]
6. Transcription de la conférence de presse conjointe du Président de la République, Emmanuel Macron avec Vladimir Poutine, Président de la Fédération de Russie à Saint-Petersbourg (Palais Constantin – Jeudi 24 mai 2018) [Электронный ресурс] URL <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/05/24/conférence-de-presse-conjointe-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-et-de-vladimir-poutine-a-saint-petersbourg> [дата обращения: 25.01.2023]
7. *Совместная пресс-конференция с Президентом Франции Эммануэлем Макроном (24 мая, 2018 г.)* [Электронный ресурс] URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/57545> [дата обращения: 25.01.2023]
8. *Французско-русский. Русско-французский словарь: Dictionnaire français-russe, russe-français: частотный метод, современная лексика, 55 000 слов*. Москва: ВАКО; 2010. 863 с.
9. Голованевский А.Л. Оценочность и ее отражение в политическом и лексикографическом дискурсах (на материале русского языка). *Филологические науки*. 2002;(3):78–87.
10. Ожегов С.И. *Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений*. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Москва: Азъ; 1994. 907 с.

Refereces

1. Karasik V.I. Linguistic personality: institutional and personal discourse. *Sb. nauch. trudov*. Volgograd: Peremena; 2000. P. 5–20. (In Russ.)
2. Bydantseva A.N. Lexical transformations in the translation of socio-political terms (based on the material of the online publication “The Guardian”). *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(3):355–365. [Electronic resource] Available from: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.355-365> [accessed: 25.01.2023] (In Russ.)
3. Zakharova N.V. Linguistic and stylistic means of forming the verbal image of E. Macron. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(4):501–511. [Electronic resource] Available from: <https://orcid.org/0000-0002-0144-3503> [accessed: 25.01.2023] (In Russ.)
4. *Discours du Président de la République, Emmanuel Macron lors du forum économique à Saint-Petersbourg (Vendredi 25 mai 2018)* [Electronic resource] Available from: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/05/25/discours-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-lors-du-forum-economique-a-saint-petersbourg> [accessed: 25.01.2023] (In French)

5. *Speech by the President of the French Republic Emmanuel Macron at the St. Petersburg International Economic Forum (25 May, 2018)* Available from: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/05/25/vystuplenie-prezidenta-frantsuzskoi-respubliki-emmanuelia-makrona-na-peterburgskom-mezhdunarodnom-ekonomicheskom-forume.ru> [accessed: 25.01.2023] (In Russ.)

6. *Transcription de la conférence de presse conjointe du Président de la République, Emmanuel Macron avec Vladimir Poutine, Président de la Fédération de Russie à Saint-Petersbourg (Palais Constantin – Jeudi 24 mai 2018)* [Electronic resource] Available from: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/05/24/conférence-de-presse-conjointe-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-et-de-vladimir-poutine-a-saint-petersbourg> [accessed: 25.01.2023] (In French)

7. *Joint press conference with French President Emmanuel Macron (24 May, 2018)* [Electronic resource] Available from: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/57545> [accessed: 25.01.2023] (In Russ.)

8. *French-Russian. Russian-French dictionary: Dictionnaire français-russe, russe-français: frequency method, modern vocabulary, 55 000 words.* Moscow: VAKO; 2010. 863 p. (In Russ.)

9. Golovanevsky A.L. Evaluativeness and its reflection in political and lexicographic discourses (on the material of the Russian language). *Philological Sciences.* 2002;(3):78–87. (In Russ.)

10. Ozhegov S.I. *The explanatory dictionary of the Russian language: 72500 words and 7500 phraseological expressions* / S.I. Ozhegov, N.Y. Shvedova. Moscow: Az; 1994. 907 p. (In Russ.)

Автор публикации

Захарова Наталья Владимировна -
кандидат филологических наук, доцент
Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва
Саранск, Россия
Email: zakharovanv80@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0144-3503>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17.03.2024
Одобрена после рецензирования: 24.04.2024
Принята к публикации: 28.05.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Zakharova Natalya Vladimirovna –
Candid. Sci. (Phil.), A/Prof.
N. P. Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia
Email: zakharovanv80@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0144-3503>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 17.03.2024
Approved after peer reviewing: 24.04.2024
Accepted for publication: 28.05.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81.373

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.203-212>

СПОРТИВНЫЕ АНГЛИЦИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н.С. Ильющенко¹, С.А. Шифрина²

¹Школа-студия МХАТ, Москва, Россия

²Российский Биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ), Москва, Россия

¹ilnatali77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8204-6867>

²svetlana-shifrina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3202-0403>

Аннотация. Вопросы интеграции английских терминов спортивной терминологии в русском языке на современном этапе остаются малоизученными и требуют пристального внимания и аналитического подхода. В работе описаны методы перевода современных англицизмов спортивной тематики, используемых в русском языке в период с 2000 по 2020 годы. Исследование охватило более 2500 англицизмов, отобранных методом сплошной выборки из одноязычных, двуязычных толковых и спортивных терминологических словарей, а также средств массовой информации. На основе системно-структурного метода перевода, авторами впервые предложена собственная классификация способов трансформации современных англицизмов в русском языке. Были выделены ключевые методы перевода: фонетический перевод, транслитерация, калькирование, комбинированный метод и сохраненные формы. Анализ материала демонстрирует резко выраженное количественное несоответствие в категориях заимствованной лексики в языке-реципиенте. Исследование показало, что фонетический метод перевода оказался наиболее продуктивным – 51% исследованных единиц, в то время как калькирование оказалось наименее активным – 6%. В дальнейшем представляется перспективным провести исследование и разработать стандарты перевода спортивных англоязычных терминов в русском языке, что будет способствовать правильному пониманию спортивной терминологии и обеспечивать взаимовыгодное международное взаимодействие.

Ключевые слова: спортивная терминология; заимствования; фонетический перевод; транслитерация; калькирование

Для цитирования: Ильющенко Н.С., Шифрина С.А. Спортивные англицизмы в современном русском языке. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(2):203–212. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.203-212>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.203-212>

**ENGLISH SPORTS BORROWINGS IN THE MODERN
RUSSIAN LANGUAGE**

N.S. Ilyushchenko¹, S.A. Shifrina²

¹Moscow Art Theater School, Moscow, Russia

²Russian Biotechnological University, Moscow, Russia

¹ilnatali77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8204-6867>

²svetlana-shifrina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3202-0403>

Abstract. The issues of integration of English terms in the context of sports terminology in the Russian language at the time being remain poorly studied and require close attention and an analytical approach. The article describes methods of translating modern Anglicisms on sports topics in

the Russian language in the period from 2000 to 2020. More than 2,500 Anglicisms were extracted and examined using a continuous sampling method from monolingual, bilingual explanatory and sports terminological dictionaries and the media. Based on the systemic-structural method of translation, the authors for the first time proposed their own classification of methods for transforming modern Anglicisms in the Russian language. The article highlights the main types of translation and borrowed vocabulary: phonetic, transliteration, tracing and combined and preserved forms. The results of the analysis of the material show a pronounced quantitative discrepancy between the types of borrowed vocabulary in the recipient language. The study found that phonetic translation is the most productive method of transformation - 51% of the studied units, while tracing turned out to be the least active – only 6%. In the future, it seems promising to conduct the research and develop the standards for translating sports English terms into Russian, which will contribute to a correct understanding of sports terminology and ensure mutually beneficial international interaction.

Keywords: sports terminology; borrowings; phonetic translation; transliteration; loans

For citation: Ilyushchenko N.S., Shifrina S.A. English Sports Borrowings in the Modern Russian Language. *Kazan Linguistic Journal.* 2024;7(2): 203–212. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.203-212>

За последние годы XXI века с внедрением новых каналов связи становится всё более очевидным влияние английского языка на русский в различных сферах жизни, включая политику, технологии, бизнес и спорт. Спорт сегодня занимает ключевую позицию в межкультурной коммуникации на всех уровнях — от повседневной жизни до публичной дипломатии. Современные тенденции заимствования англицизмов в русскую языковую культуру в контексте спортивной терминологии предоставляют обширную область для исследования, так как она отражает взаимодействие языков и национальных идентичностей. Это явление обусловлено экономической интеграцией, научными достижениями и проникновением англоязычной культуры в мировое сообщество.

Многочисленные работы посвящены проблематике изучения англицизмов и их производных. В этом контексте стоит выделить фундаментальные монографические труды А.И. Дьякова, О.Ю. Чирейкиной [1], О.Б. Анисимовой [2], Ю.В. Ахметшиной [3], А.В. Зориной [4], Н.С. Ильющенко [5], А.А. Ратмановой [6], Г.Ф. Мусиной [7] и др. Изучая лексический состав любого языка, можно заметить присутствие иноязычных форм, которые, как отмечают А.И. Дьяков и Е.А. Золотарева, «сосуществуют с заимствованными лексическими единицами» [8]. Русский язык – не исключение, ведь он регулярно испытывает

влияние как родственных, так и неродственных языков, ассимилируя их лексические элементы. Этот процесс обусловлен рядом лингвистических и экстралингвистических факторов. С одной стороны, спортивная лексика отличается своей доступностью и схожа с общественно-политической, часть которой понятна каждому реципиенту, с другой стороны, по сравнению с терминологией теоретических дисциплин понятна лишь узкому кругу специалистов.

Процесс заимствования и ассимиляции англицизмов в русском языке можно охарактеризовать как процесс активный и постоянный, так как он играет важную роль для носителей того или иного языка на всех этапах его истории. При этом английские слова адаптируются в русском контексте, приспособляются с точки зрения их структуры и значения, причем степень адаптации зависит от частоты использования заимствованной лексемы [9].

За последние десятилетия особенно часто наблюдается увеличение частоты использования англицизмов в средствах массовой информации. Публицисты и журналисты активно освещают международные спортивные события, используя множество иностранных терминов, что придает их репортажам современный оттенок и способствует обогащению лексического запаса современного русского языка в спортивном дискурсе. По мнению Э.И. Кудриковой, именно это объясняет широкое распространение англицизмов и «англогенов», которые она называет «деанглицизмами», в различных областях общественной жизни [10].

Актуальность изучения английских терминов в современной спортивной терминологии состоит в систематизировании способов взаимодействия языков в одной из наиболее динамичных и распространенных сфер межкультурного общения, которая до сих пор недостаточно изучена. Теоретическая значимость данного исследования выражается в том, что каждый новый анализ основных моментов заимствований и способов их перевода на русский язык способствует дальнейшему развитию науки о языке, рассматриваемом как сложное и многоаспектное явление. Практическая значимость работы заключается в возможности последующего применения результатов при разработке теории заим-

ствования и ассимиляции английских лексических единиц в контексте специфических особенностей происхождения и семантики. Данные результаты находят практическое применение для спортсменов, тренеров, судей, комментаторов, переводчиков, зрителей и болельщиков, могут использоваться в создании учебных программ, пособий, руководств, справочных материалов, инструкций, правил, в обучении русскому и английскому языкам в спортивных вузах, а также при составлении этимологических и толковых словарей современных спортивных терминов.

Методы исследования обусловлены его целью, задачами, материалом и направлены на наиболее полное раскрытие особенностей процессов системно-структурной и функциональной адаптации спортивной лексики в современном русском языке. Основными методами, используемыми в работе, являются системно-структурный и контекстный способы перевода. Материал для исследования извлекался путем сплошной выборки из одноязычных, двуязычных и многоязычных толковых спортивных терминологических словарей, зарубежных средств массовой коммуникации (радио, телевидение, интернет).

Научная новизна исследования заключается в его проблематике, целях и задачах. В исследовании авторами представлен комплексный анализ современной спортивной терминологии, выявлены особенности структурно-семантической и функциональной адаптации заимствованных спортивных терминов в рамках современной межкультурной коммуникации.

Исходя из существующих лингвистических теорий, нами были рассмотрены следующие принципы изучения единиц изучаемых языков: системно-структурной организации, принцип социальной обусловленности. Так, проанализировав более 2500 англицизмов в спортивной лексике, мы считаем целесообразным выделить следующие виды заимствований и подробнее остановиться на каждом из них:

Фонетическое заимствование. Под фонетической трансформацией мы подразумеваем введение в русский язык слов и выражений, которые остаются не-

трансформированными по фонетическому и орфографическому аналогу. В результате заимствования слова и выражения сохраняют свою звуковую форму и, возможно, могут быть подвержены незначительным изменениям в произношении и широко используются для обозначения соответствующих спортивных терминов:

- названия видов спорта и спортивных игр: *флаг-футбол – flag football, лакросс – lacrosse, сквош – squash, боулдеринг – bouldering, масреслинг – mas-wrestling, биг-эйр – big-air, стрейт джамп – straight jump, пилатес – pilates, флорбол – floorball;*

- наименования оборудования и мест проведения спортивных игр: *arrowPass – эроупасс, рашгард – rashguard; ринг – ring, баланс борд – balance board;*

- названия приемов, ошибок и правил ведения игры: *нокдаун – knockdown, фол – foul, офсайд – offside, овертайм – overtime, майфгай – tough guys, dribлинг – dribbling, воркаут – workout, спойлер – spoil;*

- названия видов соревнований и их частей: *чемпионат – championship, турнир – tourney, раунд – round, cross – кросс, коворкинг – co-working, смешанный спорт – mixed-sex sports.*

Транслитерация. Под транслитерацией мы подразумеваем процесс замены символов английского языка буквы русского алфавита. Приведем несколько примеров: *коуч – coach, монобоб – monobob, фристайл – freestyle, хафпайп – half pipe, камбэк – comeback, допинг – doping, стрейт джамп – straight jump* и т.д..

Транслитерация применяется в том случае, когда необходимо перенести слова, выражения или грамматической конструкции из одного языка на другой язык, сохраняя при этом форму и значение: *тэкл – tackle, сейв – save, dribлинг – dribbling, пас – pass, вольту – vault, ачери биатлон – achery biathlon, скиатлон – skiathlon, хайлайт – highlight* и т.д.

По нашему мнению, ассимиляция английских слов в русские предложения посредством метода транслитерации встречается очень редко. Приведем несколько примеров английских фразеологизмов-предложений: *их команда вышла на*

поле и дала все от себя - their team went out on the field and gave it their all; мы пропустили гол, потому что наша оборона была в расслабленном состоянии - we let in a goal because our defense was in a relaxed state; он нанес удар в самом начале матча - he made a strike at the very beginning of the match.

Калькирование. Калькирование применяется в том случае, если необходимо перенести слова, выражения или грамматическую конструкцию одного языка на другой, сохраняя при этом форму и значение: *пробежка - trot; половина игры - halftime; полузащитник - halfback, трансфер - transfer, файткард - fight card, андеркат - undercut* и т.д.

Хотелось бы отметить, что процессу калькирования подвергаются не только отдельные термины, но и целостные фразы: *забить гол - to score a goal, поймать мяч - to catch the ball, отбивать мяч - to clear the ball, иметь преимущество - to have an advantage, инфлюенсер в индустрии спорта - sports industry influencer.*

По нашему мнению, перенесение устойчивых английских предложений и их адаптация в русском языке при помощи калькирования встречается довольно редко. Приведем еще несколько примеров английских фразеологизмов-предложений: *их команда вышла на поле и дала все от себя - their team went out on the field and gave it their all; мы пропустили гол, потому что наша оборона была в расслабленном состоянии - we let in a goal because our defense was in a relaxed state; он нанес удар в самом начале матча - he made a strike at the very beginning of the match.*

Комбинированные и сохраненные формы. Комбинированные и сохраненные формы подразумевают трансформацию терминов, которые сочетают слова из английского и русского языков: *фрик-кик - free kick, тайм-аут - time-out, слопстайл - slopestyle, неопреновые гантели - neoprene dumbbells, блэклист - blacklist, физическая подготовка - physical conditioning, в прямом эфире - live, хеджирование - hedge, ски-альпинизм - sky-alpinizm, полузащитник - halfback,*

Чемпионат мира по футболу ФИФА - the FIFA World Cup, Лига Европы УЕФА - The UEFA Europa league, кубок УЕФА-the UEFA Super Cup.

В результате структурно-семантического анализа более 2500 англицизмов спортивной тематики, было обнаружено ярко выраженное несоответствие количества заимствованных лексических единиц в языке-реципиенте. Проведенный анализ показал, что фонетический метод перевода является наиболее продуктивным и составляет 51% исследованных единиц, в то время как калькирование является менее продуктивным – 6% ИЕ. Такой значительный количественный перевес, по нашему мнению, может быть объяснен особенностями эволюции двух отдаленно родственных языков – английского и русского.

При транслитерации (20% ИЕ) в контексте русской речи проводится замена английских символов на буквы русского алфавита, тем самым упрощая чтение и ввод спортивных терминов. В связи с возрастающей тенденцией к точности документации сохранение звукового облика заимствованного слова становится особенно важным, поэтому, по нашему мнению, метод транскрипции с сохранением некоторых элементов транслитерации будет со временем доминировать. Фонетическая и графическая структуры различных языков значительно разнятся, а сам процесс транслитерации и транскрипции языковой единицы весьма условен. В тоже время, необходимо понимать, что переводом считается не просто передача слов и фраз из одного языка на другой, но и перенос значения, контекста и культурных особенностей того или иного языка. Использование транслитерации и транскрипции может быть полезным инструментом в некоторых случаях, но в целом следует использовать их с осторожностью и с учетом конкретной ситуации и аудитории, для которой производится перевод. Был проанализирован метод калькирования (5% ИЕ), используемый для передачи «чужеродной» (ксеногенной) лексики на язык-реципиент, комбинированные и сохраненные формы перевода (23% ИЕ), обладающие всеми имеющимися возможностями интерпретации и наиболее точно передающие смысл терминологических единиц в языке-реципиенте. Мы полагаем, что для

более точного перевода английского слова на русский язык следует обращать внимание на все виды трансформаций доступных языку-реципиенту и выбирать способы, наиболее точно передающие толкование термина.

Основываясь на всем вышеперечисленном, можно утверждать, что частота использования англицизмов в спортивном дискурсе довольно высока, так как, во-первых, в русском языке отсутствуют слова для обозначения новых объектов, понятий или реалий; во-вторых, происходит замена описательных фраз одним английским словом; в-третьих, английские слова воспринимаются в языке-реципиенте как более престижные.

Проведенный анализ позволил установить, что современный русский язык беспрецедентно быстро ассимилировал спортивные англицизмы, что способствует значительной интеллектуализации русской спортивной лингвокультуры. Разработка унифицированных стандартов перевода и специализированное обучение переводчиков спортивной терминологии могут помочь уменьшить количество ошибок и повысить качество переводов. В дальнейшем нам представляется целесообразным провести исследование и разработать стандарты перевода спортивных англоязычных терминов в русском языке, что будет способствовать правильному пониманию спортивной терминологии и укреплять взаимовыгодное международное взаимодействие.

Список литературы

1. Дьяков А.И., Чирейкина О.Ю. Англицизмы в русских терминологических системах. Екатеринбург: *Международный научно-исследовательский журнал*. 2020;5(95):43–47. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.95.5.089>
2. Анисимова О.Б., Осадчая В.П. Англоязычные заимствования в русском спортивном дискурсе. *Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт*. 2017;(1):13–18.
3. Ахметшина Ю.В. Современные англоязычные заимствования и проблема межвариантности в свете общей теории заимствования. *Мир науки, культуры, образования*. 2020;1(80):324–326. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00131>
4. Зорина А.В. Англицизмы в современном русском языке (на примере интернет-лексики). *Казанский лингвистический журнал*. 2018;2(1):5–14.
5. Ильющенко Н.С., Шифрина С.А. К вопросу об основных тенденциях использования англицизмов в современном русском языке. *Мир науки, культуры, образования*. 2023;6(103): 552–554. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-6103-552-554>

6. Ратманова А.А. Сравнительно-сопоставительный анализ спортивных агентивов женского рода в русском и английском языках. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(3):397–408. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.397-408>

7. Мусина Г.Ф. Заимствования в спортивной терминологии русского языка. *Russian Linguistic Bulletin*. 2023;3(39). URL: <https://rulb.org/archive/3-39-2023-march/10.18454/RULB.2023.39.5> [дата обращения: 14.12.2023].

8. Золотарева Е.А., Дьяков А.И. Англогенность в русском языке. Екатеринбург: *Международный научно-исследовательский журнал*. 2022;3(117). URL: <https://research-journal.org/archive/3-117-2022-march/anglogennost-v-russkom-yazyke> [дата обращения: 14.12.2023].

9. Ильющенко Н.С., Агальцова Д.В. Фразеологические лакунарные единицы и способы их перевода. *Мир науки, культуры, образования*. 2022;1(92):257–259. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-192-257-259>

10. Кудрикова Э.И. *Интеграция англицизмов в современном немецком языке в словообразовательном и функциональном аспектах*: автореф. дисс... канд. филол. наук. Барнаул; 2021. 225 с.

Refereces

1. Dyakov A.I., Chireikina O.Yu. Anglicisms in Russian terminological systems. Ekaterinburg: *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 2020;5(95):43–47. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.95.5.089> (In Russ.)

2. Anisimova O.B., Osadchaya V.P. English borrowings in Russian sports discourse. Integrated communications in sports and tourism. *Integrirovannye kommunikacii v sporte i turizme: obrazovanie, tendencii, mezhdunarodnyj opyt*. 2017;(1):13–18. (In Russ.)

3. Akhmetshina Yu.V. Modern English borrowings and the problem of interviance in the light of the general theory of borrowing. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2020;1(80):324–326. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00131>

4. Zorina A.V. Anglicisms in modern Russian language (on the example of Internet vocabulary). *Kazan Linguistic Journal*. 2018;2(1):5–14. (In Russ.)

5. Ilyushchenko N.S., Shifrina S.A. On the question of the main trends in the use of Anglicisms in the modern Russian language. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2023;6(103): 552–554. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-6103-552-554>

6. Ratmanova A.A. Comparative analysis of feminine sports agents in the Russian and English languages. *Kazanskij lingvisticheskij zhurnal*. 2023;6(3):397–408. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.3.397-408>

7. Musina G.F. Borrowings in sports terminology of the Russian language. *Russian Linguistic Bulletin*. 2023;3(39). Available from: <https://rulb.org/archive/3-39-2023-march/10.18454/RULB.2023.39.5> [accessed: 12/14/2023]. (In Russ.)

8. Zolotareva A., Dyakov A.I. English in the Russian language. Ekaterinburg: *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 2022;3(117). Available from: <https://research-journal.org/archive/3-117-2022-march/anglogennost-v-russkom-yazyke> [accessed: 12/14/2023]. (In Russ.)

9. Ilyushchenko N.S., Agaltsova D.V. Phraseological lacunary units and methods of their translation. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2022;1(92):257–259. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-192-257-259>

10. Kudrikova E.I. *Integration of Anglicisms in the modern German language in word-formation and functional aspects*: abstract. diss... cand. Philol. Sciences. Barnaul; 2021. 225 p. (In Russ.)

Авторы публикации

Ильющенко Наталья Степановна –

канд. филол. наук, доцент

Школа-студия МХАТ

Москва, Россия

Email: ilnatali77@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8204-6867>

Шифрина Светлана Александровна –

старший преподаватель

Российский Биотехнологический университет

(РОСБИОТЕХ)

Москва, Россия

Email: svetlana-shifrina@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0006-3202-0403>

Authors of the publication

Natalya S. Ilyushchenko –

PhD (Philology), Associate Professor

Moscow Art Theater School

Moscow, Russia

Email: ilnatali77@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8204-6867>

Svetlana A. Shifrina –

Senior lecturer

Russian Biotechnological University

Moscow, Russia

Email: svetlana-shifrina@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0006-3202-0403>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17.02.2024

Одобрена после рецензирования: 24.04.2024

Принята к публикации: 28.05.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 17.02.2024

Approved after peer reviewing: 24.04.2024

Accepted for publication: 28.05.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.581

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.213-242>

**ГЛАГОЛЬНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В СОВРЕМЕННОМ
КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОБЛЕМА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО
ПЛЮРАЛИЗМА И ЕДИНСТВА КЛАССИФИКАЦИИ**

С.А. Маннапова¹, Т.С. Лопаткина²

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

¹simatovasa@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5314-6009>

²LopatkinaTS@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4513-2034>

Аннотация. В статье рассматривается один из самых дискуссионных вопросов современного российского китаеведения – вопрос о наименовании и классификации такого грамматического явления китайского языка, как дополнительный элемент. Авторы посредством анкетирования студентов 3 курса Московского городского педагогического университета, которые изучают китайский язык в рамках направлений «Лингвистика», «Востоковедение и африканистика» и «Педагогическое образование» наглядно иллюстрируют, насколько остро стоит в российской китаистике проблема терминологического плюрализма относительно рассматриваемого грамматического явления и его типов. В результате проведенного анализа китайскоязычных учебников и учебных пособий отмечается единодушие китайских авторов относительно наименования дополнительного элемента, а также стройность предлагаемой ими классификации типов дополнительного элемента. Анализ русскоязычных учебников и учебных пособий по китайскому языку, напротив, демонстрирует, невероятное разнообразие точек зрения по поводу выбора термина для обозначения дополнительного элемента и набора описываемых типов дополнительного элемента. В заключение, авторы выдвигают конкретные предложения относительно рекомендуемого русскоязычного термина для обозначения рассматриваемого грамматического явления китайского языка и наиболее удачного варианта классификации его типов в рамках русскоязычных учебников и учебных пособий по китайскому языку.

Ключевые слова: дополнительный элемент; китайский язык; наименование; классификация; учебники и учебные пособия

Для цитирования: Маннапова С.А., Лопаткина Т.С. Глагольный дополнительный элемент в современном китайском языке: проблема терминологического плюрализма и единства классификации. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(2): 213–242. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.213-242>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.213-242>

A GRAMMAR COMPLEMENT IN MODERN CHINESE: THE PROBLEM OF TERMINOLOGICAL PLURALISM AND CLASSIFICATION UNITY

S.A. Mannapova¹, T.S. Lopatkina²

Moscow City University, Moscow, Russia

¹simatovasa@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5314-6009>

²LopatkinaTS@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4513-2034>

Abstract. The paper deals with one of the most debatable issues of modern Chinese studies in Russia, that is the question of naming and classifying such a grammatical phenomenon of the Chinese language as a complement. The authors, through a survey among the 3rd year students of Moscow City University who study the Chinese language within the programs “Linguistics”, “Oriental and African Studies” and “Pedagogical Education”, clearly illustrate the problem of terminological pluralism in Chinese studies in Russia concerning the complement and its types. As a result of the analysis of Chinese-language textbooks and learning aids, it is noted that all Chinese authors mostly use the same Chinese term for the grammatical phenomenon of complement and propose a coherent classification of its types. The analysis of Russian-language Chinese textbooks and learning aids, on the contrary, demonstrates an incredible diversity of viewpoints regarding the terms to denote a complement and the set of its types. In conclusion, the authors presents the recommended Russian-language term for the Chinese complement and the most successful variant of classifying its types within the framework of Russian-language Chinese textbooks and learning aids.

Keywords: complement; Chinese language; term; classification; textbooks and learning aids

For citation: Mannapova S.A., Lopatkina T.S. A Grammar Complement in Modern Chinese: The Problem of Terminological Pluralism and Classification Unity. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(2): 213–242. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.213-242>

Введение

Теория членов предложения, несмотря на существующие недостатки (неоднозначность определения члена предложения по вопросу, проблема идентификации главных и второстепенных членов предложения и т. п.), была и остается наиболее распространенным вариантом синтаксического анализа предложения в сфере обучения иностранным языкам. Ее продолжают использовать при объяснении грамматики в учебниках как по европейским, так и по восточным языкам. Каждому школьнику известны подлежащее и сказуемое как главные члены предложения, дополнение, определение и обстоятельство – как базовые второстепенные члены предложения, в том или ином варианте их можно выделить в синтаксических образованиях практически любого языка. Однако бывают такие ситуации, когда в каком-либо языке выделяются свои особые

языковые категории, отсутствующие в других языках (таковой, к примеру, для китайского языка является категория слитно-раздельного глагола, более подробно см. [1]). Данное замечание касается в том числе и синтаксических категорий: когда какой-либо элемент предложения в языке не подпадает под описание ни одного из перечисленных выше главных и второстепенных членов предложения, лингвисты могут провозгласить существование в данном языке уникального, специфического члена предложения. Например, в русском предложении иногда выделяют детерминант – член предложения, который синтаксически связан одновременно и с подлежащим (или дополнение), и со сказуемым: *Ребенком он любил конфеты*. [2, с. 129] – форма «ребенком» связана и с подлежащим «он», и со сказуемым «любил». В китайском языке тоже есть уникальный член предложения, который не имеет аналога в русском языке и который, как правило, описывается отдельным разделом в справочниках по грамматике современного китайского языка [3; 4; 5]. В китайской лингвистической традиции данный член предложения именуют 补语 (досл. «дополнительное словосочетание»).

При относительном единодушии китайских лингвистов в вопросе терминологического наименования данного члена китайского предложения¹ в российской лингвистике до сих пор царит плюрализм, как только его ни называют: дополнение, дополнительный элемент, дополнительный член, комплемент, модификатор, обстоятельство. Актуальность проводимого исследования обусловлена тем, что указанное многообразие терминов для обозначения одного и того же явления порождает противоречивые описания рассматриваемого члена предложения в русскоязычных лингвистических и методических трудах по грамматике китайского языка, что серьезно запутывает читателей, в особенности начинающих китаистов (см. в том числе [7, с. 500-501]). Проблема выбора

¹ Неединообразие терминологии наблюдалось в китайских трудах по грамматике XX в., но характеризовалось наличием лишь трех разных терминов (补足语, 后附加语, 补语), из которых в конечном счете был выбран 补语 в качестве общепризнанного (более подробно см. [6]).

подходящего термина усугубляется еще и тем, что рассматриваемый член предложения имеет несколько разновидностей, и классификации этих разновидностей совсем не обязательно совпадают в китайскоязычных и русскоязычных трудах по грамматике китайского языка. Таким образом, целью настоящей статьи является выбор рекомендуемого русскоязычного эквивалента для обозначения члена китайского предложения 补语 в результате проведенной систематизации русскоязычного терминологического многообразия относительно данного явления, а также выдвижение предложений относительно классификации типов 补语 на основе сопоставления соответствующего грамматического содержания российских и китайских учебников и учебных пособий.

Иллюстрация проблемы

С целью иллюстрации степени негативного влияния обозначенного терминологического плюрализма на преподавание китайского языка как одну из важных сфер прикладной лингвистики, нами было проведено анкетирование среди студентов 3 курса института иностранных языков Московского городского педагогического университета направлений «Лингвистика» (10 человек), «Востоковедение и африканистика» (18 человек) и «Педагогическое образование» (8 человек), изучающих китайский язык как первый иностранный². Выбор в качестве участников анкетирования именно студентов 3 курса обусловлен тем, что на всех направлениях подготовки к данному этапу обучения уже пройден курс базовой грамматики китайского языка, включающий в том числе рассмотрение различных видов дополнительных элементов. Все респонденты изучали базовый курс китайского языка на 1-2 курсах либо по учебнику «Практический курс китайского языка» под редакцией А.Ф. Кондрашевского [8; 9], либо по

² Следует отметить, что дифференциация мнений респондентов разных направлений не входила в задачи настоящего исследования. Анкетирование проводилось исключительно для подтверждения мнения авторов о существовании обозначенной проблемы и ее негативного влияния на сферу преподавания китайского языка как иностранного.

учебнику «Новый практический курс китайского языка» под редакцией Лю Сюня [10; 11; 12].

В самом начале анкеты респондентам было дано указание не обращаться в процессе заполнения ни к каким справочным материалам, а опираться исключительно на свои знания и память. Анкета включала два вопроса. В вопросе 1 мы попросили респондентов самим предложить верный, с их точки зрения, вариант перевода термина 补语 на русский язык. Результаты ответов респондентов на этот вопрос представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 – Указанные респондентами варианты перевода термина 补语 на русский язык

По рисунку 1 видно, что респонденты предложили целых 6 вариантов перевода термина на русский язык: модификатор, комплемент, дополнение, обстоятельство, дополнительный элемент и дополнительный член. 5 респондентов ($\approx 14\%$ от опрошенных) указали, что не знают перевод данного термина.

При ответе на вопрос 2 респондентам предлагалось указать русскоязычный термин для выделенного члена китайского предложения (всего было предложено 24 предложения). Предложения для вопроса 2 анкеты составлялись таким образом, чтобы максимально охватить все возможные случаи употребления рассматриваемого члена предложения (补语) в китайском языке. Результаты

ответов респондентов на данный вопрос для каждого предложения представлены в таблице 1³.

Таблица 1 – Ответы респондентов на вопрос 2

	Предложение на китайском языке	Ответы респондентов	Кол-во чел
1	他说的话我听懂了。	результативная морфема	9
		комплемент результата	3
		дополнение результата / результативное дополнение / результативное дополнение, выраженное глаголом	3
		модификатор	2
		модификатор результата / результативный модификатор	2
		глагол / результативный глагол	2
2	你一天能记住多少汉字？	результативная морфема	8
		дополнение результата / глагольное результативное дополнение / результативное дополнение / результативное дополнение, выраженное глаголом	6
		комплемент результата	4
		результативный модификатор / модификатор результата	3
		обстоятельство / обстоятельство места	3
		глагол / результативный глагол	3
		модификатор / сложный модификатор	3
3	麻烦你带来一些吃的。	модификатор направления / модификатор направления действия	8
		комплемент направления	7
		модификатор	5
		дополнение направления	4
		глагол направления движения	2
обстоятельство	2		
4	学生们都站起来了。	комплемент направления	8
		модификатор направления / модификатор направления действия	7
		результативные дополнения / глагольное результативное дополнение / дополнение результата	5
		сложный модификатор / модификатор	3
		глагол	2
обстоятельство	2		
5	那么多工作，你一个人做得完吗？	комплемент возможности	4
		результативное дополнение, выраженное глаголом / результативное дополнение / дополнение результата	4
		комплемент результата	3
		дополнительный элемент возможности	2
		дополнение возможности	2
результативный глагол	2		

³ Ввиду ограниченного объема статьи, в таблице присутствуют только варианты ответов, которые были указаны двумя и более респондентами.

	Предложение на китайском языке	Ответы респондентов	Кол-во чел
		модификатор результата	2
		модификатор	2
		обстоятельство	2
		инфикс	2
6	汉字太小了，我看不清楚。	результативная морфема	3
		комплемент возможности	3
		результативное дополнение, выраженное прилагательным / результативное дополнение / дополнение результата	3
		обстоятельство	3
		дополнительный элемент возможности	2
		инфикс плюс результативная морфема / инфикс	2
		модификатор результата	2
		сложный модификатор / модификатор	2
		дополнение возможности	2
7	咱俩吃不了那么多。	дополнение невозможности совершения действия / дополнение невозможности выполнения действия / дополнение невозможности	6
		комплемент возможности	3
		дополнение возможности	2
		дополнительный элемент возможности	2
		инфикс плюс результативная морфема / инфикс	2
		модификатор результата	2
		сложный модификатор / модификатор	2
сказуемое	2		
8	他走得很快。	дополнение степени / дополнение степени сказуемого	7
		обстоятельство	4
		результативный глагол	2
		комплемент состояния	2
		дополнительный элемент оценки действия / дополнительный элемент оценки	2
9	他写汉字写得好看。	дополнение степени / дополнение степени сказуемого	5
		обстоятельство	3
		результативный глагол	2
		комплемент состояния	2
		комплемент	2
		результативное дополнение / дополнение результата	2
		дополнительный элемент оценки действия / дополнительный элемент оценки	2
10	外边热死了。	дополнение степени	4
		результативная морфема	3
		усиление сказуемого / усиление сказуемого с положительным значением	3
		результативный глагол	2
		обстоятельство	2
		модификатор результата	2
		модификатор	2
		комплемент степени	2

	Предложение на китайском языке	Ответы респондентов	Кол-во чел
		показатель степени / степень	2
11	我和他每天都忙得很。	дополнение степени / дополнение степени сказуемого	7
		обстоятельство	4
		комплемент	2
		комплемент степени	2
		оценка действия	2
		показатель степени / степень	2
12	我在那家公司工作了几年。	дополнение длительности	8
		обстоятельство времени	7
		обстоятельство	4
		промежуток времени выполнения действия / продолжительность действия	2
		показатель длительности / длительность	2
		имя числительное / числительное	2
13	我学了两年汉语了。	дополнение длительности	9
		обстоятельство времени	4
		обстоятельство	4
		определение	2
		промежуток времени выполнения действия / продолжительность действия	2
		показатель длительности / длительность	2
		имя числительное / числительное	2
14	那些生词我复习了两遍。	дополнение кратности / дополнение кратности действия	8
		обстоятельство	5
		счетное слово	3
		кратность / показатель кратности	3
		количество повторений, длительность / количество выполнения действия	2
		дополнительный элемент кратности / дополнительный элемент кратности действия	2
15	我已经给他打过几次电话。	дополнение кратности / дополнение кратности действия	6
		обстоятельство	4
		счетное слово	3
		кратность	2
		дополнительный элемент кратности	2
16	你等一下/一会儿。	обстоятельство	5
		краткость совершения действия / кратковременность действия / краткосрочность	4
		дополнение кратности	3
		дополнение длительности	2
		дополнение	2
		кратность	2
		наречие	2
		дополнительный элемент кратности	2
17	他比我大三岁。	дополнение	7
		дополнение количества	3
		обстоятельство	3

	Предложение на китайском языке	Ответы респондентов	Кол-во чел
		дополнение степени	2
		показатель сравнения / сравнение	2
		степень сравнения	2
		имя числительное / числительное	2
18	那条裙子比这条好看 多了 。	обстоятельство	4
		дополнение количества	3
		дополнение степени	3
		дополнение	2
		степень сравнения	2
19	那条裙子比这条好看 得多 。	дополнение степени	4
		дополнение количества	3
		обстоятельство	3
		степень сравнения	2
20	他出生于1999年。	обстоятельство времени	9
		обстоятельство	4
		дополнение времени	2
		дополнение	2
		предлог + год / год рождения	2
21	他们都来自 世界各地 。	обстоятельство места	8
		обстоятельство	5
		дополнение	4
		указание места / место	3
		дополнение места	2
22	书终于 买到 了。	результативная морфема / нейтрально отглагольная результативная морфема	7
		дополнение результата / результативное дополнение, выраженное глаголом / глагольное результативное дополнение	7
		комплемент результата	3
		модификатор	3
		модификатор результата	2
		обстоятельство	2
23	我们走到 山顶 了。	обстоятельство места	4
		комплемент результата	4
		дополнение результата / глагольное результативное дополнение / результативное дополнение	4
		обстоятельство	3
		модификатор направления	2
		результативная морфема + дополнение / результативная морфема + место	2
		результативная морфема	2
24	我不能等到12点。	обстоятельство времени	7
		обстоятельство	5
		результативная морфема	3
		глагольное результативное дополнение / результативное дополнение / дополнение результата	3
		дополнение длительности	2
		дополнение	2
		результативная морфема + дополнение / результативная морфема + время	2

Согласно таблице 1, респонденты указывали для разных предложений от 4 до 10 вариантов ответа (без учета единичных ответов, с которыми разнообразие предложенных вариантов было бы еще больше), ни одно предложение не получило однозначной интерпретации. В ответах прослеживаются следующие основные закономерности:

1. Респонденты нередко обозначают 补语 не как отдельный член китайского предложения (то есть не используют специальный термин), а отождествляют его со знакомыми из русской грамматики дополнением (все предложения), обстоятельством (все предложения, кроме 1 и 7) и даже сказуемым (предложение 7).

2. При оценке некоторых предложений респонденты вообще отказываются от использования специальных лингвистических терминов, указывая вместо них грамматические значения, обозначаемые выделенным элементом (оценка действия – предложение 11; промежуток времени выполнения действия / продолжительность действия – предложение 13; кратность – предложения 14, 15, 16; краткость совершения действия / кратковременность действия / краткосрочность – предложение 16; указание места / место – предложение 21).

3. Практически для каждого предложения среди ответов есть переводы выделенного элемента на русский язык без указания термина (при этом иногда переводится не сам выделенный элемент, а сложный глагол в целом). Например, «наверх», «подниматься / вставать», «подняться», «встаньте» для предложения 4; «закончишь/ сделаешь до конца», «до конца», «закончить» для предложения 5.

4. Среди ответов для всех предложений (кроме предложений 2, 3, 4) присутствуют варианты, указывающие на затруднение при выборе термина для обозначения выделенного элемента: «не знаю», «не помню», «знаю, но не помню», «не помню, но знаю, как использовать», «мы такого не проходили или проходили вскользь», прочерк, знак вопроса.

Результаты опроса, представленные в таблице 1, а также отмеченные нами закономерности наглядно иллюстрируют проблему терминологического обозна-

чения 补语 в русском языке: студенты всех трех направлений испытывают затруднения в русскоязычном обозначении различных типов данного члена китайского предложения. На наш взгляд, существование обозначенной проблемы связано с тем, что подобным терминологическим разнообразием в отношении 补语 характеризуются не только мнения студентов, но и русскоязычные учебники китайского языка, по которым студенты изучали базовую грамматику.

Результаты анализа китайскоязычных учебников и учебных пособий по китайскому языку⁴

С целью определения наиболее удачного русскоязычного эквивалента для обозначения рассматриваемого члена китайского предложения и наиболее приемлемого варианта классификации прежде всего необходимо рассмотреть, каким образом описывают данный член предложения в китайских учебниках и учебных пособиях по грамматике. Для анализа нами были выбраны следующие популярные китайские учебники и учебные пособия: «Практическая грамматика современного китайского языка» Лю Юэхуа [3], «Практическая обучающая грамматика китайского языка как иностранного» Лу Цинхэ [4], «Практическая грамматика китайского языка» Фан Юйцина [5], «Обучающая грамматика китайского языка как иностранного» [13], «Современный китайский язык», часть 2 Хуан Божуна и Ляо Сюйдуна [14], «Современный китайский язык» кафедры современного китайского языка факультета китайского языка Пекинского университета [15], «Современный китайский язык» Ци Хуяна [16], «Учебник по грамматике китайского языка» Сунь Дэцзиня [17], «Практическая обучающая грамматика китайского языка как иностранного» [18], учебник “Boya Chinese” начального уровня [19; 20], учебник “Boya Chinese” среднего уровня [21; 22].

Как уже было отмечено, в большинстве своем китайские лингвисты единодушны в именовании рассматриваемого члена предложения термином 补语.

⁴ В связи с тем, что данный раздел посвящен именно китайской терминологии, в нем мы максимально избегаем перевода китайскоязычных терминов на русский язык, русскоязычные термины для обозначения рассматриваемого явления будут подробно проанализированы в следующей части статьи.

Однако в одном из изданий также предлагается термин 补充语 [18], что фактически является более полным вариантом термина 补语. В пособии Фан Юйцина часть грамматического материала, которая в других пособиях обычно рассматривается в разделе о 补语, излагается в разделе о 宾语 (дополнение), а именно материал о показателях длительности, кратности и степени [5].

Результаты анализа типов 补语, рассматриваемых в перечисленных выше учебниках и учебных пособиях, представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Виды 补语 в китайских учебниках и учебных пособиях

Учебники/ учебные пособия	结果 补语	趋向 补语	可能 补语	程度 补语	数量 补语	情态 补语	状态 补语	介词短语补语/ 由介词结构充 任的补语/时地 补语
实用现代汉语语法 (刘月华, 2001)	+	+	+	+	+	+		+
实用对外汉语教学语法 (陆庆和, 2006)	+	+	+	+	+		+	
实用汉语语法 (房玉清著, 2009)	+	+	+	+		+		
对外汉语教学语法 (齐沪扬主编, 2005)	+	+		+	+	+		
现代汉语 (黄伯荣、廖序东, 2011)	+	+	+	+	+	+		+
现代汉语 (北京大学中文系现 代汉语教研室, 2012)	+	+	+	+			+	
现代汉语 (齐沪扬, 2007)	+	+		+	+	+		
汉语语法教程 (孙德金, 2013)	+			+	+	+		
对外汉语教学实用语法 (卢福波著, 2010)	+	+	+		+	+		+
博雅汉语: 初级, I、II (李晓)	+	+	+	+			+	

Виды 补语 Учебники/ учебные пособия	结果 补语	趋向 补语	可能 补语	程度 补语	数量 补语	情态 补语	状态 补语	介词短语补语/ 由介词结构充 任的补语/时地 补语
琪, 2013) ; 准中级, I、II (李晓琪, 2004)								

Следует отметить, что 情态补语 и 状态补语 из таблицы 2 указывают на один и тот же тип 补语, который занимает позицию после постпозитивного 得: 她网球打得非常好。 [4, с. 366] (Она в теннис играет очень хорошо.); 这本书写得很好。 [5, с. 184] (Эта книга написана хорошо.). Таким образом, во всех проанализированных учебниках и учебных пособиях рассматриваются два типа 补语: 结果补语 и 情态补语/状态补语. Все обозначенные в таблице 2 типы 补语 рассматриваются в двух изданиях: «Практическая грамматика современного китайского языка» Лю Юэхуа [3] и «Современный китайский язык», часть 2 Хуан Божуна и Ляо Сюйдуна [14].

Относительно содержания категории 数量补语 (см. таблицу 2), мнения авторов рассматриваемых пособий разделились: часть авторов в качестве подвидов 数量补语 указывает 动量补语 (дополнительный элемент кратности) и 时量补语 (дополнительный элемент длительности) [13; 14; 16; 17], другая часть относит сюда также 比较数量补语 (дополнительный элемент сравнения) [3; 4; 18].

К 程度补语 все авторы преимущественно относят два случая: 1) прил. + 极了, 透了, 多了, 死了, 坏了; 2) прил. + 得 + 很, 多, 慌, 厉害, 要命, 要死, 不行, 不得了, 了不得. В одном из пособий отдельно указывается способ обозначения

незначительной степени с помощью 一些, 一点: 山那边的情况我熟悉, 还是我去好一点。 [14, с. 74] (*В ситуации там в горах я разбираюсь, все же лучше отправиться мне.*). В двух из рассматриваемых пособий [16; 17] дополнительно освещается разница между 程度补语 и 结果补语 в случае присоединения 死了, 坏了, 透了: если указанные лексические единицы присоединяются к прилагательному, то это 程度补语, если к глаголу, то это 结果补语. Например, в предложении 昨天把我累死了。 [16, с. 379] (*Вчера я смертельно устал.*) 死了 – это 程度补语, а в предложении 那只羊被狼咬死了。 [16, с. 379] (*Тот баран был укусан волком до смерти.*) 死了 – это 结果补语.

结果补语 во всех пособиях рассматривается сходным образом, но в двух из них [5; 18] предпринимается попытка более детальной классификации в зависимости от частеречной принадлежности 结果补语: 1) 结果补语 – прилагательное (拉长 – вытянуть); 2) 结果补语 – глагол (记住 – запомнить). В пособии Ци Хуяна [16] предлагается общая классификация для 结果补语 и 趋向补语 (по частеречной принадлежности компонентов, например, глагол + глагол, глагол + прилагательное и т.д.), а в пособии Сунь Дэцзиня [17, с. 157] рассматривается особый вид 结果补语: 老师站在前面。 (*Учитель стоит впереди.*); 飞机飞往上海。 (*Самолет летит в Шанхай.*).

趋向补语 представляет собой одну из самых сложных категорий китайской грамматики, поэтому неудивительно, что авторы разных пособий пытаются максимально упорядочить описание данного типа 补语. Кто-то [3; 13; 14]

осуществляет классификацию 趋向补语 на виды по материальной форме без разделения на более крупные группы; кто-то [4; 5; 15; 18; 20] – по структуре, разделяя все виды 趋向补语 на простые (单纯/简单) и составные (复合); кто-то [18] – по передаваемому значению.

Относительно 可能补语 в учебниках и учебных пособиях, как правило, рассматриваются три возможные формы: 1) инфиксы 得/不 в сочетании с 结果补语 и 趋向补语 (打得通 – можно дозвониться, 进不去 – невозможно войти); 2) инфиксы 得/不 в сочетании с 了 (做得了 – мочь сделать); 3) 得/不得 (恨不得 – так и хотелось бы). В некоторых пособиях 可能补语 не выделяется в качестве самостоятельного типа, и это, вероятно, связано с тем, что данный тип (в первой самой распространенной форме) может рассматриваться как разновидность 结果补语 или 趋向补语. В одном из пособий [14] приводятся критерии разграничения 可能补语 и 情态补语, поскольку и в том, и в другом случае используется служебное слово 得. В учебнике Ци Хуяна [16] тоже рассматривается подобная разница, но уже между 情态补语 и «формой возможности» 结果补语 (结果补语的可能式).

В одном из рассматриваемых пособий [5] отдельно выделяются два дополнительных раздела. Первый – 结果补语和趋向补语的虚化 (переносные значения дополнительных элементов результата и направления): 钓到一条鱼 [5, с. 171] (поймать рыбу); 查出错误 [5, с. 176] (обнаружить ошибку). Второй – 动词短语做补语 (глагольные словосочетания в роли дополнительного элемента): 肚子饿得咕咕直叫。 [5, с. 184] (Так голоден, что в животе урчит.).

В двух из рассматриваемых пособий [5; 16] классификация 补语 является двухуровневой: на первом уровне осуществляется разделение 补语 на две большие группы по признаку наличия/отсутствия служебной морфемы 得 при оформлении 补语, далее в рамках выделенных групп уже разграничиваются виды 补语, обозначенные в таблице 2, однако в двух указанных пособиях распределение этих видов представлено по-разному. Например, в пособии Ци Хуяна 结果补语 и 趋向补语 относятся к комплексной группе (можно и с 得, и без 得), в то время как в пособии Фан Юйцина отдельно не выделяется комплексная группа: 结果补语 рассматривается в группе без 得, а 程度补语 частично рассматривается в группе с 得 (好得多), частично – в группе без 得 (好多了).

Результаты анализа русскоязычных учебников и учебных пособий по китайскому языку

Для анализа нами были выбраны следующие популярные учебники и учебные пособия по китайскому языку российских авторов или переводные версии учебников китайских авторов: «Практический курс китайского языка» под ред. А.Ф. Кондрашевского [8; 9], «Начальный курс китайского языка» Т.П. Задоевко и Хуан Шуин [23; 24], «Новый практический курс китайского языка» под ред. Лю Сюня [10; 11; 12], «Курс китайского языка» Ян Цзичжоу [25; 26; 27; 28; 29], «Новые горизонты. Интегральный курс китайского языка» [30; 31; 32], «Современный китайский язык. Учебник для начинающих» [33], «Практическая грамматика современного китайского языка» [34], «Полный курс китайского языка для начинающих» [35], «Элементарная грамматика китайского языка» [36], «Полная грамматика в схемах и таблицах» [37], «Дополнительный элемент в китайском предложении: комментарии по грамматике» [38].

Согласно проведенному анализу, в учебниках и учебных пособиях на русском языке наблюдается гораздо большее терминологическое разнообразие в отношении рассматриваемого языкового явления, результаты проведенного анализа представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Русскоязычные термины, соответствующие китайскому термину 补语

Термин для рассматриваемого явления	Дополнительный член	Дополнительный элемент	Дополнение	Обстоятельство	Модификатор (для одного из видов)	Результативная морфема (для одного из видов)
Учебники/ учебные пособия						
«Практический курс китайского языка» (под ред. А.Ф. Кондрашевского, 2016)	+		+		+	+
«Начальный курс китайского языка» (Т.П. Задоевко и Хуан Шуин, 2008, 2009)			+	+	+	+
«Новый практический курс китайского языка» (под ред. Лю Сюня, 2006, 2007)	+					
«Курс китайского языка» (Ян Цзичжоу, 2009)	+		+			
«Новые горизонты. Интегральный курс китайского языка» (под ред. Т.В. Ивченко, 2012)		+				
«Современный китайский язык. Учебник для начинающих» (У Чжунвэй, 2009)	+					
«Практическая грамматика современного китайского языка» (В.Ф. Щичко, 2016)		+				
«Полный курс китайского языка для начинающих» (Т.В. Ивченко, 2019)		+				
«Элементарная грамматика китайского языка» (А.П. Кошкин, 2021)				+	+	+
«Полная грамматика в схемах и таблицах» (Т.В. Ивченко, 2021)		+				
«Дополнительный элемент в китайском предложении: комментарии по грамматике» (К.Э. Дубровская, 2022)		+				

Как видно из таблицы 3, в некоторых учебниках и учебных пособиях используется несколько эквивалентов для китайского термина 补语, из которых

термины «модификатор» и «результативная морфема» используются для обозначения отдельных видов 补语 (趋向补语 и 结果补语 соответственно). Наиболее распространенные термины, встречающиеся в рассмотренных учебниках и учебных пособиях, – это «дополнительный элемент» и «дополнительный член». В части 2 тома 1 учебника под ред. Т.В. Ивченко [30] представлены описательные варианты наименования двух видов 补语: «словосочетание со значением длительности действия или состояния» (вместо более распространенных в других пособиях вариантов «дополнение/дополнительный элемент/дополнительный член длительности») и «глагольные счетные слова, обозначающие кратность действия» (вместо более распространенных в других пособиях вариантов «дополнение/дополнительный элемент/дополнительный член кратности»). Однако в томе 2 [31] для указанных типов 补语 уже используются другие наименования с термином «дополнительный элемент» в составе: «дополнительный элемент длительности» / «дополнительный элемент времени» и «дополнительный элемент со значением количества действия» соответственно. В рассмотренных учебниках и учебных пособиях на русском языке рассматриваются следующие виды 补语, соотносимые с описанными выше китайско-язычными терминами (см. таблицу 4).

Таблица 4 – Соответствие русских и китайских терминов для обозначения различных видов рассматриваемого явления

Русский термин	Китайский термин	Пример ⁵
Модальный дополнительный член / Дополнение результата / Обстоятельство образа действия / Обстоятельство результата / Дополнительный элемент оценки / Дополнительный элемент степени	情态补语/状态补语	<ul style="list-style-type: none"> • 他来得很早。(Он пришел рано.) • 他感动得不知道说什么好。(Он так расстроган, что и слов не может подобрать.)
Дополнительный член направления / Дополнительный элемент направ-	趋向补语	<ul style="list-style-type: none"> • 我们先进去吧。(Давайте сна-

⁵ Примеры взяты из проанализированных учебников и учебных пособий, перевод наш.

Русский термин	Китайский термин	Пример ⁵
ления / Модификатор		<p>чала войдем.)</p> <ul style="list-style-type: none"> • 姐姐从中国寄回来很多照片。 (Старшая сестра прислала из Китая много фотографий.)
Дополнительный член времени и меры / Дополнительный член времени / Словосочетание со значением длительности действия или состояния / Дополнение длительности / Дополнение со значением длительности действия / Обстоятельство длительности / Дополнительный элемент длительности / Дополнительный элемент времени	时量补语	<ul style="list-style-type: none"> • 我在圣彼得堡只待了一天。(Я пробыл в Санкт-Петербурге всего день.) • 你等一会儿。(Ты подожди немного.) • 我看了一个小时(的)电视。 (Я час смотрел телевизор.)
Дополнительный член степени / Дополнительный член, выражающий высочайшую степень / Обстоятельство степени / Дополнительный элемент степени	程度补语	<ul style="list-style-type: none"> • 这件旗袍漂亮极了。(Это ципао невероятно красиво!) • 快给我一点儿吃的, 我饿死了。(Скорее дай мне что-нибудь поесть, я умираю с голоду.) • 北京的夏天热得很。 (Пекинское лето очень жаркое.)
Дополнительный член количества / Дополнение количества / Обстоятельство меры / Дополнительный элемент сравнения / Дополнительный элемент сравнительного количества / Дополнительный элемент количества	比较数量补语	<ul style="list-style-type: none"> • 这件比那件长两公分。(Эта вещь длиннее той на два сантиметра.) • 我家乡的夏天比这儿凉快多了。(Лето у меня на Родине гораздо прохладнее, чем здесь.)
Дополнительный член результата / Дополнение результата / Результативные морфемы / Дополнительный элемент результата	结果补语	<ul style="list-style-type: none"> • 我听懂了。(Я понял [на слух].) • 他把这个词翻译成英文。(Я перевожу это слово на английский язык.)
Дополнительный член меры действия / Дополнение кратности действия / Глагольные счетные слова, обозначающие кратность действия / Дополнение со значением кратности действия / Обстоятельство кратности / Дополнительный элемент количества действия/кратности действия / Дополнительный элемент со	动量补语	<ul style="list-style-type: none"> • 他来过两次中国。(Я дважды был в Китае.) • 请再说一遍。(Пожалуйста, скажи еще раз.)

Русский термин	Китайский термин	Пример ⁵
значением количества действия		
Дополнительный член возможности / Дополнение возможности / Дополнительный элемент возможности / Дополнительный элемент вероятности	可能补语	<ul style="list-style-type: none"> • 我们现在去买得到票吗? (Если пойдём сейчас, сможем купить билеты?) • 老师病了, 明天上不了课。(Учитель заболел, завтра он не сможет вести занятия.)
Предлоговая фраза в качестве дополнительного члена / Предлоговый оборот / Предлоговый дополнительный член	介词短语补语/由介词结构充任的补语	<ul style="list-style-type: none"> • 鲁迅生于 1881 年。(Лу Синь родился в 1881 году.) • 他来自中国西北农村。(Он приехал из деревни на северо-западе Китая.)

Исходя из таблицы 4, в большинстве русскоязычных учебников и учебных пособий 时量补语, 动量补语, 比较数量补语 не объединяются в единый тип 数量补语, как это отмечалось для китайских изданий (см. предыдущий раздел статьи). Термины со словом «количество» в составе используются преимущественно для указания на 比较数量补语. В учебнике У Чжунвэй [33] все обозначенные типы 补语 называются дополнительным элементом количества и не разделяются на подвиды.

Аналогичная ситуация наблюдается для 可能补语 и 程度补语: для данных типов 补语 не предлагается четкой классификации, все подвиды фигурируют под одним и тем же названием. Для 程度补语 преимущественно рассматривается тип, отмеченный в китайских изданиях как тип 1 (см. предыдущий раздел статьи), хотя в некоторых русскоязычных изданиях и встречаются отдельные примеры на тип 2 (см. таблицу 4). Следует отметить, что только в учебном пособии Т.В. Ивченко [37] представлены русскоязычные варианты китайских

классификаций 数量补语 (Дополнительный элемент количества), 可能补语 (Дополнительный элемент возможности) и 程度补语 (Дополнительный элемент степени) с разделением на подвиды.

Среди интересных наблюдений относительно наименований различных типов 补语 можно обозначить следующее. Во-первых, в учебнике Т.П. Задоевко и Хуан Шуин [23], а также в пособии А.П. Кошкина [36] 情态补语 обозначается двумя терминами в зависимости от типа предложения (конкретные критерии разграничения обозначенных двух видов не указаны): «обстоятельство образа действия» (王夫人说得好。 – *Хорошо сказала г-жа Ван!* [23, с. 212]) и «обстоятельство результата» (我的孩子病得不能吃饭。 – *Мой ребенок так болен, что не может есть.* [23, с. 213]). 程度补语 и 情态补语 объединены здесь в единый тип под названием «обстоятельство образа действия, степени и результата».

Во-вторых, все три представленные в таблице 4 наименования для 介词短语补语 (Предлоговая фраза в качестве дополнительного члена / Предлоговый оборот / Предлоговый дополнительный член) используются в одном и том же учебнике («Новый практический курс китайского языка» под ред. Лю Сюня), только в разных томах.

В-третьих, во многих русскоязычных изданиях в целом наблюдается путаница относительно терминов «дополнение результата», «дополнительный элемент результата» и «дополнительный член результата». Например, в части 2 тома 1 учебника Ян Цзичжоу [25] термин «дополнение результата» используется для обозначения 状态补语, а термин «дополнительный член результата» –

для обозначения 结果补语, однако в части 2 тома 2 [27] термин «дополнение результата» используется уже для 结果补语.

Ситуация относительно типов 补语, рассматриваемых в русскоязычных учебниках и учебных пособиях, представлена в таблице 5⁶. С целью сохранения единообразия, ввиду большого количества терминов для одного и того же типа 补语 в русском языке (см. таблицу 4), в данной таблице мы используем для наименования всех типов 补语 единый термин «дополнительный элемент» как один из наиболее распространенных⁷ (см. таблицу 3).

Таблица 5 – Виды «дополнительного элемента» в русскоязычных учебниках и учебных пособиях

Виды дополнительного элемента Учебники/ учебные пособия	Дополнительный элемент оценки (情态补语)	Дополнительный элемент направления (趋向补语)	Дополнительный элемент степени (程度补语)	Дополнительный элемент количества (比较数量补语)	Дополнительный элемент результата (结果补语)	Дополнительный элемент длительности (时量补语)	Дополнительный элемент кратности действия (动量补语)	Дополнительный элемент возможности (可能补语)	Предлоговый дополнительный элемент (介词短语补语)
«Практический курс китайского языка» (под ред. А.Ф. Кондрашевского, 2016)	+	+		+	+	+	+	+	
«Начальный курс китайского языка» (Т.П. Задонко и Хуан Шуин, 2008, 2009)	+	+	+		+	+	+		
«Новый практический курс	+	+	+	+	+	+	+	+	+

⁶ «Практическая грамматика современного китайского языка» В. Ф. Щичко и «Полный курс китайского языка для начинающих» Т. В. Ивченко исключены из данной таблицы, так как в первом в принципе отсутствует отдельный раздел про 补语 (补语 рассматривается вскользь в составе разделов о других грамматических явлениях), а второй учебник представляет собой лишь первый том полного курса китайского языка (второй том еще не опубликован), поэтому не содержит описаний всех типов 补语.

⁷ Для однозначности понимания в скобках после русскоязычного термина в таблице приводится китайское наименование соответствующего типа 补语.

Виды дополнительного элемента Учебники/ учебные пособия	Дополнительный элемент оценки (情态补语)	Дополнительный элемент направления (趋向补语)	Дополнительный элемент степени (程度补语)	Дополнительный элемент количества (比较数量补语)	Дополнительный элемент результата (结果补语)	Дополнительный элемент длительности (时量补语)	Дополнительный элемент кратности действия (动量补语)	Дополнительный элемент возможности (可能补语)	Предлоговый дополнительный элемент (介词短语补语)
китайского языка» (под ред. Лю Сюня, 2006, 2007)									
«Курс китайского языка» (Ян Цзичжоу, 2009)	+	+	+	+	+	+	+	+	
«Новые горизонты. Интегральный курс китайского языка» (под ред. Т.В. Ивченко, 2012)	+	+	+	+	+	+	+	+	
«Современный китайский язык. Учебник для начинающих» (У Чжунвэй, 2009)	+	+	+	+	+			+	
«Элементарная грамматика китайского языка» (А.П. Кошкин, 2021)	+	+	+	+	+	+	+		
«Полная грамматика в схемах и таблицах» (Т.В. Ивченко, 2021)	+	+	+	+	+	+	+	+	
«Дополнительный элемент в китайском предложении: комментарии по грамматике» (К.Э. Дубровская, 2022)	+	+		+	+	+	+	+	

Согласно таблице 5, во всех проанализированных пособиях описываются три типа дополнительного элемента: дополнительный элемент оценки, дополнительный элемент направления и дополнительный элемент результата. Полный набор дополнительных элементов рассматривается только в учебнике «Новый практический курс китайского языка» под ред. Лю Сюня [10; 11; 12]. Кроме предлового дополнительного элемента все остальные типы рассматриваются в учебниках «Курс китайского языка» Ян Цзичжоу [25; 26; 27; 28; 29], «Новые горизонты. Интегральный курс китайского языка» под ред.

Т.В. Ивченко [30; 31; 32] и в пособии «Полная грамматика в схемах и таблицах» Т.В. Ивченко [37].

Выводы и рекомендации

Относительно терминологии

При абсолютном единодушии китайских авторов в отношении термина для рассматриваемого грамматического явления (补语), в русскоязычных изданиях наблюдается колоссальный терминологический плюрализм. Данный факт в целом соотносится с результатами проведенного среди студентов анкетирования. Единственное различие – в русскоязычных учебниках и учебных пособиях нами не был обнаружен термин «комплемент», указанный в анкете некоторыми студентами. Данный термин является заимствованием из английского языка, студенты могли узнать о его существовании из устного объяснения рассматриваемого аспекта грамматики со стороны преподавателя или при самостоятельном изучении англоязычных источников по грамматике китайского языка.

В целом уже сейчас мы наблюдаем процесс унификации термина в отношении 补语 в русскоязычных учебниках и учебных пособиях: в них явно доминируют термины «дополнительный элемент» и «дополнительный член». Ввиду неблагозвучия последнего мы со своей стороны предлагаем в дальнейшем в русскоязычных изданиях по грамматике китайского языка остановиться на термине «дополнительный элемент». Использование терминов «дополнение» и «обстоятельство» непродуктивно, так как сразу заставляет обучающихся проводить аналогию с привычными дополнениями и обстоятельствами как членами русского предложения. Китайский дополнительный элемент – это особый член предложения, аналога которому в русском языке нет, поэтому для него целесообразнее предложить отдельный термин.

Унификация термина для обозначения 补语 автоматически решает проблему с плюрализмом наименований для каждого из видов 补语, который был

выявлен при анкетировании студентов (см. таблицу 1). Однако следует отметить, что в деле унификации важную роль играют не только учебные издания, но и сами преподаватели китайского языка. В настоящее время преподаватель, как правило, использует при объяснении грамматики о дополнительном элементе тот термин, который был усвоен им самим во время изучения китайского языка, зачастую не задумываясь о том, насколько данный термин корректен, или использует в процессе объяснения материала сразу несколько терминов для наименования одного и того же грамматического явления. В связи с этим, помимо унификации терминологии в учебниках и учебных пособиях по китайскому языку необходимо проводить работу по обучению преподавателей китайского языка терминологической грамотности (данный вопрос может быть актуален не только для дополнительного элемента, но и для других аспектов китайской грамматики).

Относительно классификации типов дополнительного элемента

Наименования типов дополнительного элемента в китайском языке у разных авторов в целом едины, исключение составляет лишь дополнительный элемент оценки, который одни авторы называют 情态补语, а другие – 状态补语.

В русском же языке наблюдается неоднозначность наименований некоторых типов, в частности термины «дополнительный элемент результата» и «дополнительный элемент степени» могут ассоциироваться сразу с двумя типами дополнительного элемента каждый (см. таблицу 4 выше).

В большинстве русскоязычных изданий, в отличие от китайских, отсутствует дифференциация типов дополнительного элемента количества (данный термин в русскоязычных изданиях используется исключительно для обозначения дополнительного элемента количества в предложениях сравнения) и дополнительного элемента степени, что, на наш взгляд, необходимо и для более однозначного употребления наименований разных типов дополнительного элемента, и для более четкого понимания данной темы со стороны обучающихся. Вместе с тем в некоторых русскоязычных изданиях [23; 36] дополнительный

элемент оценки и дополнительный элемент степени описываются как разновидности одного вида («обстоятельство образа действия, степени и результата»), что, по нашему мнению, скорее усложняет понимание и без того довольно непростой грамматической темы, а вовсе не способствует упорядочиванию теоретического материала. Таким образом, классификация типов дополнительного элемента в китайских изданиях выглядит гораздо более стройной и однозначной, поэтому среди русскоязычных изданий наиболее удачным с точки зрения освещения грамматической темы дополнительного элемента в китайском языке является пособие по грамматике Т.В. Ивченко [37], где представлена переводная версия китайской классификации типов дополнительного элемента.

Во всех китайских изданиях рассматриваются дополнительный элемент результата и дополнительный элемент оценки. Во всех русскоязычных изданиях, помимо двух отмеченных типов, рассматривается еще дополнительный элемент направления. Дополнительный элемент возможности выделяется далеко не во всех китайских и русскоязычных изданиях, что объяснимо: фактически это не отдельный тип дополнительного элемента, а форма возможности для дополнительного элемента направления и дополнительного элемента результата. С нашей точки зрения, вполне допустимо не выделять как отдельный тип дополнительный элемент возможности ни в китайских, ни в русскоязычных изданиях, а рассматривать его как грамматическую форму в разделах о двух других дополнительных элементах. Предлоговый дополнительный элемент также крайне редко рассматривается как отдельный тип дополнительного элемента. Иногда обороты с предлогами 在 и 给 в позиции после основного глагола описывают как разновидность дополнительного элемента результата [9, с. 267]. Однако, мы полагаем, что как раз этот тип дополнительного элемента заслуживает отдельного раздела, поскольку не выступает грамматической формой ни одного из других типов дополнительного элемента и объединяет вполне кон-

кретную группу оборотов со служебными лексическими единицами китайского языка в роли предлогов.

Список литературы

1. Кисель П.О. Раздельно-слитные слова *лихэцы* с высокой идиоматичностью значения в современном китайском языке. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(2): 176–186. DOI 10.26907/2658-3321.2023.6.2.176-186. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_54030291_23698251.pdf [дата обращения: 06.05.2024].
2. Зеленецкий А.Л. *Введение в общее и частное языкознание. Наиболее трудные темы курса*. М.: Восточная книга; 2010.
3. 刘月华, 潘文娉, 故韡. *实用现代汉语语法*. 北京: 商务印书馆; 2001. (На кит. яз.)
4. 陆庆和. *实用对外汉语教学语法*. 北京: 北京大学出版社; 2006. (На кит. яз.)
5. 房玉清. *实用汉语语法*. 北京: 北京语言大学出版社; 2009. (На кит. яз.)
6. Дубровская К.Э. Дополнительный элемент в китайском языке: история исследований в рамках китайской синологической традиции. *Русский лингвистический бюллетень*. 2022;5(33). DOI 10.18454/RULB.2022.33.11. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49388226_33953988.pdf [дата обращения: 11.03.2024].
7. Котельникова Н.Н. Комплемент оценки (情态补语) как синтаксическая категория современного китайского языка: лингводидактический аспект. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(4):498–511. DOI 10.26907/2658-3321.2022.5.4.498-511. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50147622_59107186.pdf [дата обращения: 06.05.2024].
8. Кондрашевский А.Ф., Румянцева М.В., Фролова М.Г. *Практический курс китайского языка в 2 т. Т. 1*. 12-е изд., испр. М.: Издательство ВКН; 2016.
9. Кондрашевский А.Ф., Румянцева М.В., Фролова М.Г. *Практический курс китайского языка в 2 т. Т. 2*. 12-е изд., испр. М.: Издательство ВКН; 2016.
10. 刘珣 (主编). *新实用汉语课本*. 第2册. 俄文注释本. 北京: 北京语言大学出版社; 2006. (На рус. яз.)
11. 刘珣 (主编). *新实用汉语课本*. 第3册. 俄文注释本. 北京: 北京语言大学出版社; 2007. (На рус. яз.)
12. 刘珣 (主编). *新实用汉语课本*. 第4册. 俄文注释本. 北京: 北京语言大学出版社; 2007. (На рус. яз.)
13. 齐沪扬 (主编). *对外汉语教学语法*. 上海: 复旦大学出版社; 2005. (На кит. яз.)
14. 黄伯荣, 廖序东 (主编). *现代汉语*. 增订本. 下册. 第5版. 北京: 高等教育出版社; 2011. (На кит. яз.)
15. 北京大学中文系现代汉语教研室 (编). *现代汉语*. 增订本. 北京: 商务印书馆; 2012. (На кит. яз.)
16. 齐沪扬 (主编). *现代汉语*. 北京: 商务印书馆; 2007. (На кит. яз.)
17. 孙德金. *汉语语法教程*. 北京: 北京语言大学出版社; 2013. (На кит. яз.)
18. 卢福波. *对外汉语教学实用语法*. 北京: 北京语言大学出版社; 2010. (На кит. яз.)
19. 李晓琪 (主编). *博雅汉语. 初级 起步编 (I)*. 北京: 北京大学出版社; 2013. (На кит. яз.)
20. 李晓琪 (主编). *博雅汉语. 初级 起步编 (II)*. 北京: 北京大学出版社; 2013. (На кит. яз.)
21. 李晓琪 (主编). *博雅汉语. 准中级 加速编 (I)*. 北京: 北京大学出版社; 2004. (На кит. яз.)
22. 李晓琪 (主编). *博雅汉语. 准中级 加速编 (II)*. 北京: 北京大学出版社; 2005. (На кит. яз.)

23. Задоевко Т.П., Хуан Шуин. *Начальный курс китайского языка. Часть II*. 4-е изд., испр. и доп. М.: Восточная книга; 2008.
24. Задоевко Т.П., Хуан Шуин. *Начальный курс китайского языка. Часть III*. 4-е изд., испр. и доп. М.: АСТ: Восточная книга; 2009.
25. 杨寄洲. *汉语教程: 俄文版*. 第 1 册. 下. 何学颖译. 北京: 北京语言大学出版社; 2009. (На рус. яз.)
26. 杨寄洲. *汉语教程: 俄文版*. 第 2 册. 上. 何学颖译. 北京: 北京语言大学出版社; 2009. (На рус. яз.)
27. 杨寄洲. *汉语教程: 俄文版*. 第 2 册. 下. 何学颖译. 北京: 北京语言大学出版社; 2009. (На рус. яз.)
28. 杨寄洲. *汉语教程: 俄文版*. 第 3 册. 上. 何学颖译. 北京: 北京语言大学出版社; 2009. (На рус. яз.)
29. 杨寄洲. *汉语教程: 俄文版*. 第 3 册. 下. 何学颖译. 北京: 北京语言大学出版社; 2009. (На рус. яз.)
30. 易福成. *新编汉语新目标*. 第 1 册. 下. 北京: 教育科学出版社; 2012. (На рус. яз.)
31. 易福成. *新编汉语新目标*. 第 2 册. 上. 北京: 教育科学出版社; 2015. (На рус. яз.)
32. 易福成. *新编汉语新目标*. 第 2 册. 下. 北京: 教育科学出版社; 2015. (На рус. яз.)
33. 吴中伟. *当代中文*. 北京: 华语教学出版社; 2009. (На рус. яз.)
34. Щичко В.Ф. *Практическая грамматика современного китайского языка*. 2-е изд. М.: Издательство ВКН; 2016.
35. Ивченко Т.В., Мазо О.М., Ли Тао. *Полный курс китайского языка для начинающих + CD*. М.: Издательство АСТ; 2019.
36. Кошкин А.П. *Элементарная грамматика китайского языка (с пояснениями и упражнениями): учебное пособие*. 3-е изд., испр. М.: Издательский дом ВКН; 2021.
37. Ивченко Т.В. *Китайский язык. Полная грамматика в схемах и таблицах*. М.: Издательство АСТ; 2021.
38. Дубровская К.Э. *Дополнительный элемент в китайском предложении: комментарии по грамматике: учебное пособие*. М.: Издательский дом ВКН; 2022.

References

1. Kisel' P.O. Separable words *liheci* with high idiomatic meaning in modern Chinese. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(2):176–186. DOI 10.26907/2658-3321.2023.6.2.176-186. Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_54030291_23698251.pdf [accessed: 06.05.2024]. (In Russ.)
2. Zeleneckij A.L. *Introduction to general and descriptive linguistics. The most difficult topics of the course*. М.: Vostochnaya kniga; 2010. (In Russ.)
3. Liu Yuehua, Pan Wenyu, Guwei. *Practical grammar of modern Chinese*. Beijing: Shangwu yinshuguan; 2001. (In Chinese)
4. Lu Qinghe. *Practical grammar for teaching Chinese as a foreign language*. Beijing: Peking University Press; 2006. (In Chinese)
5. Fang Yuqing. *Practical Chinese grammar*. Beijing: Beijing Language and Culture University Press; 2009. (In Chinese)
6. Dubrovskaya K.E. The additional element in Chinese: the history of research in the Chinese sinological tradition. *Russkij lingvisticheskij byulleten'*. 2022; 5(33). DOI 10.18454/RULB.2022.33.11. Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_49388226_33953988.pdf [accessed: 11.03.2024]. (In Russ.)
7. Kotel'nikova N.N. The complement of state (情态补语) as a syntactical category of modern Chinese: linguodidactic aspect. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(4):498–511. DOI

- 10.26907/2658-3321.2022.5.4.498-511. Available from:
https://elibrary.ru/download/elibrary_50147622_59107186.pdf [accessed: 06.05.2024]. (In Russ.)
8. Kondrashevskij A.F., Rumyancheva M.V., Frolova M.G. *A practical course of the Chinese language in 2 vols.* Vol. 1. 12th ed., revised. M.: Izdatel'stvo VKN; 2016. (In Russ.)
 9. Kondrashevskij A.F., Rumyancheva M.V., Frolova M.G. *A practical course of the Chinese language in 2 vols.* Vol. 2. 12th edition, revised. M.: Izdatel'stvo VKN; 2016. (In Russ.)
 10. Liu Xun (Chief ed.). *New practical Chinese reader textbook.* Vol. 2. Russian annotated edition. Beijing: Beijing Language and Culture University Press; 2006. (In Russ.)
 11. Liu Xun (Chief ed.). *New practical Chinese reader textbook.* Vol. 3. Russian annotated edition. Beijing: Beijing Language and Culture University Press; 2007. (In Russ.)
 12. Liu Xun (Chief ed.). *New practical Chinese reader textbook.* Vol. 4. Russian annotated edition. Beijing: Beijing Language and Culture University Press; 2007. (In Russ.)
 13. Qi Huyang (Chief ed.). *Grammar for teaching Chinese as a foreign language.* Shanghai: Fudan University Press; 2005. (In Chinese)
 14. Huang Borong, Liao Xudong (Chief ed.). *Modern Chinese.* Updated ed. Part 2. 5th ed. Beijing: Higher Education Press; 2011. (In Chinese)
 15. Department of Modern Chinese, Faculty of Chinese Language, Peking University (ed.). *Modern Chinese.* Revised and enlarged ed. Beijing: The Commercial Press; 2012. (In Chinese)
 16. Qi Huyang (Chief ed.). *Modern Chinese.* Beijing: The Commercial Press; 2007. (In Chinese)
 17. Sun Dejin. *Chinese grammar textbook.* Beijing: Beijing Language and Culture University Press; 2013. (In Chinese)
 18. Lu Fubo. *Practical grammar for teaching Chinese as a foreign language.* Beijing: Beijing Language and Culture University Press; 2010. (In Chinese)
 19. Li Xiaoqi (Chief ed.). *Boya Chinese. Elementary (I).* Beijing: Peking University Press; 2013. (In Chinese)
 20. Li Xiaoqi (Chief ed.). *Boya Chinese. Elementary (II).* Beijing: Peking University Press; 2013. (In Chinese)
 21. Li Xiaoqi (Chief ed.). *Boya Chinese. Quasi-Intermediate (I).* Beijing: Peking University Press; 2004. (In Chinese)
 22. Li Xiaoqi (Chief ed.). *Boya Chinese. Quasi-Intermediate (II).* Beijing: Peking University Press; 2005. (In Chinese)
 23. Zadoenko T.P., Huan SHuin. *Chinese for beginners. Part II.* 4th ed., revised and updated. M.: Vostochnaya kniga; 2008. (In Russ.)
 24. Zadoenko T.P., Huan SHuin. *Chinese for beginners. Part III.* 4th ed., revised and updated. M.: AST: Vostochnaya kniga; 2009. (In Russ.)
 25. Yang Jizhou. *Chinese language course: Russian version.* Vol. 1. Part B. Translated by He Xueying. Beijing: Beijing Language and Culture University Press; 2009. (In Russ.)
 26. Yang Jizhou. *Chinese language course: Russian version.* Vol. 2. Part A. Translated by He Xueying. Beijing: Beijing Language and Culture University Press; 2009. (In Russ.)
 27. Yang Jizhou. *Chinese language course: Russian version.* Vol. 2. Part B. Translated by He Xueying. Beijing: Beijing Language and Culture University Press; 2009. (In Russ.)
 28. Yang Jizhou. *Chinese language course: Russian version.* Vol. 3. Part A. Translated by He Xueying. Beijing: Beijing Language and Culture University Press; 2009. (In Russ.)
 29. Yang Jizhou. *Chinese language course: Russian version.* Vol. 3. Part B. Translated by He Xueying. Beijing: Beijing Language and Culture University Press; 2009. (In Russ.)
 30. Yi Fucheng. *New target of Chinese language learning.* Vol. 1. Part B. Beijing: Educational Science Publishing House; 2012. (In Russ.)
 31. Yi Fucheng. *New target of Chinese language learning.* Vol. 2. Part A. Beijing: Educational Science Publishing House; 2015. (In Russ.)

32. Yi Fucheng. *New target of Chinese language learning*. Vol. 2. Part B. Beijing: Educational Science Publishing House; 2015. (In Russ.)
33. Wu Zhongwei. *Contemporary Chinese*. Beijing: Sinolingua; 2009. (In Russ.)
34. SHCHichko V.F. *Practical Grammar of Modern Chinese*. 2nd ed. M.: Izdatel'stvo VKN; 2016. (In Russ.)
35. Ivchenko T.V., Mazo O.M., Li Tao. *Complete Chinese language course for beginners+ CD*. M.: Izdatel'stvo AST; 2019. (In Russ.)
36. Koshkin A.P. *Elementary Chinese Grammar (with explanations and exercises): training manual*. 3rd ed, revised. M.: Izdatel'skij dom VKN; 2021. (In Russ.)
37. Ivchenko T.V. *Chinese language. Complete grammar in charts and tables* M.: Izdatel'stvo AST; 2021. (In Russ.)
38. Dubrovskaya K.E. *The additional element in Chinese sentences: comments on grammar: training manual*. M.: Izdatel'skij dom VKN; 2022. (In Russ.)

Авторы публикации

Маннапова Софья Андреевна –

доцент

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

Email: simatovasa@mgpu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5314-6009>

Лопаткина Татьяна Сергеевна –

старший преподаватель

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

Email: LopatkinaTS@mgpu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4513-2034>

Authors of the publication

Mannapova Sofia Andreevna –

Associate Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

Email: simatovasa@mgpu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5314-6009>

Lopatkina Tatiana Sergeevna –

Senior Lecturer

Moscow City University

Moscow, Russia

Email: LopatkinaTS@mgpu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4513-2034>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 1.05.2024

Одобрена после рецензирования: 14.05.2024

Принята к публикации: 28.05.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 1.05.2024

Approved after peer reviewing: 14.05.2024

Accepted for publication: 28.05.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81`33

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.243-251>

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ С КОМПОНЕНТАМИ ЯЗЫК/ DIL (НА
МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

М.Г.Назирли¹, Р.Х.Хайруллина²

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акумлы, Уфа, Россия

¹murada.nazirli@mail.ru

²rajhan@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-7978-2225>

Аннотация. В статье представлен фрагмент сопоставительного структурно-семантического анализа русских и турецких фразеологизмов с компонентами язык /dil, закрепивших в языках образную интерпретацию процесса межличностной коммуникации. Выявлены ассоциативные модели построения таких устойчивых оборотов и описаны прототипические ситуации, мотивирующие актуальное значение фразеологизма. Рассмотрены наиболее типичные из них. Иллюстративный материал демонстрирует универсальные и этнически маркированные фразеологические образы, посредством которых дается описание речевой деятельности. Установлено, что ввиду универсальной природы и социокультурной значимости общения в социуме в русской и турецкой фразеологии обороты с компонентами язык /dil отражают одинаковую оценку разных сторон речевого процесса, а также этических норм коммуникации. В сопоставляемых языках имеют место и полные эквиваленты. Фразеологизмы, закрепившие нормы и этические установки межличностной коммуникации, значимые для русских и турок, закрепляют их коллективный социокультурный и коммуникативный опыт и транслируются как культурные ценности последующим поколениям носителей языков. Результаты данного исследования могут быть использованы в вузовской практике при изучении русской и турецкой фразеологии, а также в лексикографической практике при составлении двуязычных словарей.

Ключевые слова: ассоциативная модель; фразеологизм; русский язык; турецкий язык; речь; коммуникация; метафора

Для цитирования: Назирли М.Г., Хайруллина Р.Х. Фразеологические модели с компонентами язык /dil (на материале русского и турецкого языков). *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(2):243–251. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.243-251>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.243-251>

**PHRASEOLOGICAL MODELS WITH LANGUAGE/ DIL COMPONENTS
(BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND TURKISH LANGUAGES)**

M.G. Nazirli¹, R.Kh. Khayrullina²

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia

¹murada.nazirli@mail.ru

²rajhan@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-7978-2225>

Abstract. The article presents a fragment of a comparative structural and semantic analysis of Russian and Turkish phraseological units with language/dil components, which have fixed the figurative interpretation of the interpersonal communication process in languages. Associative models of building such stable turns are revealed and prototypical situations motivating the actual

meaning of phraseology are described. The most typical of them are considered. The illustrative material demonstrates universal and ethnically marked phraseological images, through which a description of speech activity is given. It is established that due to the universal nature and sociocultural significance of communication in society in Russian and Turkish phraseology, phrases with the components *language /dil* reflect the same assessment of different aspects of the speech process, as well as ethical norms of communication. There are also full equivalents in the languages being compared. Phraseological units that have consolidated the norms and ethical attitudes of interpersonal communication, which are significant for Russians and Turks, consolidate their collective socio-cultural and communicative experience and are transmitted as cultural values to subsequent generations of native speakers. The results of this study can be used in university practice in the study of Russian and Turkish phraseology, as well as in lexicographic practice in the compilation of bilingual dictionaries.

Keywords: associative model; phraseology; Russian language; Turkish language; speech; communication; metaphor

For citation: Nazirli M.G., Khairullina R.H. Phraseological Models with *Language/Dil* Components (based on the Material of the Russian and Turkish Languages). *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(2): 243–251. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.243-251>

Формирование процесса межличностной коммуникации всегда имело для социума большое значение: этические, социокультурные и лингвистические факторы влияют не только на содержание коммуникации, но и получают закрепление в языке в виде разных языковых единиц с целью моделирования речевых контактов и дальнейшей трансляции этих моделей последующим поколениям носителей языка. «Почти в каждом слове можно обнаружить следы человека» [1, с.3], особенно в языковой интерпретации наименований частей тела человека.

Актуальность исследования соматической лексики как компонентов фразеологических единиц становится особенно значимой в рамках антропоцентрической лингвистики, когда языковая картина изучается не только с позиции ее вербальной составляющей, но и как система миропонимания человека, представителя определенной культуры. Как известно, каждая часть тела человека или его органы в течение развития сознания в языке получают символическую интерпретацию: голова, мозг – ум, интеллект, рука – практическое действие, язык, горло – речевые способности человека и его коммуникативные потребности и др. «Язык как универсальная моделирующая система раскрывает истину о нас самих, нашем сознании и нашем подсознании во всей полноте», – отмечает

В.А. Маслова [2, с.5-6]. Соматический код является одним из видов национального культурного кода, с помощью которого в языке получает выражение специфика этнического миропонимания, в частности понимания самого себя как части объективного мира.

Сопоставительный анализ соматизмов как компонентов фразеологических единиц всегда был в центре внимания лингвистов. Известны работы по изучению разных групп соматизмов на материале какого-либо одного языка (русского, английского, немецкого, турецкого и др.). Наш исследовательский интерес связан с сопоставительными исследованиями именно на материале русского и тюркских языков: башкирского, татарского, кумыкского, казахского, тувинского, чувашского языков, в которых выявлена этнокультурная специфика фразеологизмов с данными компонентами [Алиева 2013, Исянгулова 2020, Меметов, Ряпов 2017, Саая, Дамбыра, Кечил-Оол 2020, Самигуллина, Латыпова, Васильева 2020, Рахимова, Казакбаева 2017, Файзуллина 2016 и др.]. Сопоставительный анализ русских и турецких фразеологизмов с компонентами-соматизмами в лингвистике представлен недостаточно.

Как показывает обзор научных работ, посвященных функционированию соматизма *язык* в составе фразеологизмов, кроме интерпретации речевой деятельности, этот компонент может использоваться в составе оборотов для характеристики внешних качеств человека, его эмоционального состояния, воли/принуждения, черт характера, отношения (например, к еде). Так, в работе И.А. Меметова, Р.И. Ряпова выделяется четыре группы турецких фразеологизмов с компонентами-соматизмами, среди которых кратко рассматриваются и обороты, характеризующие речевую деятельность. В работе О.М. Саая, И.Д. Дамбыра, С.В. Кечил-Оол на материале русского и тувинского языков фразеологизмы с компонентом *язык* исследуются более широко, чем только образное описание коммуникации.

Целью данной статьи является выявление моделей построения фразеологизмов с компонентом *язык/dil* в русском и турецком языках, анализ прототи-

пических ситуаций, мотивирующих их образную семантику и характеристика этнически маркированной специфики таких фразеологизмов. В ней представлен фрагмент нашего исследования фразеологизмов тематической сферы «Человек» в русском и турецком языках. Изучение различных концептуально значимых слов в составе турецкой фразеологии обусловлено тем, что «изучение турецкой концептосферы остается до настоящего времени малоизученным в отечественной лингвистической науке» [3, с.198]. Этим обусловлена и научная новизна нашего исследования.

Как известно, соматизмы являются одним из наиболее частотных компонентов фразеологизмов в разных языках, что обусловлено антропоцентризмом и антропоморфизмом описания окружающей действительности человеком в языковой картине мира через призму своего существования. Среди таких компонентов большое значение играет компонент *язык*. Важно, что во фразеологии для этого компонента (как и других соматизмов) «характерно функционирование в качестве различного рода метафор» [4, с.59] через описание его физиологических и внешних качеств, состояний и действий.

Лингвокультурное содержание устойчивых оборотов с компонентом *язык/dil* базируется как на универсальных, так и этнически обусловленных нормах общения у разных народов, в частности русского и турецкого. Такие устойчивые единицы имеют большое коммуникативное и культурное значение, отражая лежащими в их основе прототипическими ситуациями культуру, менталитет и образ жизни народа. Как отмечает О.Б. Абакумова, они «отражают знания о правилах поведения в типовых ситуациях, отражая нормы обыденной житейской философии» [5, с.156].

Будучи социальным существом, человек на протяжении многих веков формировал нормы и правила общения: что можно и нельзя говорить, можно ли говорить за спиной человека, обсуждать его внешние и внутренние качества, надо ли говорить много или мало, важно ли содержание и форма речи, какова сила слова и т.д.

Несмотря на важность общения в социуме для любого народа, менталитет русских и турок в этом плане несколько различается. Если русские всегда открыты к общению, вступают в беседу даже со случайными попутчиками, сопереживают друг другу и готовы излить душу, поделиться самым сокровенным, то турки следуют восточному этикету в общении: они часто и много говорят на общие темы о погоде, политике, торговле, а на личные темы говорят только в своей семье или среди родственников. Любое общение с незнакомыми людьми у турок начинается с этикетных форм приветствия, они осторожны в своих высказываниях [6]. В то же время многие этические нормы общения являются общими для всех людей, независимо от национальности. Осуждение вызывает у разных народов излишняя болтливость, сплетни, выдача чужих тайн и секретов, пустословие, неумение владеть словом, а красноречие и содержательность речи, ее образность и выразительность оценивается как норма. Интересен тот факт, что во фразеологии чаще получает закрепление отклонение от норм общения, поскольку это всегда является более заметным. В каждом из сопоставляемых языков можно наблюдать специфику функционирования отдельных компонентов, чаще всего глаголов, грамматические признаки которых влияют на актуальную семантику фразеологизмов.

Структурно-семантический анализ русских и турецких фразеологизмов позволил выявить ассоциативные модели для закрепления этических норм общения в их семантике. Дадим описание некоторых из них.

1. Излишняя болтливость – это интенсивная (*трепать, молоть, болтать, чесать*), но безрезультатная работа языком.

2. Сплетни, обсуждение других за спиной – ассоциируются с предметами и веществами, воспринимаемыми человеком как нечто неприятное, опасное (*лед, черви, шершень, смола, сорная трава, помело*).

3. Проклятие – пожелание болезни языка (*типун, чирей, укус*).

4. Говорить/молчать – статическое положение (*держать, поймать, лежать, отниматься*) или динамическое действие (*ворочать, распустить, прикусить, высунуть*) языком.

Например: 1. **русск.** *трепать/чесать/ болтать /молоть языком*; **турецк.** *Dili durmatmak* 'Язык не останавливается' - *трепать языком*, *dil ebesi* 'Повитуха языка' - *болтун, пустомеля*, *dili kemiği yok* 'У языка нет костей' – *язык без костей*; 2. **Русск.** *На языке медок, а внутри ледок, Язык что помело, Плести языком, Язык без костей*; **турецк.** *Dili kurtlu* 'Червивый язык' – *сплетник*, *dili zifir* 'Язык – смола' – *злой на язык, язва*, *dil otu yemiş* 'Язык – сорная трава, сорняки'; 3. **Русск.** *Чтоб у тебя язык отсох, тупун тебе на язык*; **турецк.** *Dilini eşek arisi soksu* 'Пусть твой язык шершень ужалит' – *пусть язык отсохнет*, *dili kurusun* 'Пусть язык твой отсохнет' - *пусть язык отсохнет*; 4. **Русск.** *Вертится на языке, сорвалось с языка, придержать язык, держать язык за зубами*; **турецк.** *Dilinin altındaki baklayı çıkarmak* 'Вытащить боб из-под языка' – *проболтаться, проговориться*, *dilini tutmak* 'Держать язык' - *держат язык за зубами*, *Dili tutuldu* 'Язык пойман' - *язык отнялся, кто-то замолчал*, *Dili varmatmak* 'Язык не поворачивается' – *кто-то не может говорить*, *Dilini bağlamak* 'Завязать язык' - *закрывать, заткнуть рот кому-либо*.

Наш анализ показал, что в русском и турецком социуме важна при оценке речи модальность: можно/нельзя говорить, должен сказать, вынужден сказать/молчать, заставили говорить/молчать и т.д. Общее значение фразеологизма с анализируемым компонентом выводится в обоих языках благодаря семантически опорному глаголу (*держать/tutmak, поймать/tutulmak, протягивать/uzamak, падать, ронять/düşürmek, проглотить/yutmak*), значение которых формирует образную составляющую оборота. В то же время в каждом языке в составе фразеологизмов есть глаголы, которые не функционируют в другом языке (*заплетаться, высунуть, развязать* – в русском языке, *çekmek/выйти, olmak/взять, oğırlaşmak/отяжелеть, kesmek/отрезать, dolaşmak/гулять* – в турецком). В турецком языке часто используется страдательный за-

лог глагола, чтобы указать на принуждение к молчанию, прекращению разговора (*dili tutuldu* 'его язык поймали'), глагол с отрицанием (*dili varmamak* 'его язык не идет', *dili durmamak* 'его язык не стоит', *dilinden düşürmemek* 'с его языка не падает', *dilini tutamamak* 'твой язык не удержать' и т.д.).

По сравнению с русским языком, в турецкой фразеологии большое количество единиц, в которых получили закрепление фонетические и смысловые особенности речевой деятельности человека: манера говорить, интенсивность, фазы, темп, ораторские способности и т.д.

Например: *dili acilmek* 'Заговорить, обрести дар речи', *dilinden anlamak* 'Понимать язык, разбираться в чем-л.', *dili calmak* 'Походить манерой речи на кого-л.', *dili dolasmak* 'мямлить', *dilin dolamak* 'без конца повторять одно и то же', *dili donmemek* 'коверкать язык, искаженно произносить', *dilinde tüy bitmek* 'надоедать', *dili yatkin* 'способный к языкам' и др. В русском языке такие турецкие фразеологизмы переводятся синонимичными словами или свободными словосочетаниями.

Во фразеологии посредством описания языка (его положения) в обоих языках может характеризоваться не только речевая деятельность, но и физическое состояние человека: **русск.** *Язык на плечо* (устал), *высунув язык* (из последних сил), *язык не ворочается* (нет сил даже говорить) – **турецк.** *Dili bir kariş dışarı çıkmak* 'высунулась пядь кончика языка' – сильно устать, *dili ağırlaşmak* 'Язык отяжелел' – о речи тяжелобольного человека.

В каждом языке есть фразеологизмы, уникальные по своему компонентному составу, в которых компоненты отражают этнически своеобразную культуру каждого народа. Например, в русском языке это *держат язык на привязи*, *черт дернул за язык*, в турецком языке – *dilini fare* 'На языкемышь' – язык проглотить, воды в рот набрать, *dilene destan olmak* 'С его языка поэму брать' – у каждого на языке, *Dilinin altındaki baklayı çıkarmak* 'Вытащить боб из-под языка' – проболтаться, проговориться, и др. Образная мотивация таких фразеологизмов очевидна: в хозяйстве русского крестьянина на привязи держали собаку

(ср. *лаять* – просторечное ругаться), черт – мифическое существо в русской демонологии, в турецкой культуре бобовые составляли традиционно употребляемые в пищу вид овощей, *destan* – это форма эпического сказания у восточных народов.

Эквивалентные фразеологизмы в сопоставляемых языках возникают в силу общечеловеческой природы процесса коммуникации и обычно описывают типичные речевые ситуации: *язык проглотить* – *dili yutmak*, *язык не поворачивается* – *dili varmamak*, *вертеться на кончике языка* – *dilinin ucuna gelmek*.

Таким образом, сопоставительный анализ русских и турецких фразеологизмов с компонентом *язык/dil*, особенностей их структуры и компонентного состава, их метафорической основы и прототипических ситуаций позволяет сделать следующие выводы. Соматизм *язык/dil* является одним из частотных компонентов русских и турецких фразеологизмов, ввиду его культурологической значимости в картине мира русских и турок. Их образная семантика базируется на прототипических ситуациях, в которых реализуются разные стороны самого процесса речевой деятельности человека и межличностной коммуникации: ясность, внятность речи, манера говорить, содержание и форма речевого высказывания, речевое волеизъявление или принуждение, желание/нежелание говорить, отношения коммуникантов и др. Чаще всего семантически опорным компонентом во фразеологизмах выступают глаголы разных лексико-семантических групп. В турецком языке они часто используются с отрицанием. Наряду с национально маркированными оборотами, в сопоставляемых языках встречаются полные и частичные эквиваленты. Несмотря на универсальную природу речевой и коммуникативной деятельности людей, фразеологизмы с компонентом *язык/dil* в русском и турецком языках в известной степени отражают национальный образ жизни, менталитет и культуру в целом.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. *Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке*. М.: Индрик; 1999. 422 с.
2. Маслова В.А. *Homo lingualis в культуре*. М.: Гнозис; 2007. 320 с.

3. Садыкова Э.Р. Концепт “türk milleti” (турецкий народ) в турецком дипломатическом дискурсе. *Казанский лингвистический журнал*. 2020;3(1):197–209.
4. Порхомовский М.В. *Турецкие пословицы в языке и речи*. М.: Языки славянской культуры; 2014. 176 с.
5. Абакумова О.Б. Антипословицы в языке и речи. *Язык. Человек. Культура*. М.: Институт языкознания РАН. 2022;155–162.
6. Крысько В.Г. *Этническая психология*. 10-е изд. М.: Юрайт; 2023. 359 с.

References

1. Arutyunova N.D. *Logical analysis of the language. The image of man in culture and language*. Moscow: Indrik; 1999. 422. (in Russian).
2. Maslova V.A. *Homo lingualis in culture*. Moscow: Gnozis; 2007. 320. (in Russian).
3. Sadykova E.R. The concept of “türk milleti” (Turkish people) in Turkish diplomatic discourse. *Kazan Linguistic Journal*. 2020;3(1):197–209.
4. Porhomovskiy M.V. *Turkish proverbs in language and speech*. Moscow: Languages of Slavic culture; 2014. 176 p. (in Russian).
5. Abakumova O.B. Antipologics in language and speech. *Language. Human. Culture*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 2022; 155-162. (in Russian).
6. Kryś'ko V.G. *Ethnic psychology*. 10-th pub. Moscow: Yurayt; 2023. 359. (in Russian).

Авторы публикации

Назирли Мурада Гудрат кызы –
Аспирант
Башкирский государственный
педагогический университет
им. М. Акмуллы
Уфа, Россия
Email: murada.nazirli@mail.ru

Хайруллина Райса Ханифовна –
Доктор филологических наук, профессор
Башкирский государственный
педагогический университет
им. М. Акмуллы
Уфа, Россия
Email: rajhan@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7978-2225>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 6.05.2024
Одобрена после рецензирования: 14.05.2024
Принята к публикации: 28.05.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication

Nazirli Murada Gudrat kizi –
Postgraduate student
Bashkir State Pedagogical University named after
M. Akmulla
Ufa, Russia
Email: murada.nazirli@mail.ru

Khayrullina Raysa Khanifovna –
Doctor of Philology, Professor
Bashkir State Pedagogical University named after
M. Akmulla
Ufa, Russia
Email: rajhan@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5278-7373>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 6.05.2024
Approved after peer reviewing: 14.05.2024
Accepted for publication: 28.05.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81-114.2

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.252-261>

**КАТЕГОРИЯ АВТОРИТЕТНОСТИ КАК ИДЕНТИФИКАТОР
ЭГОЦЕНТРИЗМА**

Н.Н. Панченко¹, А.А. Уваров²

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

¹*panchnn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4498-5262>*

²*auvarov2008@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу коммуникативных категорий авторитетности и эгоцентризма. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью коммуникативных категорий, отсутствием в отечественной лингвистике единого подхода к их трактовке. В проведенном исследовании предпринята попытка продемонстрировать, что коммуникативная категория авторитетности может служить средством идентификации эгоцентризма в коммуникативном взаимодействии. В статье дано определение понятия «коммуникативная категория» с опорой на работы отечественных ученых, предложен краткий обзор работ, посвященных исследованию категории авторитетности, проанализированы средства ее выражения, которые способны выступать маркерами обеих рассматриваемых коммуникативных категорий – авторитетности и эгоцентризма. Исследование базируется на материале научного дискурса, в качестве иллюстративных примеров в статье использованы фрагменты выступлений на научных конференциях, выдержки из отзывов оппонентов, контексты научных публикаций, а также контексты из Национального корпуса русского языка. Выделены и описаны основные маркеры (идентификаторы) авторитетности и эгоцентризма, к которым относятся ссылка на собственное Я, ссылка на авторитет, особая экспрессивность, пафосный стиль речи, ее избыточная эмоциональная окраска. Сделан вывод о сложности и многогранности взаимосвязей между эгоцентризмом и авторитетностью в коммуникативном пространстве научного дискурса.

Ключевые слова: авторитетность; авторитет; коммуникативная категория; концепт; эгоцентризм

Для цитирования: Панченко Н.Н., Уваров А.А. Категория авторитетности как идентификатор эгоцентризма. *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(2):252–261. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.252-261>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.252-261>

**THE CATEGORY OF AUTHORITY AS AN IDENTIFIER OF
EGOCENTRISM**

N.N. Panchenko¹, A.A. Uvarov²

Volgograd State Social-Pedagogical University, Volgograd, Russia

¹*panchnn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4498-5262>*

²*auvarov2008@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the communicative categories of authority and egocentrism. The relevance of the study is determined by the insufficient knowledge of com-

municative categories, the lack of a unified approach to their interpretation in Russian linguistics. The main goal is to demonstrate that the communicative category of authority can serve as a means of identifying egocentrism in communicative interaction. The article defines the concept of "communicative category" based on Russian scientists' researches, offers a brief review of researches devoted to the study of the category of authority, analyzes the means of its expression, which can be considered as markers of authority and egocentrism both. The research is based on the material of scientific discourse. Fragments of speeches at scientific conferences, contexts of scientific publications, excerpts from reviews of opponents, contexts from the National Corpus of the Russian language are used as examples. The main markers (identifiers) of authority and egocentrism, which are highlighted and described in the article, include a reference to one's own self, a reference to authority, special expressiveness, a pretentious style of speech, and its excessive emotional coloring. The conclusion about the complexity and versatility of the interrelationships between egocentrism and authority in the communicative space of scientific discourse is made.

Keywords: authority; authority; communicative category; concept; egocentrism

For citation: Panchenko N.N., Uvarov A.A. The Category of Authority as an Identifier of Egocentrism. *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(2): 252–261. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.252-261>

Одним из актуальных направлений исследования в современной лингвистике является выделение и анализ коммуникативных категорий.

Обращение к научным исследованиям, посвященным обсуждению данного понятия или апеллирующим к нему, демонстрирует отсутствие единой трактовки термина «коммуникативная категория».

Не возражая против утверждения, что «категории и концепты не могут быть принципиально разнородными явлениями» [1, с. 8], мы тем не менее склонны придерживаться другого подхода, некоторым образом дифференцирующего данные явления. Мы разделяем точку зрения ученых, согласно которым на статус коммуникативной категории могут претендовать любые коммуникативные переменные, характеристики участников, условия, организация и способы коммуникативной интеракции [2], [3], [4]. Важным считаем акцентировать внимание на том, что коммуникативная категория, не имея эксплицитных средств выражения, тем не менее может быть идентифицирована в дискурсе благодаря частным по отношению к ней коммуникативным категориям и/или набору определенных маркеров. В данной статье предпринята попытка продемонстрировать, что коммуникативная категория авторитетности может служить средством идентификации эгоцентризма в коммуникативном взаимодействии.

Исследование опирается на материал научного дискурса, в частности используются примеры из публикаций, докладов на научных конференциях, отзывов оппонентов¹, скрипты устной речи (СУР), а также иллюстрациями некоторых тезисов служат примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ: <https://ruscorpora.ru/>).

Следует начать с того, что понятие «авторитетность» является сложным явлением, которое рассматривается в различных парадигмах гуманитарного знания – психологии, социальной философии, лингвистике.

Е.Э. Уланова [5] рассматривает коммуникативную категорию авторитетности как структурно-образующую категорию, способную определять процесс речевого общения. Авторитетность как коммуникативная категория в трактовке автора предстает в качестве способности направлять (напрямую, не принуждая) действия и мысли другого человека (группы людей) по желаемому сценарию [5].

Еще одним определением категории авторитетности является предложенное Н.Г. Бурмакиной толкование, согласно которому «авторитетность – это способность вызывать доверие адресата, обусловленная высоким статусом адресанта» [6].

В своем исследовании Н.Г. Бурмакина приводит в числе прочего следующие характеристики авторитетности:

1. Любое высказывание в той или иной мере связано с авторитетностью. Человек не может не конструировать свой статус, не может не создавать или разрушать авторитетность свою, своих высказываний и высказываний собеседника, этот процесс носит перманентный характер.

2. В каждом конкретном фрагменте дискурса участники коммуникативного процесса актуализируют свою идентичность, прикладывают усилия для упрочнения своих позиций. Категория авторитетности не является константной, она динамична.

¹ Из этических соображений цитаты приводятся в обезличенном виде.

3. Дискурсивное конструирование авторитетности может носить прямой либо косвенный характер [6].

Соглашаясь в целом с автором, мы, тем не менее, хотим пояснить, что рассматриваем авторитетность не как имманентное свойство любого коммуникативного взаимодействия, а как коммуникативную категорию, реализующую стремление говорящего подчеркнуть свой статус (социальный или коммуникативный), оказать влияние на окружающих благодаря своим заслугам и достижениям в определенной сфере деятельности. Соответственно, подобная интенция говорящего реализуется с помощью набора определенных средств, о которых пойдет речь ниже.

Имея целью мотивированное и интенциональное воздействие, т.е. воздействие, ориентированное на корректировку поведения собеседника, его установки и ценности в соответствии с представлением говорящего [7], адресант выбирает модель речевого поведения и стратегии ее реализации, отвечающие этой цели. Принимая во внимание данный факт, заметим, что апелляция к авторитету, использование средств и приемов выражения авторитетности может служить целям воздействия на собеседника. В этом случае идея авторитета может служить как средством внушения [8], [5], т.е. дополнительным свойством, придающим весомость аргументам говорящего, так и средством защиты от внушения.

Нельзя не обратить внимание на утверждение Е.Э. Улановой, согласно которому авторитет не может быть навязан, а может быть только признан [5]. Нам данный тезис представляется спорным, поскольку в языковом сознании существует представление о так называемом «дуютом», мнимом авторитете, который конструируется сознательно в глазах окружающих:

Вальяжного, зажиревшего, без блеска, без интереса в глазах, живущего лишь для того, чтобы создавать дуютый авторитет, внушая всем, что он – «белая кость», имеющая право всеми повелевать (Т. Злобина. Рыжая Кошка. НКРЯ).

Идея о создании, зарабатывании или завоевании авторитета говорит о его целенаправленной, «рукотворной», порой манипулятивной природе:

Глубокому умному человеку нет нужды демонстрировать свои знания напоказ и добиваться дутого авторитета у неразборчивых людей. Он использует свой багаж по назначению в нужное время и руководствуется необходимостью. Пустые самовлюблённые болтуны, напротив, очень ревнивы к своей репутации и любыми средствами стремятся внушить о себе преувеличенное представление. Этим они как бы компенсируют свою незрелость и ограниченность и создают видимость многознания, образованности (И.А. Карпусь. Времена. От Цезаря до Путина. НКРЯ).

Мы полагаем, что именно воздействующий потенциал данной категории, способность сознательно влиять на окружающих, повышая свой статус в их глазах, роднит авторитетность с эгоцентризмом.

Коммуникативная личность, склонная к эгоцентризму, также стремится вызвать доверие адресата, в том числе и в силу своей убежденности в обладании более высоким коммуникативным статусом. Следовательно, их стратегии по достижению данной цели могут обладать схожими свойствами.

Мы полагаем, что эгоцентризму свойственны сходные с авторитетностью свойства, такие как способность к эксплицитному / имплицитному проявлению в речи, динамичность категории и невозможность не конституировать свой статус в процессе общения, поскольку эгоцентрик не способен к саморефлексии, осознавать собственное стремление демонстрировать «превосходящий» статус в коммуникации и будет неизбежно прибегать к различным тактикам и стратегиям для этого.

А.А. Болдырева и В.Б. Кашкин [9] описывают средства реализации авторитетности, среди которых можно выделить несколько, работающих одновременно и на авторитетность, и на эгоцентризм. В частности, следует назвать:

- 1) ссылка на авторское Я.

Особенно ярко это заметно в научном дискурсе, поскольку одной из характерных прагматических черт его стиля является отстраненность субъекта и объекта речи, что может выражаться посредством обезличенного описания от 3-его лица и применения пассивных конструкций, например: *тема рассматривается; опрос проводился* и под., реже посредством применения множественного числа второго лица, например: *мы считаем; мы рассматриваем* и т.д. Поэтому авторское я выглядит особенно контрастно:

Мой подход к решению этой проблемы уникален и основан на моем личном опыте, который позволяет мне более точно определить корни проблемы и предложить наиболее эффективные решения (СУР);

2) ссылка на авторитет.

По словам Е.А. Кривченко, аргумент к авторитету, представляет собой ссылку на мнение лиц, пользующихся признанием или влиянием в определенной сфере общественной деятельности [10]. Другими словами, это средство подразумевает апелляцию к авторитетной личности для повышения собственного авторитета, конструирования авторитетного образа себя в глазах адресата. Данная интенция используется для подтверждения своих слов или придания веса своему статусу. Средства реализации могут быть прямыми или опосредованными, т.е. выражаемыми путем отсылки к регалиям или «авторитетному сообществу», обладающему «коллективным мнением»:

В своем исследовании я опираюсь на работы профессора И.И., чьи достижения в области квантовой физики неоднократно были отмечены международным научным сообществом. Его теории, подтвержденные экспериментальными данными, служат надежной основой для моего анализа (Международный симпозиум по квантовой физике, 2020).

Ссылка на авторитет употребляется совместно со ссылкой на авторское Я, что создает «двойной» эффект проявления эгоцентричности:

Моя работа углубляет понимание темы, рассмотренной в коллективном монографическом исследовании ведущих ученых Российской академии наук.

Объединив их выводы, я предлагаю новый взгляд на проблематику, что позволяет расширить текущие границы знаний в данной области (Ежегодная встреча Российской академии наук, 2021).

Помимо вышеописанных средств мы полагаем, что эгоцентризм может использовать деконструкцию авторитетности (принижение / разрушение авторитета) своих коллег с целью повысить свой собственный авторитет в глазах слушателя / читателя:

В отличие от многих моих коллег, которые продолжают придерживаться устаревших подходов и неэффективных методик в исследовании микробиологических процессов, моя работа основывается на инновационных технологиях и последних достижениях в данной области <...> Мои методы, подтвержденные многочисленными публикациями в ведущих научных журналах, уже зарекомендовали себя как значительно более эффективные и точные, что, безусловно, ставит мои исследования на передовую позицию в мировой науке (XXII Всероссийская конференция по микробиологии, 2019).

Мы считаем, что рассмотренные средства можно представить как инструмент для перехода к более широкой коммуникативной задаче «конструирование образа эксперта», которую Н.Г. Бурмакина описывает как один из примеров реализации дискурсивной практики создания авторитетности адресанта [6]. При реализации данной задачи характерным является интенция давать оценку своим коллегам, тем самым позиционируя себя в качестве эксперта, с правом выражать одобрение или критику их научной деятельности [6]. И нам представляется, что эгоцентризм наиболее ярко будет замечен в рамках «конструирования образа авторитетного эксперта» поскольку именно образ эксперта позволяет эгоцентрику находиться «в безопасности», за пределами потенциальной критики и вызывать доверие адресата, как это продемонстрировано в последнем примере.

Как известно, в научном изложении точность и лаконичность стиля важнее его оригинальности и образности. В связи с этим экспрессия в научном

стиле, речевые маркеры, вносящие в речь адресанта элементы «шоу», играющие на внимании аудитории, по нашему мнению, тоже являются проявлением как авторитетности, так и эгоцентризма.

Авторская интенция употребления экспрессивных средств и креативных словообразований, не свойственных научному стилю речи, также служит средством идентификации авторитетности ученого, который позволяет себе продемонстрировать свою значимость в академической среде. Тем самым данные признаки, на наш взгляд, могут служить маркерами реализации и авторитетности, и эгоцентризма:

Это глас вопиющего в Иркутске когнитивиста А.В. Кравченко о необходимости пересмотра догматов современной лингвистики, сдерживающих ее развитие (из отзыва оппонента. Волгоград, 2010);

Обилие эмоционально-оценочных атрибутивных характеристик служит свидетельством авторитетности ученого, его уверенности в допустимости нарушений / выхода за границы научных канонов:

Поскольку феномен <...> всеобъемлющ, многолик, экспансивен, интенсивен, экспрессивен и эмоционален, зачастую турбулентен и потому неизбежен, он не мог и не может не привлекать внимание лингвистов как отечественных, так и зарубежных (из научной статьи).

Наравне с экспрессивными средствами маркером эгоцентрической авторитетности может служить особая тональность, граничащая с пафосным стилем:

В рамках моего последнего проекта 'нано-революция', я открыл для себя уникальные 'нано-механизмы' – термин, который я ввел для описания микроскопических процессов, управляющих материей на самом фундаментальном уровне. Эти 'нано-механизмы' – ключ к пониманию всего, от создания новых материалов до лечения болезней. И пусть кто-то скажет, что я слишком увлекаюсь, но я верю, что моя 'нано-революция' изменит мир (Научно-практическая конференция «Наноиндустрия: стратегии развития», 2020).

В качестве заключения подчеркнем, что наши наблюдения подтверждают сложность и многогранность взаимосвязей между эгоцентризмом и авторитетностью в коммуникативном пространстве. Результаты данной работы могут служить основой для дальнейших исследований коммуникативных категорий.

Список литературы

1. Шафиков С.Г. Категории и концепты в лингвистике. *Вопросы языкознания*. 2007;(2):3–17.
2. Шейгал Е.И. Концепты и категории дискурса. *Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс*: сб. науч. тр. Волгоград: Парадигма; 2006. с. 24–39.
3. Тахтарова С.С. *Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты)*: дис. ... д. филол. наук. Волгоград; 2010. 406 с.
4. Панченко Н.Н. *Достоверность как коммуникативная категория*: дис. ... д. филол. наук. Волгоград; 2010. 400 с.
5. Уланова Е.Э. Коммуникативная категория авторитетности в системе речевого поведения. *Филология и человек*. 2017;(2):120–125.
6. Бурмакина Н.Г. Репрезентация категории авторитетности в жанре научной статьи. *Национальная идентичность сквозь призму диалога культур. Исследования в области гуманитарных наук в Иberoамериканском и Российском научном пространстве*: сб. науч. статей. Ростов-на-Дону–Таганрог: Издательство ЮФУ; 2020. с. 362–368.
7. Янбердин А.Г., Фаткуллина Ф.Г. Речевоздействующий потенциал языковой личности в институциональном дискурсе. *Казанский лингвистический журнал*. 2023; 6(4):568–577. Doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.4.568-577
8. Поршнева Б.Ф. Контрсуггестия и история. *История и психология*. М.: Мысль; 1972. с. 7–35.
9. Болдырева А.А., Кашкин В.Б. Категория авторитетности в научном дискурсе. *Язык, коммуникация и социальная среда*. 2001;(1):58–70.
10. Кривченко Е.А. Приемы убеждения и манипулирования в диалогах врача и пациента (на материале рассказов М.А. Булгакова и А.П. Чехова). *Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки*. 2023; (2):65–72.

References

1. Shafikov S.G. Categories and concepts in linguistics. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2007; (2):3–17. (in Russ.)
2. Sheigal E.I. (2006). Concepts and categories of discourse. *Man in communication: concept, genre, discourse*. Volgograd: Paradigma; 2006. p. 24–39. (in Russ.)
3. Takhtarova S.S. *The Category of communicative softening (cognitive-discursive and ethno-cultural aspects)*: diss... d. philol. sci. Volgograd; 2010. 406 p. (in Russ.)
4. Panchenko N.N. *Reliability as a Communicative Category*: diss... d. philol. sci. Volgograd; 2010. 400 p. (in Russ.)
5. Ulanova E.E. Communicative category of authoritativeness in the system of speech behavior. *Filologiya i chelovek*. 2017;(2):120–125. (in Russ.)
6. Burmakina N.G. Representation of the Category of Authoritativeness in the Genre of a Scientific Article. *National identity through the prism of the dialogue of cultures. Research in the*

field of humanities in the Ibero-American and Russian scientific space. Rostov-on-Don–Taganrog; 2020:362–368. (in Russ.)

7. Yanberdin A.G., Fatkullina F.G. Speech-influencing potential of a linguistic personality in institutional discourse. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(4):568–577. Doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.4.568-577 (In Russ.)

8. Porshnev B.F. Countersuggestion and History. *History and psychology*. Moscow: Mysl; 1972. p. 7–35. (in Russ.)

9. Boldyreva A.A. Kashkin V.B. The Category of authoritativeness in scientific discourse. *Language, communication and social environment*. 2001;(1):58–70. (in Russ.)

10. Krivchenko E.A. Techniques of persuasion and manipulation in the dialogues between doctor and patient (based on the stories by M.A. Bulgakov and A.P. Chekhov). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo sotsialno-pedagogicheskogo universiteta. Philologicheskie nauki*. 2023;(2):65–72. (in Russ.)

Авторы публикации

Панченко Надежда Николаевна –
доктор филологических наук, профессор
Волгоградский государственный социально-
педагогический университет
Волгоград, Россия
Email: panchnn@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4498-5262>

Authors of the publication

Panchenko Nadezhda Nickolaevna –
Doctor of Philology, Professor
Volgograd State Social-Pedagogical University
Volgograd, Russia
Email: panchnn@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4498-5262>

Уваров Андрей Алексеевич –
аспирант
Волгоградский государственный социально-
педагогический университет
Волгоград, Россия
Email: auvarov2008@gmail.com

Uvarov Andrei Alekseevich –
Postgraduate student
Volgograd State Social-Pedagogical University
Volgograd, Russia
Email: auvarov2008@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17.03.2024
Одобрена после рецензирования: 14.04.2024
Принята к публикации: 15.05.2024

Article info

Submitted: 17.03.2024
Approved after peer reviewing: 14.04.2024
Accepted for publication: 15.05.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81-26

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.262-271>

**ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ ПРЯМОГО ЗНАЧЕНИЯ
КОМПОНЕНТОВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ ПРИ
ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

Е.Ю. Семушина¹, О.В. Праченко²

Казанский федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Россия

¹*Epospelova12@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7453-5695>*

²*Oksana.oksana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5047-3127>*

Аннотация. Окказиональные трансформации фразеологической единицы напрямую зависят от контекста, который содержит актуализаторы, способствующие изменению семантики базовой единицы. Для понимания механизма окказиональных трансформаций, отграничения их от ошибочного использования фразеологической единицы необходимо системное изучение способов изменения значения ФЕ в контексте, что и обуславливает актуальность исследования. Целью данного исследования является анализ способов актуализации прямого значения компонентов фразеологической единицы в контексте при окказиональной трансформации ФЕ. Новизна исследования заключается в попытке систематизации типов актуализации прямого значения фразеологической единицы с учетом окказиональных структурных изменений фразеологических единиц в контексте. Материалом исследования послужили окказиональные ФЕ русского и английского языка, отобранные из произведений русской и английской литературы XX и XXI века. Методы исследования включают метод контекстуального анализа, метод сплошной выборки, сопоставительный метод, методы фразеологической идентификации и фразеологического описания. Контекстуальная трансформация фразеологических единиц основывается на частичной или полной актуализации прямого значения компонента ФЕ. При актуализации прямого значения компонента ФЕ в качестве актуализаторов могут выступать, как свободные лексемы, так и определенные способы контекстуальной реализации ФЕ, как-то: повтор (наиболее частотный способ), субституция компонента и усечение фразеологической единицы.

Ключевые слова: фразеологическая единица; окказиональная трансформация; расширенная метафора; значение компонента; актуализация

Для цитирования: Семушина Е.Ю., Праченко О.В. Особенности актуализации прямого значения компонентов фразеологической единицы при окказиональной трансформации в контексте (на материале английского и русского языков). *Казанский лингвистический журнал*. 2024;7(2): 262–271. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.262-271>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.262-271>

PECULIARITIES OF ACTUALIZATION OF THE DIRECT MEANING OF THE PHRASEOLOGICAL UNIT DURING INSTANTIAL TRANSFORMATION IN THE DISCOURSE (BASED ON ENGLISH AND RUSSIAN)

*E.Y. Semushina¹, O.V. Pratchenko²**Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia*¹*Epospelova12@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7453-5695>*²*Oksana.oksana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5047-3127>*

Abstract. Instantial transformations of a phraseological unit directly depend on the discourse with actualizers that contribute to changing the semantics of the basic unit. It is necessary to study systematically the ways of changing the meaning of the unit in the discourse to understand the mechanism of instantial transformations, to distinguish them from the erroneous use of a phraseological unit, which determines the relevance of the study. The purpose of this study is to analyze ways of actualizing the direct meaning of the components of a phraseological unit in the context when instantial transformation takes place. The novelty of the research consists of an attempt to systematize the types of actualizations of the direct meaning of a phraseological unit, taking into account the instantial structural changes of phraseological units in the context. Instantial phraseological units, selected from the works of Russian and English literature of the XX and XXI centuries, are the material of the study. Research methods include contextual analysis method, continuous sampling method, comparative method, methods of phraseological identification and phraseological description. Discourse transformation of phraseological units is based on partial or complete actualization of the direct meaning of the components. When updating the direct meaning of the PU components, free lexemes and methods of contextual implementation of the PU can act as actualizers, such as repetition (the most frequent method), substitution and ellipses of the phraseological unit.

Key words: phraseological unit; instantial transformation; extended metaphor; meaning of the components; actualization

For citing: Semushina E.Y., Pratchenko O.V. Peculiarities of Actualization of the Direct Meaning of the Phraseological Unit During Instantial Transformation in the Discourse (based on English and Russian). *Kazan Linguistic Journal*. 2024;7(2): 262–271. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2024.7.2.262-271>

При использовании фразеологических единиц в определенном контексте, говорящий может столкнуться с ситуацией, когда базовая фразеологическая единица (далее ФЕ) не в состоянии полностью отразить интенцию автора высказывания, соответственно, для достижения необходимого эффекта говорящий использует окказиональные фразеологические трансформации [1]. Выбор трансформации фразеологической единицы в первую очередь зависит от того, какие компоненты ее составляют, от их значения, а также, от того, как они взаимосвязаны друг с другом [2]. Кроме того, окказиональные трансформации

напрямую зависят от контекста, который оказывает непосредственное воздействие на фразеологические единицы и содержит актуализаторы, способствующие изменению семантики базовой единицы, например, актуализации прямого значения компонентов, составляющих ФЕ [3]. Современными лингвистами неоднократно отмечается, что контекстуальные трансформации ФЕ формируются и функционируют не хаотично, а подчиняются определённой системе [4, 5].

Окказиональная фразеологическая единицы не только приносит в текст дополнительную информацию, но подвергается изменению объема и качества значения. Например, может изменяться как денотативный, так и коннотативный компоненты значения, причем само значение может расширяться или сужаться [6]. Для понимания механизма окказиональных трансформаций, отграничения их от ошибочного использования фразеологической единицы необходимо системное изучение способов изменения значения ФЕ в контексте, что и обуславливает **актуальность** исследования. **Новизна** исследования заключается в попытке систематизации типов актуализации прямого значения фразеологической единицы с учетом окказиональных структурных изменений фразеологических единиц в контексте.

Целью данного исследования является анализ способов актуализации прямого значения компонентов фразеологической единицы в контексте при окказиональной трансформации ФЕ. **Материалом** исследования послужили окказиональные ФЕ русского и английского языка, отобранные из произведений русской и английской литературы XX и XXI века. **Методы** исследования включают метод контекстуального анализа, метод сплошной выборки, сопоставительный метод, методы фразеологической идентификации и фразеологического описания.

Согласно А. Начисчионе, окказиональная фразеологическая единица имеет следующие характеристики: используется однократно, отражает интенцию автора, обладает экспрессивностью и может изменяться на лексическом, семантическом или синтаксическом уровнях [2].

Арсентьева Е.Ф. предлагает следующую классификацию окказиональных трансформаций фразеологических единиц, которая включает в себя анализ трансформаций, как с семантической, так и структурной точки зрения: субституция, вклинивание или разрыв, расширение (добавление компонентов), эллипсис, фразеологический повтор, насыщение, игра слов, расширенная метафора. Данные окказиональные трансформации могут образовывать так называемые комплексные случаи трансформации ФЕ [7].

При исследовании окказиональной трансформации ФЕ особый интерес представляет рассмотрение актуализации прямого значения компонентов базовой ФЕ в процессе контекстуальной реализации, так как данное явление имеет место в большинстве контекстуальных трансформаций. Очевидно, что использование прямого значения компонента для придания нового значения всей ФЕ происходит быстрее в том случае, если внутренняя форма ФЕ мотивирована. Соответственно, характер переосмысления значения компонентов ФЕ становится очевиден в большинстве случаев при наложении на переменное сочетание слов, которое легло в основу фразеологической единицы, или же при анализе буквального значения ее компонентов.

Фразеологическое значение является сложным и многокомпонентным явлением. Традиционно считается, что фразеологическое значение является обобщенно-целостным [8]. Однако при исследовании окказиональных трансформаций становится очевидно, что прямое значение компонентов не исчезает, а является основой для создания новых образов. Е.Ф. Арсентьева, анализируя роль метафоры в создании фразеологического значения, отмечает, что «буквальное значение слова, использованного в переносном смысле, не только не исчезает, но и играет значительную роль в интерпретации метафоры ...» [9, с.20].

Фразеологическое значение рассматривается современными учеными с разных точек зрения, однако большинство фразеологов выделяют три основных аспекта значения ФЕ: сигнификативный, денотативный, и коннотативный. Ряд отечественных лингвистов, учитывая основные положения лингво-

культурологии, представляют несколько иную систему значения фразеологической единицы и включают в нее следующие компоненты: 1) денотативный; 2) рационально-оценочный; 3) мотивационный (образный); 4) эмотивный; 5) стилистический [10].

Изменение значения, его актуализация в контексте, зависят от контекстных актуализаторов. Двойная актуализация реализуется при помощи двух типов актуализирующих коррелятов в контексте: слов, образующих постоянный контекст фразеологизма, и(или) свободных лексем, которые входят в состав фразеологизма, при этом элементы контекста актуализируют и ядерные, и потенциальные семы в значении языкового фразеологизма [11].

При анализе практического материала было выявлено, что актуализация прямого значения компонентов фразеологической единицы в большинстве случаев приводит к созданию расширенной метафоры или игры слов, как комплексных случаев контекстуальной реализации ФЕ, то есть подтверждается мнение Арсентьевой Е.Ф., что важным в создании расширенной метафоры является то, что в развитии подобразов одновременно задействовано переносное значение фразеологизма и прямое значение его прототипа [12].

Проанализировав практический материал, нами были выявлены следующие варианты актуализации прямого значения ФЕ в контексте.

1) Актуализация прямого значения компонента ФЕ.

Актуализация прямого значения одного из компонентов в рамках образования расширенной метафоры или игры без дополнительных окказиональных трансформаций и структурных изменений является достаточно распространённым явлением в обоих языках.

В следующем примере ФЕ *early bird* подвергается частичной актуализации прямого значения слова *bird* при помощи актуализатора *nested*. Как мы видим, в данном случае актуализируется ядерная сема номинативного компонента.

*All the spaces along the building were taken. Alfie wasn't surprised. You could make a reservation, guarantee it, but if you arrived late (late on a day like this after 4 p.m.), you had to park and walk. The cars belonging to **the early birds** were **nested up to the gray cylinder block and the bright-yellow doors in a long line, their windows already covered with a scrim of light snow** [13, с.71].*

В русском языке встречается способ актуализации прямого значения компонента ФЕ *кошки скребут на душе* в сочетании со вставкой, где также происходит актуализация прямого значения номинативного компонента *кошки* при помощи контекстуального актуализатора *разбежались*:

*Если и **скребли** у Лины **кошки на душе**, что она слишком круто обошлась с матерью, **от этих слов все они разбежались** [14, с.206].*

Наиболее распространенный способ окказиональной трансформации ФЕ, который используется для актуализации прямого компонента значения в обоих языках – различные виды повторов. Причем в контексте имеет место повтор именно того компонента, прямое значение которого выходит на первый план. В данном случае может иметь место актуализация не только ядерной семы значения, но и потенциальной.

В следующем примере русского языка имеет место повтор номинативного компонента *черта* в комбинации с усечением ФЕ *провести черту*, актуализируя потенциальную сему *ограничение*:

*В то злополучное утро Мария за завтраком атаковала Тетерина активнее, чем обычно, а он опускал голову к своей тарелке заметно ниже **той невидимой черты, которую давным-давно провела для него Женька. Черта эта тянулась по всей их крошечной квартире ...** [15, с.7].*

При использовании повтора компонента для создания игры слов, актуализация прямого значения еще больше очевидна, что, по сути, приводит к буквализации значения. В обоих языках характерно использование сначала компонента в составе в ФЕ в переносном значении, с последующим повтором компонента уже в прямом значении. В данном случае наблюдаем актуализацию толь-

ко ядерной семы компонента ФЕ. Например, ФЕ *old fox* используется в следующем английском с повтором компонент *old*, но уже в прямом значении *старый*:

*Don't take Saxenden at his face value. He's an astute **old fox**, and not so **old** either* [16, с.86].

В следующем примере русского языка также наблюдается актуализация прямого значения компонента *ноги* ФЕ *спать без задних ног* по аналогичной схеме, а именно, сначала использование ФЕ, а затем повтор компонента в прямом значении.

*Родителям было не до Марины. Она сама формировала, и сама заполняла свой день. Набегавшись, возвращалась домой, **спала без задних ног**. При этом **задние ноги** были грязные и в цыпках* [17, с.7].

Актуализация прямого значения компонента в сочетании с субституцией была выявлена только в английском языке, причем замена компонента приводит к актуализации прямого значения компонента, оставшегося в тексте. Например, ФЕ *to lighten the burden* подвергается замене глагольного компонента на *drop* в сочетании с разорванным использованием ФЕ и приводит к актуализации значения компонента *burden*, но сохраняет метафоричность образа, то есть формирует расширенную метафору:

*"I will do the best I can," said Cowperwood, "but some of these **burdens** are not so easy to **drop** as you may imagine* [18, с.310].

2) Актуализация прямого значения нескольких (всех) компонентов ФЕ

При актуализации прямого значения всех (или нескольких компонентов) определяются два основных способа актуализации прямого значения компонентов – при помощи лексических актуализаторов в контексте и на основе повтора, где один раз используется ФЕ, а второй раз – компоненты или свободное словосочетание в прямом значении.

Использование полного повтора в следующем примере, как уже было сказано, производится при помощи использования базовой ФЕ *There's no smoke*

without fire, и повтором компонентов, но уже в прямом значении в сочетании с актуализатором *deep wounds*:

There's no smoke without fire. ... Why tell an old man that there can be smoke without fire as surely as there are deep wounds that draw no blood? [19, с.251]

В следующем примере русского языка наоборот сначала используется свободное сочетание слов, а потом образованная на его основе ФЕ *песок сыпется* в сочетании с вклиниванием дополнительных компонентов.

Что ты изводишься, - мягко упрекала его Маруся, - тебя бы все равно не взяли. Разве что песком перед бомбой посыпать. Да, твоим собственным песком, который из тебя сыпется [20, с.158].

Итак, контекстуальная трансформация фразеологических единиц в английском и русском языках часто основывается на частичной или полной актуализации прямого значения компонента (компонентов) ФЕ. Актуализация прямого значения компонента часто приводит к формированию расширенной метафоры или игры слов. При проявлении прямого значения компонента ФЕ в качестве актуализаторов могут выступать как свободные лексемы в контексте, так и способы контекстуальной реализации ФЕ: повтор, замена компонента, усечение и вклинивание. Превалирующим способом актуализации прямого значения компонента ФЕ является повтор, причем имеет место использование ФЕ сначала в переносном значении, затем в прямом. Необходимо отметить, что в большинстве случаев актуализации подвергаются именно ядерные семы компонента ФЕ.

Список литературы

1. Semushina E.Y. Instantial transformation of phraseological units as complex phenomenon. *Xlinguae*. 2019;12(3):179–191.
2. Naciscione A. *Phraseological Units in Discourse: towards Applied Stylistics*. Riga: Latvian Academy of Culture; 2001.
3. Зиннатуллина Л.М. Безэквивалентные адвербиальные фразеологические единицы в английском и русском языках. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016;5–1(59):82–85.

4. Семушина Е.Ю. Особенности передачи расширенной фразеологической метафоры (на материале английского и русского языков). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015; 9–1(51):161–163.

5. Сакаева Л.Р., Евсюкова А.В. Формирование и процесс пополнения семантического поля «Дипломатия и внешняя политика» в английском и русском языках в сопоставительном аспекте. *Казанский лингвистический журнал*. 2020;3(2):57–70.

6. Давлетбаева Д.Н. Особенности семантического моделирования фразеологического значения. *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского*. 2010;15(19):18–19.

7. Арсентьева Е.Ф., Абдуллина А.Р., Аюпова Р.А., Жолобова А.О., и др. *Контекстуальное использование фразеологических единиц*. Казань: Хэтер; 2009.

8. Залевская Т.Е., Ибрагимова Л.И. Фразеологическое значение и его типы. *Мир науки, культуры, образования*. 2022;1(92):415–417.

9. Арсентьева Е.Ф., Арсентьева Ю.В. Использование контекстуально нетрансформированных фразеологизмов-эвфемизмов в английском и русском языках. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2016;1(3):16–22.

10. Ковшова М.Л. Как с писаной торбой носиться: принципы когнитивно-культурологического исследования идиом. *Фразеология в контексте культуры*. 1999:64–172.

11. Третьякова И.Ю. Семантические виды окказионального преобразования фразеологизмов. *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*. 2010;4:139–142.

12. Арсентьева Е.Ф., Арсентьева Ю.С. Расширенная метафора как один из типов окказионального использования фразеологизмов-эвфемизмов: экспериментальное исследование. *Вестник Томского государственного университета*. 2017;50:5–16.

13. King S. *Everything's eventual: 14 dark tales*. New York: Scribner; 2002.

14. Миронова Н.А. *Возраст Суламифи*. Москва: Эксмо; 2019.

15. Геласимов А. *Дом на Озерной*. М.: Эксмо; 2010.

16. J. Galsworthy. *End of the chapter*. М: Foreign languages publishing house; 1980.

17. Токарева В. *Из жизни миллионеров*. Москва: Издательство АСТ; 2004.

18. Dreiser Th. *The stoic*. Moscow: Foreign Languages Publishing house; 1962.

19. Smith Z. *White Teeth*. UK: Penguin books; 2006.

20. Степанова М.Л. *Женщины Лазаря*. Москва: Издательство АСТ; 2015.

References

1. Semushina E.Y. Instantial transformation of phraseological units as complex phenomenon. *Xlinguae*. 2019;12(3):179–191.

2. Naciscione A. *Phraseological Units in Discourse: towards Applied Stylistics*. Riga: Latvian Academy of Culture; 2001.

3. Zinnatullina L.M. Equivalent-free adverbial phraseological units in English and Russian. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2016;5–1(59):82–85. (In Russ.)

4. Semushina E.Y. Peculiarities of translation of an extended phraseological metaphor (based on the material of English and Russian). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2015;9–1(51):161–163. (In Russ.)

5. Sakaeva L.R., Evsyukova A.V. Formation and process of replenishment of the semantic field "Diplomacy and foreign policy" in English and Russian in a comparative aspect. *Kazanskiy lingvisticheskiy zhurnal*. 2020;3(2):57–70. (In Russ.)

6. Davletbaeva D.N. Features of semantic modeling of phraseological meaning. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*. 2010;15(19): 18–19. (In Russ.)

7. Arsentyeva E.F., Abdullina A.R., Ayupova R.A., Zholobova A.O., and etc. *Contextual use of phraseological units*. Kazan: Kheter; 2009. (In Russ.)

8. Zalevskaya T.E., Ibragimova L.I. Phraseological meaning and its types. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2022;1(92):415–417. (In Russ.)
9. Arsentyeva E.F., Arsentyeva Yu.V. The use of contextually untransformed phraseological units-euphemisms in English and Russian. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 2016;1(3):16–22. (In Russ.)
10. Kovshova M.L. How to run around with a bag: principles of cognitive-cultural research of idioms. *Frazeologiya v kontekste kul'tury*. 1999:64–172. (In Russ.)
11. Tretyakova I.Y. Semantic types of instantial transformation of phraseological units. *Vestnik KGU im. N.A.Nekrasova*. 2010;4:139–142. (In Russ.)
12. Arsentyeva E.F., Arsentyeva Y.S. Extended metaphor as one of the types of occasional use of phraseological units-euphemisms: an experimental study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017;50:5–16. (In Russ.)
13. King S. *Everything's eventual: 14 dark tales*. New York: Scribner; 2002.
14. Mironova N.A. *Sulamifi's age*. Moscow: Eksmo; 2019. (In Russ.)
15. Gelasimov A. *House at Ozernaya street*. Moscow: Eksmo; 2010. (In Russ.)
16. J. Galsworthy. *End of the chapter*. M: Foreign languages publishing house; 1980.
17. Tokareva V. *From the life of millionaires*. Moscow: Izdatelstvo AST; 2004. (In Russ.)
18. Dreiser Th. *The stoic*. Moscow: Foreign Languages Publishing house; 1962.
19. Smith Z. *White Teeth*. UK: Penguin books; 2006.
20. Stepanova M.L. *Lazarus Women*. Moscow: Izdatelstvo AST; 2015. (In Russ.)

Авторы публикации**Семущина Елена Юрьевна –**

кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: epospelova12@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7453-5695>

Праченко Оксана Владимировна –

кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: oksana.oksana@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5047-3127>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12.08.2023
Одобрена после рецензирования: 14.04.2024
Принята к публикации: 15.05.2024

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Authors of the publication**Semushina Elena Yurievna**

PhD. in Philology, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: epospelova12@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7453-5695>

Pratchenko Oksana Vladimirovna

PhD. in Philology, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: oksana.oksana@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5047-3127>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 12.08.2023
Approved after peer reviewing: 14.04.2024
Accepted for publication: 15.05.2024

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Казанский лингвистический журнал
Международный научный рецензируемый журнал
Главный редактор – С.С. Тахтарова
Выпускающий редактор – А.Р. Лисенко
Шеф-редактор – Д.Р. Сабирова
Ответственный редактор – А.А. Абдрахманова
Научные редакторы:
Ф.Л. Ратнер (педагогика)
Л.Е. Бушканец (литературоведение)
Л.Р. Сакаева (лингвистика)

Kazan Linguistic Journal
International peer-reviewed journal
Chief editor – S.S. Takhtarova
Executive editor – A.R. Lisenko
Press and editorial manager – D.R. Sabirova
Responsible editor – A.A. Abdrakhmanova
Scientific editors:
F.L. Ratner (pedagogics)
L.E. Bushkanets (literary studies)
L.R. Sakaeva (linguistics)

Дата выхода в свет: 12.06.2024. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета

Адрес: ул. Профессора Нужи́на, 1/37, г. Казань, Республика Татарстан, Россия, 420008

Телефон: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции

Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций

Распространяется бесплатно

Date of publication: 12.06.2024. Offset paper. Printing is digital. Format 70x108 1/16. Edition of 500 copies

Printed from the finished layout in the printing house of Kazan University publishing House

Address: 1/37, Professor Nuzhina str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the editorial Board

The editors are not responsible for the content of publications

Available free of charge.

